

Золото

Наталья Солнцева

В храме Солнца деревья золотые

Annotation

Съемочная группа киностудии «Дебют» отправляется на Памир. Фильм будет сниматься в районе Язгулемского хребта, где прокладывают туннель. Подробностей никто не знает, все покрыто завесой тайны. Между тем в горах и в самом туннеле происходят необъяснимые явления. В их орбиту оказываются вовлечены не только сотрудники киностудии, но и члены общины, ищущей в горах просветления, и строители, и бывший сотрудник сыскного агентства «Барс» Марат Калитин. Истоки загадочных событий обнаруживаются в Южной Америке, древней империи инков, поклоняющихся солнцу и обожествляющих золото.

- [Наталья Солнцева](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Наталья Солнцева

В Храме Солнца деревья золотые

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

«Мутится разум,
мешаются мысли».

*(Шумеро-аккадский
эпос)*

Доктор Закревская проснулась под утро и больше не смогла заснуть. Захотелось пить. Она привстала, посмотрела на часы.

– Только пять утра...

За окном стояла непроглядная тьма. Зимняя Москва, покрытая блестящим снежным ковром, досматривала свои сны.

Ангелина Львовна вздохнула и повернулась на другой бок. Впрочем, это не помогло. Она попробовала воспользоваться теми советами, которые давала своим пациентам, страдающим от бессонницы. Увы! Рекомендации всегда легче расточать, нежели применять самому. Убедившись в том, что сна как не было, так и нет, женщина смирилась. Что ж, зато она сможет использовать эти утренние часы по-другому. Например, спокойно подумает о сегодняшнем дне, о клиентах, которые придут к ней на прием, об их проблемах.

Особенно ее волновал Ревин, бывший спортсмен, а ныне влиятельный деловой человек, по стечению обстоятельств оказавшийся мужем ее школьной подруги.

Машенька Ревина дней десять назад прибежала к Ангелине вся в слезах.

– Геля! – выдохнула она, падая в кресло. – Помоги! На тебя вся надежда!

– Как ты меня нашла? – спросила Закревская, безмерно удивленная этим неожиданным визитом.

В школе они с Машей дружили: ходили вместе в литературный кружок, списывали друг у друга домашние задания, делились сердечными тайнами. Но дальше этого дело не пошло. Отгуляв на выпускном вечере, обменявшись жаркими поцелуями и клятвенными заверениями не терять друг друга из виду, подруги разошлись, как казалось, навсегда. Машенька поступила на филфак университета, а Геля в медицинский. Она с детства мечтала стать врачом. Новые интересы, веселая студенческая жизнь

закружили, подхватили и понесли школьных подружек в разные стороны. Дальше – боль – ше. Маша вышла замуж, забросила диплом и превратилась в супругу состоятельного бизнесмена Даниила Ревина. Ангелина же увлеклась психиатрией, проводила дни и ночи в библиотеках, защитила кандидатскую, писала статьи. Наука поглотила ее целиком, так что времени на личную жизнь почти не оставалось.

– Как ты меня все-таки нашла? – повторила она свой вопрос, с любопытством разглядывая Машеньку, которая умудрилась внешне практически не измениться.

Кроме, разумеется, одежды. Одета госпожа Ревина была вызывающе роскошно и супермодно: короткая шубка из белой норки, высокие сапоги в обтяжку, крохотный бархатный беретик на пышно взбитых волосах.

– Мне Сашка Шабунин твой телефон дал, – ответила она, стаскивая с головы беретик и усаживаясь поудобнее. – Помнишь его?

– Смутно... – Ангелина Львовна вздохнула. Школьные годы казались такими далекими, нереальными. – А ты все такая же худющая! Дети есть?

– Еще чего! – фыркнула Машенька. – С моим Ревиним только детей наплодить не хватало! И так живу, как на вулкане. У меня в спальне, в шкафу, знаешь, что лежит? Винчестер! Большущая такая винтовка. Без него не засыпаю. Открою шкаф, посмотрю, потрогаю... тогда только ложусь.

– Да... Нервная у тебя жизнь. Вредная для здоровья.

– Ты даже не представляешь, какая вредная! – охотно подтвердила Ревина. – Я и курить начала, и... выпиваю по чуть-чуть. А что делать? Надо как-то стресс снимать.

– Ну, ясно. Ты ко мне пришла не просто так, – усмехнулась Закревская. – Ко мне теперь никто просто так не приходит. Обязательно по делу, и притом по личному.

– Геля-а-а! – захныкала Машенька. – Понимаю, что я скотина. Столько не звонила, не показывалась...

– Да ладно, я тоже хороша. Закопалась в своих книжках, так что белого света не вижу. Выкладывай, что там у тебя. Депрессия? Суицидальный ^[1] синдром? А может, наркотиками балуешься?

Машенька смешно выпучила свои круглые, густо накрашенные глазки.

– Ты что, Геля? Меня же бабуля воспитывала. Какие наркотики! Ты не поверишь, но я даже курю тайком... И вообще, проблемы не у меня, а у Ревина. Я из-за него пришла. Мне совершенно не с кем посоветоваться.

– А что случилось?

Доктор Закревская дома не принимала. Это было ее незыблемым правилом, которое она не собиралась нарушать даже для школьной

подруги. Но поскольку в данном случае сам пациент отсутствует, придется выслушать его супругу.

– Только я тебя прошу, никому ни слова! – взмолилась Машенька, прижимая руки к груди и сдерживая готовый вот-вот хлынуть поток слез.

– Разумеется, никому. Не волнуйся. Так что с твоим благоверным?

– Если бы я знала! Потому-то я к тебе и обращаюсь, – перешла на возбужденный шепот Ревина. – Ты же не сочтешь меня ненормальной? Знаешь, как врачи думают? Мол, у этих богатых от шальных денег крыша едет... вот они и бесятся. Никто же всерьез ни в чем разбираться не будет! Выпишут убойные таблетки, от которых люди дураками становятся, и все. Какой нынче с медицины спрос?

В ее словах была доля истины. Закревская возражать не стала, только нетерпеливо повела плечами.

– Говори толком, – строго велела она. – И по порядку.

Машенька растерянно оглянулась, как бы ища поддержки у невидимых слушателей, и принялась объяснять.

– С Ревиным творится что-то непонятное. Он... словом, год назад на него *нашло!* Был мужик, как мужик и вдруг...

– Ты можешь выразиться конкретнее? Так я ничего не пойму.

– Я сама не понимаю, что с ним происходит! Ну... вот, например, он перестал спать по ночам.

– Как? Совсем?

– Не совсем, конечно, а иногда. Встанет посреди ночи и ходит, ходит... Я его спрашиваю: «Чего ты ходишь?» А он смотрит и молчит. Как будто первый раз меня видит. Ей-богу! Просто жуть берет!

– Ты не преувеличиваешь? Бессонница у бизнесменов не такая уж редкость. Может, у него какие-нибудь неприятности?

Машенька поморгала глазами, поерзала.

– Ревин не первый год бизнесом занимается, – наконец сказала она. – В нашей жизни всякого хватало. Бывало, конечно, что он напьется или загуляет на неделю. Сауна, девочки и прочее. И ночь не спит, если какое-то срочное дело. Но в последнее время он... какой-то очень странный.

– Можешь назвать хоть один конкретный факт?

– Ну вот, например: смотрим мы с ним телевизор вечером, вдруг он как сорвется с дивана, как забегает по комнате и... бормочет что-то. Ты бы видела его глаза! Безумные...

– А что за передача была? Машенька задумалась.

– Фильм какой-то, точно не помню... Про альпинистов, кажется.

Ангелина Львовна помолчала. На кухне закипел чайник, и от его

свиста гостя вздрогнула.

– Видишь? Я уже сама от каждого звука шарахаюсь, – сказала она. – Я его боюсь!

– Кого?

– Ревина. Представляешь? Боюсь собственного мужа.

– погоди, – остановила ее Ангелина Львовна. – Постарайся объяснить, чем вызван твой страх. Муж кричит на тебя? Бьет?

– Нет... что ты! Он меня за всю жизнь пальцем не тронул. Орет, бывало, если чем недоволен, и то редко. Ревин вообще не злой, просто вспыльчивый. Накричит, а потом извиняется.

– И часто у него случаются приступы агрессии?

– Да какой агрессии? – вздохнула Машенька. – Ну, взорвется мужик иногда. С кем не бывает? Ты попробуй бизнес вести, сразу поймешь, отчего у людей нервы сдают.

– Он тебе угрожал? Что он обычно говорит во время скандалов?

– Ну... вопит, как ему все надоело... меня ругает. Ты, говорит, Машка, корова безрогая, никакого толку от тебя нет. Слоняешься целыми днями по квартире да конфеты жуешь. Хоть бы занялась чем-нибудь! Дите бы родила, что ли...

– Может, он прав? Ты не работаешь, средства позволяют, почему бы...

– Вот еще! – перебила ее подруга. – Не приспособлена я для этой роли. Терпеть не могу пеленки-распашонки! Какая из меня мать? Я с детства решила: рожать не буду. И Ревина предупредила перед свадьбой, так что он был в курсе. Да он ругается несерьезно, так... болтает все подряд. Несет чепуху...

– Чего ж ты его боишься?

– Ой, Геля... у него такие глаза иногда становятся! Аж мороз по коже... Не взгляд, а... – она запнулась, подбирая подходящее слово, – ... ледяной холод! Прямо кровь стынет. И ведь раньше ничего подобного не было.

– Сколько вы женаты?

– Семь лет... – всхлипнула Ревина. – Все годы жили душа в душу... Ну, ругались, конечно. А кто не ругается? Зато Данила умел мириться. Цветы дарил, драгоценности... на колени даже вставал. Хоть и шутя, а все же приятно. У нас серьезная размолвка только одна случилась, когда он меня к охраннику приревновал. Да и то это давно было, в первый год. Потом мы притерпелись, притерлись друг к другу.

Ангелина Львовна задумалась. Бессонницу и «странные взгляды» нельзя назвать опасными симптомами, даже с натяжкой. Но Машенька

слишком расстроена. А она не из тех, кто хнычет по пустякам. В школе беззаботный характер подружки вызывал у Гели белую зависть. Она сама мечтала научиться воспринимать жизнь как нескончаемое забавное приключение, но так и не смогла. А вот у Маши это получалось само собой. Ее не так-то легко вывести из равновесия. Значит... с Ревиным действительно происходит неладное, раз его жена то дрожит от страха, то заливается слезами.

– Маша, – серьезно сказала Закревская. – Постарайся вспомнить что-нибудь еще, более существенное. Понимаешь, плохой сон и...

– Да знаю я, знаю... – нервно перебила Машенька. – Потому к тебе и пришла. Чужому не расскажешь...

Госпожа Ревина долго шмыгала носом и судорожно комкала в руках белоснежный беретик.

– Однажды Данила разбудил меня посреди ночи, – едва слышно начала она. – Он кричал: «Где твоё золото? Где золото?» Я думала, ему приснился кошмар. «Какое золото? – спрашиваю, – спи!» Но он вскочил, вне себя от возбуждения, бросился к секретеру, вытащил мою шкатулку, высыпал из нее все на стол и устался, как безумный. Я встала, подошла... смотрю на него и не узнаю: руки дрожат, перебирают мои побрякушки, лицо бледное... На самом деле Ревин совершенно не жадный, а к золоту и вовсе равнодушный. Он считает украшения «бабскими штучками». Никаких цепей на шее, булавок, запонок, никаких перстней никогда не носит. Только обручальное кольцо, и то по моему настоянию.

– И что потом?

– Так и сидел до утра над золотом... будто помешанный. Я легла спать, а он не пришел...

Машенька снова заплакала, теперь уже беззвучно. Слезы обильно катились по ее нарумяненным щекам, промывая светлые дорожки.

– Это все?

Госпожа Ревина удрученно кивнула.

– Он просто сам не свой! А с этим золотом... просто ужас какой-то...

– Что требуется от меня? – осведомилась Ангелина Львовна. – Я не могу поставить диагноз с твоих слов. Да ты и не за тем пришла.

– Побеседуй с Данилой! – взмолилась Машенька. – Ты же профессионал. Выясни, что его беспокоит. Отчего он стал таким?

– Ладно. Пусть приходит. Он согласится?

– Я его уговорю. Придумаю что-нибудь...

– Он сам замечает перемены в своем состоянии?

– Думаю, да... – прошептала Машенька. – Когда становится прежним

Ревиным, с которым я восемь лет назад познакомилась на катке. Очнется и испытывает неловкость за свои выходки. Но это бывает все реже и реже. Геля, как быть?!

* * *

Семья Мельниковых переживала трудные времена.

Владимир и Лариса поженились, будучи оба студентами педуниверситета. В Москву они приехали из провинции, жили впроголодь в общежитии, подрабатывали, чем могли. Иногда родители присылали посылки из Ярославской области – сало, домашнюю тушенку. Этого хватало не надолго, и снова начинались голодные дни. Потом жизнь немного наладилась. Володя перевелся на заочное, нашел хорошую работу. Сразу после защиты диплома у Ларисы родился ребенок. Девочку назвали Катей.

Мельниковы смогли снимать крошечную квартирку на Бауманской. Лариса вынуждена была сидеть дома, нянчить Катю. О своем жилье мечтать не приходилось. Так и кочевали с квартиры на квартиру. Когда Катюшка подросла и пошла в садик, Лариса устроилась в ближайшую школу преподавать биологию.

Мельников о работе по специальности и не помышлял, понимая, что на учительскую зарплату семью не прокормишь. Работал на стройках, благо в Подмоскovie таковых хватало. Частные коттеджи росли, как грибы. Платили строителям неплохо, и Мельниковы жили более-менее обеспеченно. Во всяком случае, на еду и одежду хватало, даже мебелью обзавелись.

И вдруг случилось непредвиденное. О технике безопасности на частных стройках никто не заботился, вот и произошел тот самый «несчастный случай», о котором старались не думать. Мельников полез на лестницу, та съехала, сорвалась и упала. Он сломал руку в локтевом суставе, со всеми вытекающими последствиями: больница, гипс и длительная нетрудоспособность. Оплачивать лечение заказчик не собирался, а за время, проведенное Владимиром на больничной койке, небольшой запас денег, отложенных Мельниковыми, иссяк. Вдобавок ко всем неприятностям рука срослась плохо, не сгибалась, не действовала и продолжала болеть. О возвращении на стройку не могло быть и речи.

Некоторое время семья, едва сводя концы с концами, жила на зарплату

Ларисы. Долг за квартиру достиг солидной суммы, и хозяйка предупредила о выселении.

– Что нам теперь делать, по-твоему? – спросил Мельников расстроенную жену. – Возвращаться в поселок, к родителям?

Лариса покачала головой. Уезжать из столицы не хотелось. Здесь хоть какие-то перспективы. В глубинке совсем зачахнешь.

– Нужно тебе искать другую работу, – сказала она. – Может, подвернется что-то подходящее?

– С такой рукой? – Владимир поднял изуродованную руку и с ненавистью плюнул. – Вот же угораздило! Мы с тобой, Лорка, как проклятые, – бьемся, бьемся, и все напрасно. Куда я теперь пойду? Сторожем, и то не возьмут.

– Сторожем возьмут. – Лариса печально вздохнула. – Только нас это не спасет.

Она уже неделю таскала домой кипы газет, предлагающих трудоустройство, но ничего пока не выбрала.

– Ладно, давай ужинать...

– Одну кашу? – возмутился муж.

– Это даже полезно. Каша очищает организм.

– Хорошо, что мы Катьку отправили к моей маме, – обреченно произнес Мельников. – Ребенку нужно полноценное питание. Пусть поживет на свежем воздухе, настоящего молока попьет!

Спать легли рано. Телевизор, – купленную еще до болезни Владимира плазму, – заложили в ломбард. Лариса долго ворочалась с боку на бок, гнала от себя неприятные мысли. Но они, как назло, лезли и лезли – одна хуже другой. Наконец, она не выдержала, встала и прошлепала босыми ногами на кухню. На подоконнике лежала новая газета «Работа для вас». Лариса принялась читать объявление за объявлением, пока не наткнулась на предложение: киностудии «Дебют» нужен помощник администратора. Размер заработной платы почти вдвое больше, чем она получала в школе. Маленькая приписка в конце – «Звонить круглосуточно» – говорила о том, что киностудия остро нуждается в кадрах.

– Наверное, очередная надуваловка, – пробормотала Лариса и взглянула на часы. Было не так поздно, без четверти одиннадцать. – Позвонить, что ли?

Она набрала указанный номер и стояла, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, слушая гудки. Наконец, приятный мужской басок ответил: «Вас слушают».

– Это киностудия? Я... по поводу работы.

– Хорошо. Нам нужны надежные люди.
– А что нужно делать?
– Приходите в офис, и мы все обсудим.
– Когда? – заволновалась Лариса. – Прямо сейчас?
Басок едва слышно хмыкнул.
– Можно и сейчас.
– Но... уже темно. Я боюсь ездить по ночам.
– Тогда утром.
– Утром я буду в школе, я преподаю биологию...
Мужчина положил трубку. Лариса на миг растерялась, потом снова набрала номер.
– Алло... – равнодушно ответил тот же голос.
– Нас прервали? Я только хотела сказать, что...
– Вы не очень заинтересованы, – перебил ее басок. – Нам нужны добросовестные сотрудники.
– Я добросовестная! – обиженно протянула Лариса.
– Когда вы сможете прийти на собеседование?
– Я... могу завтра... после уроков, часов в двенадцать.
Мужчина молчал. В этом молчании сквозило недовольство.
– Алло, вы меня слышите? – спросила Лариса, испугавшись, что он снова положит трубку.
– Слышу...
– Где находится ваш офис? Куда ехать?
– Метро «Авиамоторная», – ответил голос.
– А подробнее?
Мужчина объяснил ей, как найти киностудию.
– Вы все поняли? – уточнил он.
– Да.
– Тогда до завтра.
– Погодите! А... в газете правильно указана сумма заработной платы?
– Правильно.
Лариса с облегчением вздохнула.
– А возраст? – спросила она. – Возраст имеет значение?
– Если вам не больше шестидесяти, то нет.
«Слава богу, это не ночной клуб и не стриптиз! – подумала Лариса. – И не массажный салон. Там нужны только молодые».
– Мне тридцать, – сказала она.
– Прекрасно. Завтра в двенадцать я вас жду.
В трубке раздались гудки. Лариса долго сидела, уставившись на

телефон. Она чувствовала неприятное оцепенение внутри.

«Это все мое самолюбие, – сказала она себе. – У меня высшее образование, а я устраиваюсь неизвестно кем на киностудию и страшно счастлива. А! Плевать, в конце концов! Расплатимся с долгами, а там видно будет».

На пороге кухни появился Мельников.

– Ты чего не спишь? – спросил он, зевая. – Тоже есть хочется?

– Мы же ужинали.

– Как это китайцы рисом наедаются? – вздохнул он. – А лошади овсом? У меня в желудке так же пусто, как в кошельке. Проклятая жизнь!

– Прекрати! – разозлилась Лариса. – Иди спать.

– Не могу. Есть хочу...

Она встала, налила воды в чайник, поставила на плиту.

– Я, кажется, работу нашла.

– Да ну? – удивился Мельников, сонно потирая глаза. – Рекламу разбрасывать по почтовым ящикам? Или сетевой маркетинг?

– Нет... Девочкой по вызову.

– Ты что, рехнулась?

– Не знаю, – вздохнула Лариса. – Может, и так...

Чай пили молча. Разговаривать не хотелось.

– Так что за работа? – все-таки спросил Владимир.

– Киностудия «Дебют» приглашает меня на главную роль в фильме «Москва слезам не верит – 2».

– Шутишь...

– Вот и нет!

– Так этот фильм же давно снят.

– То был первый. Теперь продолжение будет. Сериал!

Мельников хлопал глазами, не понимая, о чем она говорит. На голодный желудок он всегда плохо соображал.

– Ты че? Серьезно?

– О Боже! Разумеется, нет. Им нужен помощник администратора.

– А как же школа? – удивился Мельников.

– Нам надо отдать долг за квартиру, – сказала Лариса. – Киностудия, оказывается, готова хорошо платить.

– Ага... – Мельников пытался осмыслить услышанное. – А как же твоя биология?

– Боюсь, биологию придется бросить...

Глава 2

– Я жутко замерз, – жаловался доктор Самойленко, стаскивая перчатки и бросаясь к обогревателю. – Ну и холодина! Пальцев не ощущаю.

– Что ж ты так легко оделся?

– Я думал, пробегусь до метро, потом из метро. До офиса-то два шага. Но мороз прихватил крепко!

– Кофе будешь?

– Конечно, буду, – Самойленко растирал ооченевшие руки. – Ангелина, ты настоящий друг. Спасает мою жизнь.

Он театрально поклонился и сделал такое умильное выражение лица, что Закревская рассмеялась.

– Какой ты все-таки шут, Олежка! Когда перестанешь дурачиться?

Олег Иванович Самойленко арендовал офис вместе с доктором Закревской, считая такое соседство величайшей честью для себя. Они познакомились на одном из семинаров по психиатрии и сразу почувствовали друг к другу симпатию. Обменялись телефонами. Когда Ангелина Львовна решила заняться частной практикой и открыть свой кабинет, то партнера долго искать не пришлось. Олег с радостью согласился, тем более, что вдвоем не только веселее, но и за аренду легче платить. К тому же профессиональная репутация Закревской была выше всяких похвал, и само соседство с ней невольно служило Самойленко рекламой. Он звезд с неба не хватал, был обыкновенным трудягой, дотошным и педантичным, поэтому предложение Ангелины Львовны принял с восторгом.

Один из влиятельных пациентов Закревской помог им с помещением у метро «Белорусская». Олег Иванович взял на себя мужские заботы – ремонт, общение с малярами и сантехниками, покупку мебели и оборудования для кабинетов. Получилось все очень мило и весьма прилично: небольшой уютный холл с кожаными диванами вдоль стен и два отдельных кабинета – его и Ангелины. Секретаря из экономии решили не брать, обходились своими силами.

Самойленко боготворил Фрейда. Портрет знаменитого австрийского психиатра служил заставкой в его ноутбуке. Олег штудировал именитые труды с необыкновенным рвением. Когда разговор заходил о его кумире, он весь преображался, а его речь становилась пламенной, как на революционном митинге.

– Ты действительно считаешь секс источником всех проблем? – насмешливо спрашивала Ангелина. – Вот ты сам, например, разве хотел переспать со своей мамой?

Самойленко страшно смущался.

– Ну... м-м-мм... возможно, подсознательно...

Впрочем, Закревская вовсе не собиралась раскачивать устои психотерапевта Самойленко, она просто подшучивала над ним.

У Олега Ивановича одна страсть сменяла другую. То он увлекался гипнозом, то психокодированием, то еще бог знает чем. В последнее время он погрузился в мир паранормальных^[2] явлений.

– Я вижу энергетический столб посреди своего кабинета, – с пафосом сообщал он. – Это знак.

– Что еще за знак? – удивлялась Закревская. Она не хотела разочаровывать коллегу своими сомнениями, однако никакого столба не видела.

– Знак Высших Сил! Они явно благоволят ко мне.

Ангелина Львовна пожимала плечами.

– Тебе виднее...

– Как? Разве ты не чувствуешь, не ощущаешь эту мощнейшую энергетику?

Закревская только улыбалась.

– Послушай, Олег, ты бы лучше курил поменьше. Небось пачки в день не хватает.

– Не хватает, – послушно кивал Самойленко.

– А как же пациенты, которых ты кодируешь от курения?

– Так они хотят бросить, а я не хочу! Да они и не видят меня с сигаретой.

– Замечательно! – хохотала она. – Ты уникал, Олег. Хорошо, что ты хоть не алкоголик.

– Я люблю выпить, – присоединился к ее хохоту Самойленко. – Но в меру.

Сегодня Закревской было не до шуток. С утра позвонила Маша и сообщила, что уговорила своего супруга посетить психотерапевта и поделиться с ним своими проблемами.

«Ревин согласился?»

«Неохотно, – вздохнула подруга. – Ой, Геля, присмотришь к нему внимательно, очень прошу. Может, заметишь что-нибудь этакое...»

«Попробую. Надеюсь, господин Ревин с кулаками на меня не набросится?»

«Что ты, – неуверенно пропищала Маша. – Он джентльмен».

«Ну да, ну да...»

Ангелина Львовна почему-то опасалась этой встречи, втайне рассчитывая на неуспех Машиной миссии. Не хотелось ей разбираться в сложном внутреннем мире господина Ревина, и все тут. А почему? Она не знала.

– О чем ты задумалась? – поинтересовался Самойленко.

– Ой, отстань, Олег. Ты согрелся?

– Почти.

– Тогда иди к себе.

– А как же кофе?

– Забирай... – Закревская выключила кофеварку и вручила ее доктору. – Все, все, иди! Ко мне сейчас важный пациент придет.

– Понял.

Самойленко с кофеваркой скрылся за дверью своего кабинета.

Ангелина Львовна открыла медицинский журнал и углубилась в чтение, надеясь отвлечься. Грядущий визит Ревина вызывал у нее смутное беспокойство, природы которого она не понимала.

Закревская привыкла ко всяким неожиданностям, и волнение по поводу обычного приема раздражало ее.

– Здравствуйте! Вы позволите?

Она вздрогнула. В дверях стоял невысокий крепкий мужчина в дорогом пальто, из-под которого виднелся еще более дорогой костюм.

– Входите, пожалуйста...

– Я Ревин, – сухо представился мужчина. – Даниил Петрович.

– Ангелина Львовна.

– Теперь положено сказать, будто мне очень приятно. Не хочу кривить душой: визит к вам не доставляет мне никакого удовольствия. Это вынужденная мера.

– Вот как?

– К сожалению. Жена настояла. Я ей пообещал.

– Что ж, значит, у вас нет выбора. Проходите, снимайте пальто... садитесь.

Она заставила себя улыбнуться. Даниил Петрович показался ей отталкивающе враждебным. Он явно презирал и ее саму, и ее ремесло.

– Итак, я должен отвечать на ваши вопросы?

Ревин заложил ногу на ногу и уставился на узкий носок своего ботинка, всем видом демонстрируя, что это ему гораздо интереснее, чем доктор Закревская.

– Давайте просто побеседуем, – предложила она. – На тему, которую выберете вы, а не я.

– Вы гарантируете конфиденциальность?

– Безусловно.

– Впрочем, мне нечего рассказать вам. Но сам визит к психотерапевту... накладывает определенный отпечаток. Люди этого не афишируют. Я абсолютно нормален. Жена с чего-то вообразила, будто у меня проблемы.

Закревская промолчала. Молчал и Ревин, раскачивая носком ботинка.

– Почему вы все-таки пришли? – наконец спросила она.

– Говорю же, супруга потребовала...

– А вы, как настоящий мужчина, всегда держите слово.

– Стараюсь... – буркнул бизнесмен. – Ну, валяйте, задавайте ваши вопросы. Мое время дорого стоит.

– Представьте, мое тоже.

– Допустим, – Ревин с трудом сдерживал готовую вот-вот прорваться злость. – Что я должен делать?

– Давайте поговорим. О погоде, например.

– Вы смеетесь надо мной? Я приехал на другой конец города говорить с вами о погоде?!

– Почему бы и нет?

– Идиотизм!

– Как вам понравилась Москва, скованная морозом? – невозмутимо продолжала Ангелина Львовна.

Ревин уставился на нее с видом жертвы, которая в силу определенных причин вынуждена сносить все издевательства.

– Ну, мороз, – промямлил он. – Все белое. И что?

– Вам нравятся лед под ногами, снег, холод?

– Не очень, – передернул плечами Даниил Петрович.

– Напоминает что-то неприятное?

– Сейчас, я полагаю, вы спросите, что именно... Закревская кивнула.

– Правильно полагаете.

– И я должен буду рассказать?

– Желательно, – улыбнулась она. – Мне интересно.

– В самом деле?

Ревин иронизировал, но что-то в нем дрогнуло. Видно было, что он хочет поделиться своими воспоминаниями. Ангелина Львовна не торопила его, ждала.

– Видите ли... – усмехнулся бизнесмен. – Я ведь в прошлом

альпинист, и с некоторых пор снега, льды и ветра напоминают мне горы, наши былые походы, подъемы, траверсы, ледники, солнце и... моих товарищей.

– Это вас огорчает?

Даниил Петрович задумался, склонив голову набок и разглядывая кабинет. Обстановка простая, но приятная, располагающая к отдыху. Спокойные тона стен, мебели, окно, занавешенное светлой шторой.

– В общем, да, – признался он. – Некоторых ребят уже нет в живых. А горы... они как стояли, так и будут стоять в своих вечных снегах...

– Горные снега... – мечтательно произнесла Закревская. – Красота, наверное.

Бывший альпинист нервно дернул подбородком.

– Снег красив в парках и скверах, а в горах... он страшен. Большие массивы скапливаются на крутых склонах, а потом... срываются и несутся вниз. Клубящееся белое облако, словно призрак смерти... Жуткое зрелище! – Он вздрогнул. – Мой друг рассказывал, как при спуске с Эльбруса его снесло лавиной в Терскольское ущелье. Двое альпинистов пытались ему помочь, и были завалены снегом. С переломанными костями их выбросило на скальный островок...

Лицо Даниила Петровича исказилось гримасой боли.

– А вы сами...

– Бог миловал! – поспешно заявил он. – Но тот, кто однажды попал в лавину и выбрался живым из ее ледяных объятий, не забудет этого никогда...

– Вы бы хотели снова подняться на какую-нибудь вершину?

Ревин отшатнулся, как будто его ударили.

– Нет, ни за что. С этим покончено, раз и навсегда! Покончено...

* * *

– Поднимите голову повыше, – попросил фотограф. – Не то у вас получится второй подбородок.

Женщина чуть подняла голову, напряженно глядя в объектив.

– Улыбнитесь... Все. Следующий.

В дверь заглянул хозяин фотостудии «Профиль» Марат Калитин.

– Саня, у тебя очередь, – недовольно сказал он.

Фотограф раздраженно обернулся.

– Это же хорошо.
– Постарайся обслуживать клиентов побыстрее. Мне не нравится, что людям приходится ждать.

Фотограф пожал плечами.

– Как могу, так и обслуживаю...

– Неправильно рассуждаешь, – возразил хозяин. – Не «как могу», а «как можно лучше».

Калитин вышел, в очередной раз размышляя, почему его сотрудники не заинтересованы в клиентах. Может, потому, что работают не на себя, а на хозяина? Хотя, кто им запрещает заниматься частным бизнесом? Но ведь нет! Не заставишь. Каждый намерен переложить ответственность на другого, чтобы потом ворчать и небрежно выполнять свое дело.

Марат страдал от постоянной текучки кадров. Ему хотелось стабильности, хорошо отлаженной работы, дружного коллектива. Ничего не получалось. Один фотограф сменял другого, но ситуация существенно не менялась. Для Калитина подобное отношение к работе оставалось неразрешимой загадкой. Сначала он пытался что-то исправить, наладить, но со временем махнул рукой. А, плевать! В конце концов, он открыл студию, чтобы зарабатывать деньги, а не биться лбом об стену. Несмотря на досадные недочеты, «Профиль» приносил хороший доход.

Марату Калитину исполнилось тридцать пять лет. Его судьба складывалась по-всякому: то гладко, то замысловато. Одним словом, скучать ему не приходилось. Родился он в Москве, в семье спортсменов. Отец и мать Марата занимались биатлоном, достигли хороших результатов, неоднократно выступали на Олимпийских играх и даже становились призерами. Золота, правда, им ни разу не досталось, но бронза на соревнованиях такого ранга тоже почетна.

Калитины были романтиками и единственного сына назвали Маратом в честь вождя французских якобинцев.^[3] Мальчик рос у бабушки в Отрадном, так как родители бесконечно пропадали на тренировках, сборах и соревнованиях. Они любили Марата, но виделись с ним редко. Бабушка Зина, женщина рассеянная и беззаботная, особо внуку не докучала ни воспитанием, ни поучениями. Она кормила мальчика, следила за его одеждой, посещала школьные родительские собрания и на том считала свой долг исполненным. Ребенок, предоставленный сам себе, познавал мир и людей, как получалось. Он с детства привык сам принимать решения, обо всем имел свое мнение и прекрасно обходился без авторитетов.

Сигнал мобильного вывел его из задумчивости. Он взял трубку.

– Слушаю...

- Ты очень занят? – спросил хорошо знакомый Марату женский голос.
- Не так, чтобы очень, но...
- Значит, свободен, – решительно сказала женщина. – Какие у тебя планы на сегодняшний вечер?
- Пока никаких...
- Поужинаем где-нибудь? Я ужасно голодная.
- Опять не успела пообедать?
- Как всегда, – вздохнула женщина.

Калитин обрадовался. Они не виделись уже целую неделю, и он успел соскучиться. Роман с Ангелиной Закревской был самым серьезным и значительным в его жизни.

Марат не относился к влюбчивым мужчинам, но все же имел на счету пару-тройку любовных историй. Его первой «роковой страстью» была одноклассница Алла – нежная, тонкая блондинка с серыми глазами. Марат страдал молча, не смея подойти к предмету своих вздыханий. Алла была строгой и правильной девочкой: всегда безукоризненно одетой, причесанной и неизменно вежливой. Она отлично училась, увлекалась философией, теннисом и классической музыкой. Марат рядом с ней чувствовал себя обыкновенным уличным хулиганом. Объяснение между ними так и не состоялось. Он робко пытался провожать Аллу домой, но это не возымело успеха. Приглашения в кино или на каток она тактично отклоняла и, наконец, объяснила Марату, что им сейчас следует готовиться к поступлению в университет, а не отвлекаться по пустякам.

Он был сражен наповал. Как? Это любовь-то – пустяки?! Разочарование было сокрушительным и бесповоротным. Алла моментально потеряла в глазах Марата всю свою привлекательность. И несколько лет он смотрел на девушек исключительно как на объекты дружбы и сотрудничества.

Второй раз его сердце пробудилось для влюбленности во время очередной командировки в Питер. Девушку звали Алина. Созвучие имен сыграло не меньшую роль, чем внешнее сходство. Алина оказалась сговорчивее Аллы. Она увлекалась фигурным катанием, и Марат приобрел абонемент в спортивный комплекс. На крытом катке играла музыка, горели прожекторы. В свободное от работы время Марат наблюдал за тренировками фигуристов, а после, когда каток открывался для публики, они с Алиной катались вдвоем. Как известно, бесконечных командировок не бывает. По истечении трех месяцев пришла пора возвращаться в Первопрестольную.

Разлука оказалась мучительной. Алина провожала Марата на поезд и

долго стояла у края перрона, вытирая слезы. Она обещала писать. Сначала письма приходили часто, потом все реже и реже. К Новому году Калитин получил от девушки открытку с поздравлением. Приписка «Будь счастливым!» очень ему не понравилась. Нехорошие предчувствия закрались в его сердце. Однажды ему приснился сон: Алина, улыбающаяся и прекрасная, машет ему рукой, словно прощаясь. «Разве мы больше не встретимся?» – спросил Марат. «Я выхожу замуж... – ответила она. – Прости!»

Сон был вещим. После Нового года письма приходят перестали. Калитин звонил Алине, но та не брала трубку. Он написал своему товарищу в Питер, и тот сообщил, что Алина действительно вышла замуж за курсанта военного училища.

Марат решил, что женщины не достойны его внимания, ни на одну из них нельзя рассчитывать всерьез. С тех пор он строил свои отношения с ними по совершенно другому принципу, легко и свободно. Любовная, интимная связь, – пока не надоест, а после – спокойное расставание. Казалось, чувства не имели больше власти над ним.

Марат был хорош собой, – высокий, крепкий, подтянутый, с правильными, хотя и крупными чертами лица, черноволосый, темноглазый. Женщины охотно с ним знакомились, влюблялись, вступали в связь. Калитин их не обманывал: сразу предупреждал, что симпатии его недолговечны, чувства изменчивы, как весенний ветерок. Прекрасных дам сии откровения не пугали. Каждая надеялась, что все это применимо к другим, а вот она – единственная и неповторимая – сумеет своей красотой и обаянием склонить ветреного кавалера к женитьбе. Не тут-то было! В любой женщине Калитину мерещился призрак Аллы-Алины. Они обе слились в некую единую субстанцию, которая не позволяла ему по-настоящему увлечься, отдаться чувствам.

Временами на Марата накатывала депрессия. Ее проявления становились все более продолжительными, изматывающими. Он пробовал пить, но это не помогало. Видимо, природное отвращение ко всяким излишествах, в том числе и большим дозам алкоголя, сыграло положительную роль. От двух-трех рюмок Калитин не пьянел, а от двух-трех стаканов ему становилось так плохо, что он потом неделю болел. Друзья посоветовали обратиться к толковому психотерапевту.

Марат отличался на редкость крепким здоровьем и не имел знакомств в медицинских кругах. Однако идти к кому попало не хотелось. Он принялся наводить справки. Один из бывших сослуживцев, который проходил курс психологической реабилитации после чеченской войны, порекомендовал Марату доктора Закревскую.

Калитин долго раздумывал, колебался, но очередной затяжной период депрессии все же заставил его обратиться к специалисту.

Так Марат познакомился с Ангелиной Львовной. Докторша казалась полной противоположностью тем женщинам, которые ему нравились: низенькая брюнетка с выраженными формами груди и бедер, с живыми карими глазами и круглым добродушным лицом. Ее черные волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в пучок.

«Зануда. Синий чулок! – окрестил ее Марат. – Только очков не хватает».

Но и очки имели место. Просто Закревская то надевала их, то снимала, в зависимости от освещения, настроения и проделываемой работы.

– Я вас слушаю, молодой человек, – сказала она, когда Марат впервые явился в ее кабинет, все еще в нерешительности, стоит ли раскрывать сокровенные тайны души перед чужим человеком.

Нужно было что-нибудь говорить, раз уж он пришел. И Калитин постепенно, слово за слово, выложил Ангелине Львовне все перипетии своей запутанной жизни.

Сеансы психотерапии, за время которых Марат избавился от приступов депрессии, тянулись около года. Он успел привыкнуть к Ангелине Львовне, ее хриловатому голосу, открытому взгляду и улыбке.

– Ну, я полагаю, теперь вы полностью вернули себе душевное равновесие, – в один из дождливых осенних вечеров заявила доктор Закревская. – Вам больше не нужно приходить ко мне.

– Как? – растерялся Марат. – Почему не нужно?

– Вот так! – улыбнулась она. – Все, что могла, я сделала.

Калитин вышел из ее кабинета, не чуя под собой ног, не попрощавшись как следует, не поблагодарив. Неделю он прожил как в тумане, а в воскресенье позвонил Ангелине Львовне.

– Давайте поужинаем вместе, – предложил он. – Вам нравится «Лангедок»?

– Не знаю, – засмеялась она. – А что это такое?

«Лангедок» – небольшой уютный ресторанчик – славился французскими винами и изысканной кухней. Именно в нем Марат и докторша впервые встретились в «неформальной» обстановке...

Глава 3

Лариса легко нашла офис киностудии «Дебют». Он оказался на удивление небольшим. В сумрачном холле, украшенном искусственными деревьями в кадках, сидела секретарша – женщина средних лет, с бесцветными волосами и в очках.

– Вам кого? – хмуро спросила она, окидывая посетительницу строгим взглядом.

– Я... – оробела Лариса. – Я по поводу объявления...

– Какого объявления?

– Насчет работы. Я звонила вчера вечером...

– А-а! – не дослушав, кивнула секретарша. – Тогда вам к Чарову. Вторая дверь по коридору, с левой стороны.

– С-спасибо, – пробормотала Лариса, бочком проскальзывая мимо сердитой дамы.

В коридоре было темно и пустынно. Пахло пылью.

Лариса представляла себе киностудию несколько по-другому. По ее мнению, здесь должны толпиться актеры, режиссеры, операторы, гримеры, статисты и прочий киношный народ; повсюду должны громоздиться декорации, висеть костюмы, стоять камеры, гореть прожекторы... и происходить еще много чего шумного и чудесного. Полная тишина и безлюдье неприятно поразили учительницу Мельникову.

«Наверное, сама киностудия в другом месте, – решила она. – А здесь что-то вроде конторы... или отдела кадров».

Лариса подошла к двери с табличкой «Чаров В.А.» и осторожно постучала. Из кабинета раздался приятный басок:

– Входите!

В светлом квадратном помещении стояли письменный стол с компьютером, несколько стульев и старинная чугунная вешалка, которая совершенно не вязалась со всей остальной обстановкой. На вешалке одиноко висело длинное горчичное пальто Чарова.

Сам хозяин кабинета отвлекся от разложенных перед ним бумаг и настороженно уставился на Ларису.

– Что вам угодно? – осведомился он, жестом предлагая посетительнице сесть.

Мельникова опустила на кончик стула и сжала в руках сумочку.

– Моя фамилия... не важно... Я вам вчера звонила по поводу работы...

Чаров опустил глаза и хмыкнул.

– Вчера поступало множество звонков.

– Я Мельникова, – торопливо объяснила Лариса. – Учительница биологии. Помните?

– Допустим...

– Так у вас есть работа для меня?

– Разумеется.

– А что надо делать?

– Нам требуется помощник администратора, – сказал он, улыбаясь одними губами. – Значит, человек, который должен справляться с разной работой.

Лариса не знала, что сказать. Она смотрела на Чарова, как его холодная улыбка медленно сползала с лица.

– И все-таки...

– Разная работа! – повторил он, повысив голос. – Разная! Возможно, придется стирать и гладить костюмы, выдавать и собирать реквизит, готовить еду для артистов и сотрудников киностудии. У нас разносторонняя деятельность.

– А... какова продолжительность рабочего дня? – спросила Лариса, все более теряясь под взглядом Чарова.

– Рабочий день не нормирован, – ответил он. – Вы можете быть задействованы целые сутки, а можете отработать пару часов и быть свободны.

– Но я еще работаю в школе...

– Совместительство исключено, – резко сказал Чаров, всем своим видом показывая, что разговор слишком затянулся. – Вам придется сделать выбор. Что вы решили?

– Я не знаю, я...

– Тогда поговорим в другой раз, когда вы определитесь.

– Нет-нет! – испугалась Лариса. – Лучше сейчас.

– Хорошо. – Чаров терял терпение. – Сколько вам платят в вашей школе?

Лариса промолчала.

– Вот видите! – усмехнулся он. – И вы еще раздумываете? Что за странные люди?! Готовы довольствоваться грошами, лишь бы ничего не менять.

Учительница Мельникова вспомнила о долге за квартиру, грозящем выселении и... решила. В конце концов, что она теряет? Работа в школе всегда найдется.

– Ладно, – сказала она. – Я согласна. Сколько мне будут платить у вас? Как в газете написано?

Чаров удовлетворенно кивнул.

– Возможно, и больше. Все будет зависеть от вашей работоспособности. Да, кстати, забыл вам сказать, у нас предусмотрены командировки.

– Командировки? – удивилась Лариса.

– Вот именно! – подтвердил Чаров. – Фильмы снимаются не только и не столько в московских павильонах. Это происходит в самых неожиданных местах. И там съемочной группе тем более не – обходимы помощники.

– Д-да?

Разъезды не входили в планы Мельниковой, и она чуть было не отказалась.

Хозяин кабинета уловил ее колебания.

– Командировки оплачиваются по повышенному тарифу, – сказал он. – Вам ведь нужны деньги, не так ли?

– Очень нужны.

– Так работайте! Вам предоставляется отличная возможность решить свои финансовые проблемы.

– Я не думала о поездках... я полагала, что...

– Дети есть? – перебил ее Чаров.

– Есть, – не посмела солгать Лариса. – Девочка. Но она сейчас у бабушки. Да и муж у меня сидит дома. У него рука больная. Так что...

– Вот и замечательно. Вы хотите работать, мы готовы платить достойные деньги. Какие могут быть раздумья?

«В самом деле, – подумала пристыженная учительница. – Что мне еще надо? Оклад обещают хороший, квалификации особой не требуется. Ну, придется куда-нибудь съездить. Ничего страшного. Даже интересно. Хоть посмотрю, как кино снимается! А то так и умру провинциальной дурищей».

Мысли о будущих приключениях захватили ее.

– Когда выходить на работу? – спросила Лариса, уже ничуть не сомневаясь в правильности своего выбора.

– Завтра, – ответил Чаров. – С утра. Приходите к девяти.

Мельникова выпорхнула за дверь, чувствуя себя актрисой, приглашенной на ведущую роль. Ах, как чудесно иногда может складываться жизнь! Правду говорят, нет худа без добра.

Она попрощалась с секретаршей, как с лучшей подругой, и вышла на

улицу. Настроение было превосходное. Лариса решила отметить свою удачу. На последние рубли купила еды и две бутылки пива.

– Ты что? – рассердился Мельников, пропуская ее в тесную прихожую. – С ума сошла? Этих денег нам должно было хватить на две недели!

– Экономить больше не придется, – успокоила его жена. – С завтрашнего дня я выхожу на новую работу. Если буду ездить в командировки, заплатят больше.

Муж с сомнением покачал головой.

– Что ты будешь делать?

– Что скажут.

– Надеюсь, интимных услуг от тебя не потребуют?

– Да ну тебя! – обиделась Лариса. – Вечно настроение испортишь...

– Просто я хорошо усвоил, что зря деньги нигде и никому не платят, – раздраженно сказал муж.

– Почему это зря? Я... работать буду. Это же кино! Как ты не понимаешь? Кино-о! Праздник жизни.

– Ох, смотри, Лорка, как бы тебе этот праздник боком не вышел...

– Да замолчишь ты или нет? – едва не заплакала она. – Радовался бы, что я работу хорошую нашла, что с долгами расплатимся. А ты все каркаешь и каркаешь!

Но пыл ее угас. Праздничный ужин оказался не таким веселым, как ожидалось. Володя молчал и сопел недовольно, потом ушел в комнату разрабатывать свою негнущуюся в локте руку.

– Болит? – спросила жена, обнимая его за плечи.

– Болит, проклятая, – сокрушенно ответил Мельников. – И разгибаться не хочет. Черт, как не повезло!

Лариса, утомленная сегодняшними событиями, постирала кое-какую мелочь и легла. Забылась тревожным и неприятным сном. Чаров звал ее за собой, вел куда-то по бесконечным темным коридорам. Куда? Зачем? Лариса хотела вернуться, но тут же вспоминала о деньгах, о том, что их с Володей вот-вот выселят из квартиры. И шла за Чаровым. Он крепко держал ее за руку, часто оборачивался; в темноте его глаза сверкали, как у кота. Когда Лариса пыталась высвободиться, Чаров громко и раскатисто смеялся. В гулких коридорах его хохот многократно повторяло злое эхо...

– Лорка, Лорка! Проснись!

Лариса с трудом открыла глаза и вдохнула по – больше воздуха. В груди застыл тяжелый твердый ком. Володя изо всех сил тряс ее за плечо.

– Ну, слава богу! Я уж думал, не добужусь! – воскликнул он, испуганно глядя на жену. – Ты чего? Кошмар приснился?

– Где я?

Лариса спросонья не понимала, что происходит.

– Дома. Ты кричала во сне...

– Это нервы, – успокаиваясь, сказала она. – Слишком много впечатлений для одного дня.

– Принести тебе чаю? – спросил Мельников.

– Не надо. Давай спать...

* * *

Погода стояла, хуже не придумаешь. Всю ночь и весь день мело колким, морозным снегом, ветер завывал в переулках и проходных дворах, сбивал с ног.

– Ну и зима нынче выдалась! – сокрушалась Ангелина Львовна, пытаясь согреться. Пока они с Калитиным добрались от машины такси до ресторана, их с ног до головы засыпало снегом. – Закажи коньяк.

– Непременно, – кивнул Марат.

– Что будем есть? – поинтересовалась она. – Я очень голодная.

– Налимью уху и расстегаи.

– Так я и знала!

– Возражаешь? Она пожала плечами.

– Нет. Пусть будет уха...

Столики в зале были накрыты белоснежными скатертями, в каменном очаге горел живой огонь. Маленькая эстрада пустовала.

– Здесь играет классный саксофонист, – сообщил Калитин. – Он выйдет попозже.

Пока они ожидали заказ, официант принес коньяк в стеклянном графине, холодную буженину и грибы.

– Давай выпьем, – сказала Ангелина. – А то я не согреюсь никак.

Марат налил в широкие бокалы помногу, почти на треть.

– За нас...

Выпитое растеклось внутри приятным теплом, сознание слегка затуманилось.

– Как твои дела? – спросила она, глядя на глубокие тени на лице Марата.

– Имеешь в виду студию? – усмехнулся он. – В общем, неплохо. Это что касается денег. В остальном... большого удовольствия я не получаю, занимаясь фотографией. Скука смертная...

– В детективном агентстве было веселее?

– Представь, да, – засмеялся Калитин. – Несмотря на разгул криминала и беспредел силовиков. Неизвестно, кто кого превзошел. Зато скучать не приходилось. Я уже не раз пожалел, что пришлось закрыть агентство.

– Неужели больше нечем развлекаться?

– Развлечение, как по мне, должно быть экстремальным. Мужчина, который не рискует, – ржавеет. Адреналин! Вот мужской наркотик.

До фотостудии Калитин владел частным сыскным агентством «Барс». А еще раньше – являлся сотрудником секретного спецподразделения. Годы, проведенные на государственной службе, он вспоминал неохотно. Посмеивался:

– Лучше забыть. Так для всех безопасней: и для меня, и для окружающих.

И он действительно забыл.

– Почему ты ушел из... госструктуры? – как-то спросила Закревская.

– А! – махнул рукой Марат. – Не хочу вспоминать! Мне в некотором роде повезло не упасть на скользкой дорожке, вот я и не стал испытывать судьбу. Второй раз она могла оказаться не столь благосклонной.

Ангелина Львовна решила не настаивать на откровенности. Она поняла, что в прошлом Марата есть нечто, куда нет доступа никому, в том числе и ей. В этом был свой резон. Меньше знаешь, крепче спишь.

Официант принес, наконец, дымящуюся уху, и они принялись за еду.

– Лина, а как твоя наука? Все пишешь статьи в умные журналы?

Отношения между Калитиным и Закревской давно перешли из разряда «пациент – доктор» в совершенно иное русло. Их можно было скорее назвать любовно-дружескими, нежели просто приятельскими. Ангелине Львовне нравилось в Марате все – он умел ненавязчиво общаться, не приставал к ней с поцелуями и объятиями. Даже то, что он пользовался успехом у женщин, импонировало ей. Он стал называть ее Лина, и Закревской понравилось. Имя Ангелина давало широкий простор для фантазий, но никто не переделал его на такое ласковое и мягкое. В школе Закревскую называли Геля, мама окрестила ее Ангелом, в институте ее игриво звали Анжелой, – и ни одно из этих уменьшительных имен ей не нравилось. А вот Лина... Словом, Калитин сумел угодить даме.

– Моя наука? – рассеянно переспросила она, очнувшись от мимолетных мыслей. – Странное у меня занятие, ты не находишь?

Марат пожал плечами. Он раньше тоже увлекался психологией, наряду с философией и логикой, но особо не преуспел в этом.

– Чужая душа – потемки, – сказал он.

– Избитая фраза.

– Так ведь люди ничего лучшего не придумали! – возразил Калитин. – Они до сих пор пытаются облечь старый манекен в новые одежды.

– Ну и сравнения у тебя...

– Стараюсь, – улыбнулся Марат. – Если я перестану быть интересным, ты откажешься со мной встречаться. А я уже привык к тебе.

– Серьезно?

– Еще как.

Калитин не лгал. Его в самом деле все сильнее тянуло к ней. Сначала они виделись раз-два в месяц, потом каждую неделю, потом... Марату уже и этого казалось мало. Закревская не старалась произвести на него впечатление как на мужчину, – не кокетничала, не заигрывала с ним. Она вообще не придавала значения личному обаянию и вела себя естественно, приводя этим Марата в восторг. Женские уловки, дурацкие капризы, пустая болтовня и жеманные манеры со временем начали раздражать его. Ангелина оказалась приятным исключением. Она была умна без занудства и приятна без ухищрений. Это редкое сочетание в женщине очаровало Калитина сильнее, чем он ожидал. К тому же Закревская не помышляла о замужестве, и это придавало отношениям с ней свободу и легкость.

– Знаешь, Калитин, – засмеялась она, – ты начинаешь мне нравиться. Это опасно.

– Почему?

Она уклончиво повела плечами.

– Вдруг меня угораздит влюбиться... столько сразу возникнет лишних сложностей. И вообще... нам такое ни к чему.

– За меня попрошу не расписываться, – улыбнулся Марат.

– Налей мне еще коньяка, – сказала она.

Они снова выпили. В зале стало шумно, жарко засияли люстры. У Ангелины Львовны кружилась голова.

– Боюсь, тебе придется выносить меня отсюда... – пошутила она.

– Неужели? С превеликим нашим удовольствием.

Ей было хорошо сидеть напротив Марата, пить коньяк и смеяться.

– Расскажи мне что-нибудь о своих новых достижениях.

– Какие там достижения? – вяло махнула рукой Закревская. – Чем дольше я работаю, тем чаще становлюсь в тупик. Я уже начинаю думать, что взялась не за свое дело. Надо было выбрать специализацию педиатра

или стоматолога. По крайней мере там существует хоть какая-то определенность. А психика... такие дебри! Человек внутри себя непредсказуем и сложен. Это даже не темный лабиринт, это... бездны непроницаемые.

– Ну, не преувеличивай. Такие уж и бездны! По-моему, некоторые люди читаемы, как театральная афиша.

– Вот именно, что некоторые. И читаемы вовсе не они, а то, что они тебе показывают.

Калитин задумался. Коньяк спутал его мысли, а близость докторши вызвала странные желания, отличные от философских выкладок. Он внутренне встряхнулся и попытался собраться. Нет, говорить сейчас о психотерапии не хотелось. Тянуло на что-то романтическое, безрассудное, но... сам же спросил о «новых достижениях»? Придется держать марку.

– Ты Ревина знаешь? – вдруг сменила тему Закревская. – Даниила Петровича?

– Даниила Ревин? Что-то припоминаю. По-моему, известный в прошлом альпинист. Я тоже немного увлекался скалолазанием, но дальше учебных походов дело не пошло.

– Есть что-то, чем ты не увлекался?

Марат пробовал себя в разных видах спорта – парашютизм, мотогонки, серфинг, редкостные восточные единоборства. Он отдал дань всему понемногу, ни на чем не останавливаясь. Альпинизмом он бредил в юности, зачитываясь книгами о горноспасателях, покорении вершин и ледников, знал наперечет героев прославленных восхождений. Большой Памирский тракт, Пишхорское ущелье, пик Корженевской, Дарвазский хребет... – эти названия звучали для него самой приятной музыкой. Бородатые, черные от мороза и солнца парни в просоленных ветровках, одичавшие от жизни в снежном поднебесье, долгое время были его кумирами. Годы спустя он назвал свое сыскное агентство «Барс» в память о былом увлечении. «Снежный барс» – почетное звание, присваиваемое выдающимся альпинистам.

Снежный барс, светло-серый, с черными пятнами, изящный и сильный, почти незаметен среди скал... Бесшумно скользит он в клубах тумана, выслеживая на скальных террасах горных козловтеков. Ловкий и бесстрашный хозяин гор легко переходит через скрытые под снегом ледниковые трещины и умело избегает готовых рухнуть в бездну снежных карнизов. Следуя за стадами архаров^[4] или хангулов,^[5] барс поднимается до семитысячной высоты... как раз туда, куда забраться могут лишь настоящие альпинисты.

– Ревин... Ревин... – задумался Марат. – Кажется, он совершил траверс вершин Кальберг – Адайхох.

– Что? – не поняла Закревская.

– Это на Кавказе, – пояснил он. – И еще... на Памиро-Алтае он поднимался на Чапдару. Один из труднейших маршрутов. Думаю, это далеко не все. Данила Ревин – опытный альпинист, но давно забросил горы. Я слышал, он сейчас организовал свой бизнес и довольно неплохо стоит.

– Ну и память у тебя!

– Могу в цирке выступать, – похвастался бывший детектив. – В школе я брал призы на математических олимпиадах, а бабуля прочила мне славное цирковое будущее. Если я хоть раз что-то увидел или прочитал, уже не забуду. Трехзначные числа умножаю и делю в уме почти мгновенно.

– Вот это да! Что ж ты раньше молчал?

– Во-первых, ты не спрашивала. Во-вторых, ничего выдающегося в этом нет. Кому нужно считать в уме, когда повсюду компьютеры и калькуляторы?

– Не скажи, – возразила Закревская. – Хорошая память в наше время редкость. Знаешь, сколько пациентов обращаются ко мне именно с целью улучшить память?

– У меня с детства память отличная.

– Повезло тебе, Калитин. А почему ты не пошел в математики? Был бы сейчас профессором.

– Я бы рехнулся от скуки, – признался Марат. – Формулы, уравнения и корни – это не для меня. Я не могу долго сидеть на одном месте, а тем более корпеть над бумагами. В олимпиадах я принимал участие только по требованию учительницы. А так... меня за уроки не загнать было. Все делал на ходу и как попало, но учился хорошо. Отличником не был, признаюсь, но четверок в аттестате имею буквально пару штук – по пению и литературе.

– Честно говоря, я считала тебя хулиганом и двоечником.

Марат смешно скривился.

– Вот это да! – возмутился он. – Хорошее же я произвожу впечатление на людей.

– Ну, извини... что есть, то есть.

– Кстати, а почему ты интересуешься Ревиним? Он что, твой пациент?

Ангелина Львовна была связана врачебной тайной, поэтому не могла сказать правду. И серьезного повода для этого не видела. Пока.

– Нет, – ответила она. – Даниил Петрович – муж моей школьной подруги. У них возникли проблемы.

- Семейные?
- В общем, да...

Глава 4

– Эй, Мельникова, помогай, чего рот раскрыла?

Зычный голос принадлежал Глафире – старшей по костюмам и прочему киношному инвентарю. Когда Лариса, на школьный манер, назвала ее завхозом, Глафира страшно обиделась.

– Ты кто? – возмутилась она. – Новенькая, что ли?

– Ага.

– Сразу видно! Я, милая, никакой не завхоз. Я – администратор.

– Извините, – растерялась Мельникова.

– Ладно, – смягчилась администраторша. – Будешь при мне. На подхвате.

Вещей и вещиц, которыми ведала Глафира, было столько, что новая сотрудница запуталась в них. Многие предметы и технику Лариса вообще видела впервые. Они с Глафирой занимались тем, что упаковывали разнокалиберную утварь в большие деревянные ящики, помеченные жирным черным клеймом – «Дебют».

Работа была не тяжелая, только очень суматошная. Все бегали, кричали, ругались, искали то одно, то другое, непрерывно что-то выясняли и уточняли. К концу дня Мельниковой казалось, что она немного оглохла, а перед ее глазами мелькали разноцветные круги. Киностудия уже не представлялась Ларисе сонным царством, как при первом посещении. Наоборот, жизнь здесь кипела и бурлила.

Через неделю Глафира подошла к ней с ведомостью.

– Получи аванс и распишись вот здесь.

– Ой! – обрадовалась Лариса. – А мне положено?

Деньги оказались как нельзя кстати. Об уплате долга конечно же речь не шла, но хоть на питании не придется экономить.

– Чудеса! – удивился Мельников, когда Лариса, усталая и счастливая, пришла домой с полной сумкой продуктов. – Неужели заплатили?

– Как видишь.

Прошли еще две недели, и Глафира предложила Ларисе командировку.

– Ты не пугайся. Это недалеко, – сказала она. – В Геленджик. Там какой-то эпизод снимать будут. Поедешь?

– Не знаю. С мужем хочу посоветоваться.

Мельников не пришел в восторг от перспективы на десять дней остаться одному, но... подумал и согласился, что ехать надо. Тем более за

поездку обещали заплатить по двойному тарифу.

В Геленджике выпавший снег сразу таял, с моря дули влажные ветры, а сахарные вершины гор напоминали Ларисе сказочные картинки. Она бродила по мокрой прибрежной гальке и слушала прибой. Работы было немного – приносить на съемочную площадку горячие обеды, выдавать и приводить в порядок костюмы, убирать инвентарь.

Мельникова никогда не видела моря зимой. Впрочем, она его и летом-то видела всего один раз, когда они с Володей ездили дикарями в Крым.

Время съемок пролетело быстро. Москва встретила путешественников густой метелью и холодом, от которого все успели отвыкнуть. Ларисе бросилось в глаза, что муж осунулся и похудел, пока ее не было.

– Соскучился? – спросила она, входя в знакомый теплый уют комнаты.

– А ты нет? Понравилось гулять?

Володя ревниво оглядывал ее фигурку в синем трикотажном костюме, купленном на новую зарплату.

– Я не гуляла, а работала, – мягко возразила жена. – Вот деньги.

Она постепенно привыкала к работе на киностудии, и даже командировки уже не пугали ее. Ничего страшного в них не было – обычная рутина: принеси – унеси, подай – возьми, найди, убери, сбегай, позови, сложи. Вот и весь нехитрый перечень обязанностей. Наблюдать за съемками оказалось не так интересно, как она думала. Дубли повторялись по нескольку раз, один эпизод совершенно не вязался с другим, актеры нервничали, режиссер срывал голос, операторы требовали что-то свое. Каждый качал права, и никто никого не слушал. Утешала в этой ситуации зарплата, которую платили исправно.

Мельниковы успокоились. Они отдали часть долга за квартиру, послали немного денег бабушке в деревню, где гостила их дочка, купили новый телевизор и подержанный ноутбук. Жизнь налаживалась.

– Слушай, Лорка, ты хоть расскажи, как кино снимается! – просил Владимир.

Ему было скучно сидеть одному в четырех стенах, пока жена пропадала на работе.

– Да так и снимается, – вздыхала Лариса. – Обыкновенно. Все ругаются, кричат, суетятся, а потом... все получается.

– Что за фильм? О чем? Мельникова пожимала плечами.

– Вроде про любовь... и про спортсменов каких-то. Про горы. Я толком не знаю.

– Как это? Тебе разве не интересно?

– Не-а, – лениво отвечала Лариса. – Не интересно. Наверное, Глафира

права: я не создана для кинематографа. Это особый мир, который подходит далеко не каждому.

– Неужели тебе не хотелось быть актрисой, играть разные роли?

– В детстве, может, и хотелось, а с возрастом прошло. Думаешь, приятно, когда на тебя все пялятся?

– Что здесь такого?

– Вот представь, тебе надо плакать или в любви объясняться при всех. Или целоваться? Ты бы смог?

Мельников долго думал, но так и не нашел, что ответить.

– Я бы не смогла, – сказала за него Лариса. – Мне стыдно. Как это люди могут самое сокровенное выставлять напоказ?

– Привыкли, наверное...

– Разве к такому можно привыкнуть?

– Люди ко всему привыкают, – философски рассудил Владимир.

– Ну да... – согласилась Лариса.

После этих разговоров у нее почему-то портилось настроение. Работа на киностудии «Дебют» вызывала непонятное беспокойство. Гораздо комфортнее Мельникова чувствовала себя в школе, где ей все было мило и знакомо.

– Вот рассчитаемся с долгами, и снова буду преподавать свою биологию.

Владимир кивал головой. Ему тоже не по душе пришлась новая работа Ларисы. Но... человек предполагает, а Бог располагает.

– Я скоро снова в командировку уеду, – однажды сказала Лариса.

– Надолго?

– Кажется, да. И надолго, и далеко.

– Куда, если не секрет?

– Точно не знаю пока. Ходят слухи, что снова в горы. Только на этот раз в другое место. На Памир, кажется.

– На Памир? – удивился Мельников. – В такую даль? Что ваша киностудия забыла на Памире?

Ларису самую интересовал этот вопрос. Единственный человек, с которым она тесно сошлась на новой работе, была Глафира. Но суровая администраторша хранила молчание. Мельникова все ходила вокруг да около, намекала так и сяк на предстоящую поездку, но тщетно. Глафира как воды в рот набрала.

Тем временем съемочная группа усиленно готовилась к работе в горных условиях. Лариса понимала это по характеру инвентаря, который они с Глафирой упаковывали все в те же деревянные ящики с клеймом

«Дебют».

Сборы скорее напоминали подготовку группы альпинистов к штурму горного хребта, чем к съемкам фильма: подвозились и укладывались палатки, бухты капроновых веревок, скальные крючья, карабины, примусы, сахар и сухари в тюках, банки со сгущенным молоком и тушенкой, медикаменты и многое другое.

– А что за эпизоды будут сниматься? – в очередной раз спросила Лариса, уже не ожидая ответа.

Но администраторша вдруг сменила гнев на милость: ее лицо смягчилось, губы тронула легкая улыбка, а монументальная грудь взволнованно колыхнулась. Она доверительно наклонилась к помощнице и прошептала:

– «Взрыв в туннеле»...

– Что? – не расслышала Мельникова. – Где взрыв? Какой?

– Да не «какой», а фильм так будет называться – «Взрыв в туннеле»!

Про катастрофу!

– Как интересно! – преувеличенно восхитилась Лариса.

– Я сама только вчера узнала. У нас насчет болтовни строго. Начальство не любит, чтобы работники обсуждали творческий процесс.

– Почему? Ведь...

– Это дело художественного совета, – перебила администраторша. – У нас на киностудии все они решают.

Лариса согласно кивнула, хотя подобная секретность удивила и сильнее раззадорила ее любопытство.

– Глафира, миленькая, – взмолилась она. – Расскажите еще что-нибудь!

– Ну... меня особо тоже никто в тонкости не посвящает. Так... что случайно услышу, о чем сама догадаюсь... Вот, давеча актеры обсуждали, что Чаров нанял группу каскадеров: среди них есть и пиротехники, и альпинисты бывшие, и даже один циркач.

– Циркач-то зачем? Пышная дама пожала плечами.

– Разве я знаю, что режиссер замыслил? Ему такое может в голову взбрести, что нарочно не придумаешь. Наверное, супертрюки какие-нибудь будет снимать.

– Мы тоже поедем? – поинтересовалась Лариса.

– Обязательно. На этот раз без нас никак не обойдутся. Во-первых, добираться далеко, а во-вторых, уж больно барахла всякого много. А в нем только я одна быстро разобраться могу. С твоей помощью...

– Мы на поезде поедем? – не унималась Мельникова. – Я самолетов ужасно боюсь.

– Туда на поезде неделю пилить придется, так что предстоит тебе, дорогуша, опасный перелет, – захохотала Глафира, увидев, как вытянулось и побледнело лицо помощницы. – Не дрейфь, я уже не первый раз летаю и до сих пор жива.

– Утешили... Куда лететь – то?

– На Памир. Кажется, в Таджикистан. С географией у меня в школе не сложилось, – вздохнула администраторша. – Ну, ничего, посмотрим на карте. Может, и на вертолете лететь придется.

Лариса решила держаться поближе к группе каскадеров и слушать все, о чем они между собой говорят. Авось удастся разузнать побольше.

Грубые, шумные мужики с обветренными лицами не вызвали у нее особого восторга. Они болтали о каких-то ледниковых речках, перевале Акташ, о долине Западного Пшарта и загадочном «снежном человеке», который якобы обитал там. Этого «снежного человека» они называли *голубяван...*

* * *

Утром Ангелину Львовну разбудил телефонный звонок Самойленко.

– У меня для тебя сюрприз! – возбужденно-радостным тоном сообщил он.

– Олег, ты хоть иногда, для разнообразия, смотришь на часы?

– А что такое? – ничуть не смутившись, спросил психотерапевт.

Его трудно было сбить с толку, особенно когда им овладевала очередная «мания», – так доктор Закревская называла его увлечения.

– Позволь напомнить тебе, что за окнами – тьма-тьмущая, а на часах – всего лишь семь утра.

– Ой, я тебя прошу, не будь такой закоренелой материалисткой, – напирал Самойленко. – Что значит время для свободы духа, который парит...

– Олег! – потеряла терпение Ангелина Львовна. – Поздравляю. Тебе еще до рассвета удалось вывести меня из спокойного состояния. Так что берегись! Я приду на работу страшно злая, и ты не получишь кофе.

– Ерунда. Когда ты увидишь, что я принес, ахнешь! Жду тебя в офисе...

Закревская обреченно вздохнула, встала с постели и поплелась в ванную. Все равно заснуть уже не удастся. Она приняла душ, и через

десять минут остатки сна улетучились.

Сегодня у нее трудный день: придут три пациента, среди которых бизнесмен Ревин. Почему-то сеансы с ним давались Ангелине тяжелее всего. Ревин блуждал вокруг да около, не раскрывая истинных причин своего душевного недомогания. А то, что недомогание присутствует, Закревская поняла еще во время первой беседы. Скорее всего, болезненные переживания, наложившие отпечаток на психику, связаны с альпинистским прошлым бизнесмена.

Размышляя, как правильно построить диалог с Даниилом Петровичем, она поставила чайник и принялась готовить себе завтрак. Еда по утрам составляла часть ее повседневного ритуала, который нарушался крайне редко и исключительно по серьезному поводу. Выбирая между овсянкой и бутербродом, Ангелина остановилась на последнем. Большой кусок хлеба она густо намазала майонезом, положила сверху два листа зеленого салата, толстый ломоть ветчины и пластинку сыра.

– Ну, теперь можно наливать кофе, – пробормотала Закревская, откусывая от бутерброда и на ходу жуя. – Олег бы завопил от возмущения, увидев, какое варварское у меня питание.

Самойленко время от времени проповедовал здоровый образ жизни, ел только проросшую пшеницу и ужасался, что ему никак не удастся приобщить к этому Ангелину Львовну.

«Ты не понимаешь! – с пафосом вещал он, поднимая вверх указательный палец и закатывая глаза. – Тело нуждается в очищении от скверны не меньше, чем душа!»

Ангелина кивала, соглашалась и... продолжала поедать колбасу, сливочное масло, копченья, соленья и сладости. Причем это ничуть не вредило ее завидному здоровью, тогда как Олег Иванович то и дело маялся желудком, печенью и общим расстройством пищеварения.

Уже сидя в набитом пассажирами вагоне метро, Закревская вспомнила об обещанном сюрпризе.

«Что у него за очередной бзик? – думала она, перебирая в уме варианты. – Не дай бог, опять монаха какого-нибудь блаженного притащил! Или бабу-ворожею...»

Однажды во время приступа «религиозного экстаза» Самойленко пригласил в офис братьев-отшельников из сомнительной староверческой общины. Они исчеркали стены подозрительными иероглифами и двое суток «изгоняли сатану», наводя на пациентов ужас своими черными хламидами, гнусавым пением и неистово горящими глазами. После вышеописанной процедуры в помещении долго пахло ладаном, свечами,

паленой шерстью, а весь пол был укапан воском. Приходящая уборщица ругалась на чем свет стоит, соскабливая с линолеума липкие пятна.

– Станция «Белорусская», – произнес мелодичный голос, возвращая Ангелину Львовну из неприятных воспоминаний в будничное настоящее.

Поток людей устремился к выходу в город. У цветочного киоска сонный милиционер заигрывал с дородной продавщицей, которая выставляла товар. Из черноты туннелей тянуло сырыми затхлыми сквозняками.

Госпожа Закревская вышла из подземки и сразу попала в густую снежную круговерть. Огромные снежинки летели в лицо и на воротник, превращая прохожих в призрачных Сайта-Клаусов. Издалека, сквозь снежную пелену был виден свет в окнах кабинета Самойленко.

К счастью, на сей раз обошлось: никаких посторонних личностей в офисе не оказалось.

– Пришла все-таки пораньше! – восторженно закричал Олег, встречая ее и помогая раздеться. – Ухты, сколько снега. Подожди, я вытряхну...

Он вышел на порог и встряхнул Ангелинину дубленку.

– Вешай сюда, к печке.

В холле уютно гудела газовая печь, пахло свежесваренным чаем. На стеклянном столике стояла открытая коробка конфет.

– По какому поводу угощение? – удивилась Закревская, бросая жадный взгляд на конфеты. Она обожала шоколад.

– Сейчас узнаешь, – торжественно заявил коллега, потирая свою бородку, что являлось у него признаком величайшего удовлетворения. – Закрой глаза.

– Ой, Олег, только без этого! – взмолилась Ангелина. – Давай, не томи, показывай.

– Ну, ладно, – смилостивился он. – Идем. Он взял ее под локоть, увлекая в свой кабинет.

Там, на середине письменного стола, красовался прозрачный шар размером с небольшой мяч.

– Что это?

Закревская протянула руку, но доктор Самойленко дернулся и закричал:

– Не трогай! Не прикасайся!

– Ты что, Олег? – возмутилась она. – Белены объелся? Пусти, рукав порвешь.

Тот смутился, поспешно отпуская рукав ее костюма.

– Извини...

– Взбесился совсем?

Вежливая и безукоризненно корректная с пациентами – в общении с хорошо знакомыми людьми Закревская не стеснялась в выражениях и вполне могла отпустить крепкое словцо. Самойленко знал эту ее черту и не обижался.

– Понимаешь... – начал оправдываться он. – Магическую вещь нельзя просто так трогать руками. Мне один клиент привез эту штуковину из Японии. Я его просил.

– Ты объяснишь наконец, что это?

Психотерапевт принял эффектную позу и заявил:

– Думаю, мы видим перед собой настоящий... совершенно подлинный гадальный шар. Их делали в Японии пять тысяч лет назад из естественных, то есть натуральных, природных кристаллов кварца. Представляешь?

– С трудом, – вздохнула Ангелина Львовна. Похоже, у Самойленко очередной бзик. – И зачем тебе этот шар? Ты же врач, а не бабка-вещунья! Насмотрелся по телику про экстрасенсов, и крыша поехала? Да?

– Какая ты, Ангелина, прозаическая женщина. Просто жуть берет. Ты... калькулятор, а не человек.

– Спаси-и-ибо, – засмеялась Закревская. – Уважил. Ты, Олежек, признанный мастер изысканных комплиментов. Вот чего у тебя не отнимешь, так это умения доставить даме удовольствие. Любой поэт умер бы от зависти, услышь он твои речи.

– Ты лучше посмотри на это чудо! – воздевая руки к потолку, нараспев затянул Самойленко. – Какая прозрачность, какое дивное преломление света! Какая необъятная глубина! Шар живой. Он дышит, существует. Разве ты не чувствуешь? В его кристаллической бездне можно прочесть не только прошлое, но и будущее...

– Серьезно? – подняла брови Ангелина. – Ты не шутишь?

– Не веришь? – обиделся коллега. – Напрасно. Все вы, скептики, рано или поздно убедитесь, что в мире существуют не только стетоскопы, градусники и таблетки. Есть нечто неизмеримо большее, непостижимое разумом, сверхъестественное! А вы, вы...

– Давай выпьем, Олег, – перебила его взволнованную тираду Закревская.

Она знала: если вовремя не остановить этот бурный словесный поток, то он унесет Самойленко в такие запредельные дали, что ни у кого не хватит терпения слушать подобную белиберду.

– У тебя есть? – мгновенно переключился он. – Что? Коньяк, водка?

– Я имела в виду чай.

– Пф-ф-ф... – разочарованно фыркнул доктор.

– По-моему, ты и так... навеселе.

Самойленко не стал спорить. Он действительно чувствовал некую эйфорическую приподнятость, и сомнения, высказанные Закревской, не могли остудить его. Она просто не понимает. Женщина! Что с нее взять? Житейский приземленный ум, трезвый расчет. Ангелина – хороший специалист, но интеллект у нее слабенький. Никакого полета фантазии, никаких прозрений. Она ученый сухарь, скучна и правильна, как таблица умножения. Слишком логична, слишком благоразумна. Истинный же гений всегда немного безумен!..

– Эх, Закревская! – преувеличенно сокрушался он. – Не быть тебе ни Платоном, ни Ньютоном. А тем более Аристотелем. И до знаменитой Ванги тебе далеко.

– Я и не претендую. Меня вполне устраивает то, что есть. Мы будем чай пить или нет?

За чаем Ангелина Львовна поглощала конфету за конфетой, вызвав настоящий ужас на лице своего коллеги.

– Как можно есть столько сладкого? Ты же доктор! Зачем ты столько лет изучала физиологию организма? – не выдержал Самойленко.

– Чтобы безжалостно губить его, – парировала она, запивая чаем следующую конфету. – Зачем же еще?

– Вот так всегда. Не могу понять, шутишь ты или говоришь серьезно.

– Ах, Олег, посмотри лучше на себя. Зачем ты приволок в офис какой-то шар? Это же кабинет врача, а не приемная шарлатана. Хочешь строить из себя Калиостро, бросай медицину.

– Почему шарлатана? – возмутился Самойленко. – Если у человека нестандартный взгляд на вещи, так он сразу и шарлатан? У меня просто особый подход к вопросу...

Ангелина Львовна всплеснула руками.

– Надеюсь, ты хоть воду не собираешься заряжать космической энергией? Чтобы потом продавать пациентам в качестве лекарства от всех болезней?

Коллега отрицательно помотал головой, потом призадумался.

– А что? Неплохая мысль...

– Господи! – Закревская отодвинула чашку и встала. – Я, пожалуй, пойду. Почитаю что-нибудь. Сегодня ко мне придет Ревин.

– Иди-иди, зануда. Раз тебе не понравился чудный, таинственный шар... у тебя точно проблемы.

– Угу, – согласилась она. – Безусловно. Ты действительно собираешься

использовать шар во время сеансов?

– Ничего подобного я делать не буду, ваше королевское величество! – дурашливо кланяясь, заявил Самойленко. – Зачем? Достаточно, чтобы шар просто находился в моем кабинете. Народ нынче дуреет от всякой там магии и... прочего. Вот увидишь, клиенты ко мне валом повалят. Думаешь, им хочется глотать таблетки? Да они готовы поверить во что угодно, хоть в черта, лишь бы им полегчало!

– Теперь ясно, почему от тебя уже вторая жена убежала.

Доктор Закревская, держась прямо и громко стуча каблуками, удалилась. А Олег Иванович, затаив дыхание, обошел стол, не отрывая взгляда от шара. В его прозрачной глубине происходило какое – то неуловимое, текучее движение...

Глава 5

Самолет, на котором летела съемочная группа и хозяйственники, приземлился в аэропорту Душанбе. Дул пронизывающий ветер, гнал по посадочной полосе снежную поземку.

Во время перелета Мельниковой несколько раз становилось плохо. Стюардесса, тоненькая таджичка с черными, как смоль, волосами, бегала по салону то с лекарством, то с пакетами. Вдруг пассажирку стошнит?

– Ты потерпи, деточка, – причитала Глафира, наваливаясь на Ларису своей мощной грудью. – Потерпи, миленькая, уже скоро...

Лариса не имела сил сказать, что ей и так дышать нечем, сидела бледная, безжизненная; в глазах двоились и троились красные круги. Если бы она знала, что придется так худо, сидела бы в Москве и не рыпалась.

Стюардесса принесла успокоительную таблетку, и Ларисе стало чуть легче, сознание заволокла вялая дремота. Сквозь сонную пелену она вспоминала недовольство мужа ее отъездом.

«Сколько ты там пробудешь? – ворчал он. – В такую даль на неделю не ездят. Наверняка придется торчать в горах до весны».

«Почему же?»

«Потому! – пуще раздражался супруг. – Простые работяги никому не нужны. Никто не собирается о тебе заботиться. Запрут на край света, и сиди, сколько понадобится!»

«Значит, буду сидеть. Что же делать-то? Я туда не от хорошей жизни устроилась».

Мельников взвился.

«Ты меня упрекаешь, да? Тычешь в глаза, что не могу семью обеспечить? Говори прямо, не стесняйся. Нечего меня жалеть! Какие вы все сердобольные, аж противно!»

«Чего ты разошелся?»

«Потому что ты дура, Лорка. Кто тебя заставлял соглашаться тащиться в горы? Сказала бы, не поеду, и точка. Небось не в рабство продалась!»

«Я, между прочим, с тобой советовалась, – обиделась Лариса. – И ты не был против. А теперь, когда завтра лететь, разорался...»

Мельников сник. Он понимал, что жена поступает правильно, но не мог с этим смириться.

«Я же за тебя боюсь, – оправдывался он. – Как бы не случилось чего. Сначала я с лестницы свалился, теперь ты черт знает куда намылилась. Не

к добру это, чуёт мое сердце».

«Ладно, не нагнетай. Что со мной может случиться? Через месяц приеду, денег привезу».

Деньги! Все несчастья из-за них. Мельников начинал ненавидеть деньги лютой ненавистью. Гнев его против проклятых бумажек, без которых шагу не ступишь, закипел со страшной силой.

«А вдруг землетрясение? Или... как его... обвал какой-нибудь? Если лавина с гор сойдет? Ты представляешь себе...»

«Прекрати, Володя! – рассердилась она. – Не надоело выдумывать? Подумаешь, раз в жизни с лестницы упал? Это же не значит, что теперь все везде должно на нас обваливаться? Люди столетиями живут в горах, и ничего. Перестань пугать меня – себя. Помоги лучше собраться!»

Мельников покорно принес ей из шкафа теплые вещи: шерстяные носки, шапку и шарф...

– Лариса... Лариса! – пробивался сквозь дрему голос администраторши. – О, Мать Божья! Она не просыпается!

Но Лариса уже проснулась и пыталась приподнять будто свинцом налитые веки. Когда ей это удалось, Глафира завопила от радости на весь салон:

– Слава тебе, Господи! Глаза открыла! Ну-ка, ребята, помогите мне ее поднять. Фу, как ты нас напугала...

Ларису вывели из самолета, посадили в машину и повезли в гостиницу. Там она отоспалась и окончательно пришла в себя. Глафира не отходила от нее ни на шаг.

– Завтра дальше поедem, – под вечер, за чаем, сообщила она. – Как будем в горы добираться, еще точно неизвестно. Бахмет решает. У них там, в соседнем номере, совещание.

Дмитрий Лаврентьевич Бахмет – главный режиссер фильма. Так, по крайней мере, представила его Глафира. На киностудии «Дебют» царили странные порядки: никто ни с кем без нужды не знакомился, не вступал в приятельские отношения, ничем не делился, ничего не обсуждал. Лариса поначалу удивлялась, потом привыкла. В каждом монастыре – свой устав. Обо всем, что ей было нужно по работе, она узнавала от Глафиры. Излишнее любопытство в этом коллективе не приветствовалось.

– А на чем поедem-то? – поинтересовалась Мельникова.

– Наверное, на автобусах. Туннель снимать будем, так что к нему и повезут нас. Где-то в горах идет строительство. Туда нам и надо.

Глафира краем уха слышала про вертолеты, но не стала расстраивать помощницу. Может, еще и обойдется. На вертолетах доставят

оборудование, а люди поедут на автобусах.

– Я спать хочу, – сказала Лариса.

Ей совсем не хотелось думать ни об автобусе, ни о каком-либо другом виде транспорта.

– Вот и хорошо, – обрадовалась администраторша. – Вот и ладно. Давай ляжем пораньше, а то завтра вставать чуть свет.

Они допили чай, улеглись и выключили настольную лампу. Через несколько минут в номере уже раздавался раскатистый храп Глафиры, а Лариса долго ворочалась, гнала от себя тревожные мысли. Однако и ее сморил сон.

Утром обстоятельства резко изменились.

– Мы никуда не едем, – неожиданно заявила Глафира. – В горах слишком холодно, зима.

– Вот тебе на! – удивилась Мельникова. – А что, Бахмет в Москве не знал, что на дворе февраль?

Администраторша замаялась. Ей самой вся эта бестолковщина изрядно надоела. Руководители «Дебюта» действовали наобум, не учитывая ни погоды, ни сложных горных условий. Разве нельзя было эпизоды с туннелем снять где-нибудь на Кавказе, например? И проще, и дешевле. Обязательно переться на Памир, да еще в Горно-Бадахшанский район! Туда, как ей стало известно, только на вертолете можно добраться, и то не всюду.

– Бахмет ни при чем, – объяснила Глафира. – Это все начальство мудрит. Чаров и владелец киностудии, господин Гаврилов. Что за люди, ей-богу? Не умеют заранее думать. Все надеются на авось да небось. Вот и выходит, что нам теперь придется здесь куковать до весны.

– Как ты сказала? – Лариса не поверила своим ушам. – Вся группа будет сидеть в Душанбе до марта?

Глафира глубоко вздохнула и провела рукой по аккуратно уложенным волосам.

– Ну, не в Душанбе, конечно. Уж больно накладно выходит столичную гостиницу оплачивать. Придется перебираться в Калаихум. Там проживание гораздо дешевле.

– А... на чем ехать будем? – с опаской осведомилась Лариса.

Выходит, они все-таки едут. Правда, не так далеко.

– На автобусах. Слава богу, до Калаихума идет автомобильная трасса. Там и дождемся весны. Бахмет планирует снимать Язгулемский хребет. Вернее, туннель, который там прокладывают. Я сегодня встала ни свет ни заря, пошла багаж проверить, а они у себя в номере совещались. Кричали –

жуть! Я уши наострила... и теперь мало-мальски в курсе дела.

– Закричишь тут. Притащились чуть ли не на край света, а здесь, оказывается, зима. Какая неожиданность!

– Да, непонятно... – согласилась Глафира. – Ну, нам особо расстраиваться не стоит. Мы с тобой люди подневольные, что скажут, то и делать будем. Лишь бы деньги платили, и побольше.

Это было так и не так. Перспектива почти месяц сидеть в глухом городке Калаихуме, в захудалой гостинице, слоняясь из угла в угол, никого не радовала.

– Почему нельзя до весны вернуться в Москву? – спросила Мельникова.

– Ты что? Представляешь, во сколько обойдется перелет туда и назад? Нет, – покачала головой администраторша. – Такой вариант сразу отпадает.

Делать было нечего. К обеду два автобуса двинулись на запад, в сторону Горно-Бадахшанского района. На ледяном небе нестерпимо ярко светило солнце. Дорога петляла, по бокам тянулись горы – то плоские, то остроконечные, из красного песчаника и серого гранита, покрытого снежными шапками – суровое и величественное каменное царство.

Лариса приняла таблетку и постаралась заснуть. Сидеть было неудобно: спина затекла, голова побаливала. Сзади громко разговаривали мужчины, обсуждая намеченную поездку к Сарезскому озеру.

– Может, голуб-явана поймает! – хохотали они.

Сквозь дрему Лариса слушала байки о «снежном человеке», который якобы издавна живет на озере Сарез. Оно образовалось во время сильнейшего землетрясения. Часть огромной горы сдвинулась и опрокинулась вниз, в реку Мургаб. Глыбы скальной породы образовали естественную запруду. Несколько дней над ущельем стояло облако пыли.

– Сарез – сердце Памира, – говорил хриплый, низкий голос. – К вечеру на озере поднимается большая волна, бежит от Усольского завала вверх, хочет догнать солнце. Там, на диких берегах, он и живет...

– Кто? Йети?

– Это в Гималаях его называют йети, а на Памире – голуб-яван. Снежный человек...

Кажется, голос принадлежал старшему группы каскадеров – Борису.

– Ты сам-то его видел?

– Не посчастливилось, – ответил Борис. – А вот гидрологи^[6] твердят, что видели. Голуб-яван любит глухие и труднодоступные места. Одно слово – неандерталец. Ребята собрали из надувных камер плот, обшарили все берега и прибрежные скалы, заглянули в каждую расщелину, в каждую

пещеру, но... никого не нашли.

– А следы?

– И следов не было. Ни одного. Жаль, правда?

– Ага. Только зачем они его искали?

– В том-то и дело, что один из гидрологов утром заметил на берегу какую-то огромную фигуру. Местность необитаемая, все об этом знали, и вдруг...

– Может, это медведь был?

– Может, и медведь. – Борис помолчал. – Но тем же утром у ребят пропала резиновая лодка. Как они ее ни искали – все напрасно.

– Думаешь, лодку голуб-яван стащил? Зачем она ему?

– Мало ли... Кстати, лодка потом нашлась, в пяти километрах выше того места, где она исчезла.

– Сказки все... обычная брехня.

– Поживем, увидим...

Больше Лариса ничего не слышала, она провалилась в глубокий сон. Ей снилось прекрасное озеро – синий глаз Памира. Оно раскинулось перед ней своей сияющей гладью. По его берегам высились заснеженные каменные исполины. Высоко в небе стояло желтое солнце...

Из Калаихума Лариса решила написать письмо мужу. Так, мол, итак, из-за неблагоприятной погоды придется сидеть в горах до весны, только потом начнутся съемки. У Бориса был с собой ноутбук, и она осмелилась попросить его воспользоваться электронной почтой...

Москва

– Рад вас видеть, прекрасная Мария, – кланяясь, сказал Холмогоров.

– Проходите в гостиную, Геннадий Алексеевич. Чем обязана вашему визиту?

Господин Холмогоров был давнишним приятелем Ревина. Они дружили едва ли не со школьной скамьи, потом пути их разошлись. Данила увлекся альпинизмом, пропадал в горах, а Холмогоров получил экономическое образование, защитил докторскую и занялся финансами. Встретились бывшие одноклассники случайно, в приемной одного государственного чиновника. Пока ожидали «высочайшей аудиенции», разговорились. Оказалось, что их интересует одна и та же сфера бизнеса – технические средства связи и предоставляемые в этой области услуги.

«Данила! – не переставал удивляться Холмогоров. – Я думал, ты с гор уже не спустишься. Бросил, что ли, свое скалолазание?»

«Бросил, – серьезно ответил Ревин. – Считаю, альпинистская страничка моей биографии закрыта. Навсегда».

Больше они к этой теме не возвращались. Ревин пригласил друга на должность финансового директора в свою молодую перспективную фирму «Роскомсвязь».

Холмогоров познакомился с женой Ревина и с самой первой встречи стал называть ее «прекрасная Мария». Отношения у них сложились холодно-официальные, хотя Машеньке казалось, что чопорный и сухой Холмогоров втайне питает к ней симпатию. Сказать, что он влюблен, было бы большой натяжкой. Это слово вовсе не подходило к Холмогорову – высокий, длинный, худой, он являлся воплощением бесстрастности и безукоризненного профессионализма. Финансы, денежные потоки, банковские операции, казалось, занимали его полностью, без остатка.

– Я к вам по делу, прекрасная Мария...

Холмогоров уселся в кресло, заложив ногу на ногу. Дорогой костюм висел на нем, как на вешалке; тщательно, волосок к волоску, прилизанные волосы облегли вытянутый породистый череп мыслителя, облысевший лоб блестел.

– Да? – удивилась Ревина. – Кому, как не вам, знать, что в бизнесе я полный профан. А что касается денег, то я умею их только тратить.

Геннадий Алексеевич изобразил на лице некое подобие улыбки, при этом его бесцветные глаза, обрамленные белесыми ресницами, оставались напряженно – серьезными.

– Как ни странно, – продолжал он тем же ровным деловитым тоном, – я пришел говорить с вами именно о деньгах.

– Хорошо... я вас слушаю. Может, выпьете чего-нибудь? Коньяк, водка?

– Благодарю, нет.

Машенька отлично знала, что Холмогоров пил все подряд в больших количествах и умудрялся не пьянеть. То, что он отказался от спиртного, говорило о важности предстоящей беседы.

– Прекрасная Мария, поймите меня правильно... я не собираюсь обсуждать здесь деловые качества вашего супруга и моего партнера...

– Вы о Ревине, что ли?

Геннадий Алексеевич слегка нахмурился. Эти женщины! Что за несносная привычка перебивать?

– Меня привело к вам беспокойство, – терпеливо объяснял он. –

Данила прежде всего мой друг, а потом уже партнер по бизнесу. Он... самый близкий мне человек. Я не женат, родители мои умерли, и вы с Данилой – вся моя семья. Ну еще фирма, конечно. Фирма – это мой ребенок. Я выпестовал, вырастил ее, поставил на ноги, и мне не безразлична судьба моего детища.

Машенька насторожилась. Этого только не хватало! Неужели у Ревина начались неприятности в делах?

– А что случилось? – спросила она, замирая от страха.

Из-за ерунды Холмогоров никогда бы к ней не явился, тем более в отсутствие мужа.

– Видите ли, Мария Сергеевна, я... теряюсь в догадках по поводу Данилы. Что с ним происходит в последнее время? Вы ничего... э-э... необычного не замечаете?

– Чего именно? Говорите толком, Геннадий Алексеевич. Я тонкостям светских бесед не обучена, мне желательно попроще и поконкретнее.

Холмогоров молчал, буравя ее пристальным недоверчивым взглядом.

«Какой у него неприятный прищур!» – подумала Машенька, невольно внутренне холодея. Как бы там ни было, она не собиралась обсуждать проблемы Ревина ни с кем, кроме его психотерапевта. Даже с Генной.

– Кофейком не угостите? – опуская глаза, спросил Холмогоров. – Вы божественно готовите кофе по-турецки.

– С удовольствием. Только вам придется пару минут подождать.

Машенька поняла, что Холмогоров взял паузу. Значит, разговор действительно предстоит серьезный. Она машинально возилась на кухне, не переставая думать о финансовом директоре. Неужели он что-то заметил? Но ведь все приступы неуравновешенности у Ревина случались в основном по ночам. Днем он оставался прежним Данилой, добродушным, вспыльчивым, порывистым, умным и веселым парнем. «Парень! – усмехнулась она. – Я забываю, что нам с Ревиним уже перевалило за тридцать».

Она разлила кофе в маленькие фарфоровые чашки и вернулась в гостиную. Холмогоров все так же сидел, глядя прямо перед собой.

– Прощу, – она поставила на стол кофе и блюдо со сладостями. – Угощайтесь.

– М-мм... какой аромат! – восхитился гость. – Восток чудесен, вы не находите? Мы обязаны ему столькими наслаждениями.

Машенька кивнула.

– Пирожные, конфеты? – предложила она.

Холмогоров отказался. Он пил кофе и совершенно, казалось, забыл о

цели своего визита. Но Машенька знала, что это всего лишь уловка. У Геннадия Алексеевича феноменальная память, он никогда ничего не забывает.

– Наша фирма находится в непростых условиях, – сказал он, будто и не отвлекался. – Мы должны срочно вернуть крупный кредит.

– И что? Не хватает денег?

– Пока хватает...

– Что значит «пока»? – испугалась Машенька. – Существует угроза банкротства? Я совершенно не сведуща в таких вещах. Так что вам придется ввести меня в курс дела, Геннадий Алексеевич.

– Я как раз пытаюсь выполнить эту задачу, – одними губами улыбнулся Холмогоров. – А вы меня сбиваете с мысли.

«Тебя собьешь!» – зло подумала Ревина.

– Извините... – сказала она. – Продолжайте, пожалуйста.

Холмогоров поставил чашку на столик и потер ладонью о ладонь. Раздался сухой шелестящий звук, от которого Машеньку передернуло.

– Так вот, – вкрадчиво произнес он. – Три месяца назад Данила, не поставив меня в известность, снял большую сумму со счета и... она исчезла. То есть он израсходовал эти деньги либо на собственные нужды, либо... Не имею представления, зачем они ему могли понадобиться. Вы что-нибудь знаете об этом?

– Н-нет... – Машенька в самом деле не знала. – Ну... мало ли? Бывают непредвиденные обстоятельства... и личные тайны.

– Данила мог бы посоветоваться со мной...

– Тайны есть тайны, Геннадий Алексеевич. Каждый из нас имеет право на частную жизнь. В том числе и Ревин.

– Согласен с вами, прекрасная Мария. Я бы не пришел сюда, если бы подобное не повторилось. Месяц назад Данила снял со счета очередную крупную сумму и не соизволил сообщить, куда и зачем он тратит деньги. И это в преддверии выплат по кредиту! Что вы скажете?

Машенька растерялась. Что тут говорить? У Холмогорова есть все основания бить тревогу.

– Партнеры не должны так поступать, – добавил он.

– Вы не спрашивали Ревина, зачем он берет деньги со счета? – пробормотала она, чувствуя сухость в горле и подступающую дурноту.

– Разумеется, спрашивал...

– Что он вам ответил?

– Ничего. Он раскричался, что никто не смеет вмешиваться в его дела, обвинил меня во всех смертных грехах и перестал разговаривать. С тех пор

у нас чисто официальные отношения. Откровенно говоря, я думал, Данила остынет, поймет, что не прав, и все наладится. Но... мои надежды не сбылись.

– Господи! – Машенька нервно сплела пальцы в замок. – Может быть, Ревина шантажируют? Кто-то вымогает у него деньги?

Гость скептически пожал плечами.

– Все возможно в нашем суетном мире. Если даже и так, Данила должен с кем-то поделиться своими проблемами. Мы ему не чужие. Поговорите с ним. Возможно, вам он откроется... в отличие от меня.

– Ой! – Машенька махнула рукой. – Вряд ли. Ревин и раньше дома не особо распространялся о делах, а теперь и вовсе...

Она сообразила, что сболтнула лишнее, и прикусила язык. Но было поздно.

– Что? – так и вскинулся Холмогоров. Его длинный тонкий нос задрожал, словно почуял запах добычи. – Вы тоже заметили перемены в Ревине? Не скрывайте от меня ничего, прекрасная Мария. Поверьте, речь идет о судьбе фирмы, а значит, и нашей с вами судьбе. Ведь вы уже привыкли не отказывать себе ни в чем, жить вольно и беззаботно! Вас не шокирует перспектива снова оказаться на дне?

– Так сразу и на дне! – возмутилась Машенька. – Вы, Геннадий Алексеевич, явно сгущаете краски.

– Допустим, – согласился он. – Но только самую малость. Фирма на грани краха. Если мы вовремя не рассчитаемся с кредитом... придется свертывать производство, продавать недвижимость, расторгать контракты с иностранцами. А они не любят упускать свою выгоду. Предъявят такие неустойки, что мало не покажется. И вообще...

– Вы же говорили, денег хватит! – перебила его Ревина.

– Говорил. Но вчера... Даниил Петрович обмолвился, что ему снова нужны деньги. Весьма приличная сумма. Где прикажете их доставать? Опять снимать со счета? Это смерти подобно. Продать часть акций?

– У-у нас есть загородный дом...

Холмогоров захохотал, запрокинув лысеющую голову. Кадык на его тощей шее ходил ходуном.

– Развеселили вы меня, прекрасная Мария, право слово, развеселили. Загородный дом! Вы хоть понимаете, какая сумма вдруг понадобилась вашему супругу? Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха...

Холмогоров, так ничего не добившись от нее, ушел.

Машенька, оставшись одна, взялась за голову. Того, что рассказал финансовый директор, она никак не ожидала. Его гомерический хохот все

еще стоял у нее в ушах...

Глава 6

Февраль в Москве выдался холодный. Ночами завывали вьюги, терлись ледяными боками о стены домов, бросали в окна снежную крупу.

Ангелина Львовна с трудом заставляла себя ходить на работу. Пришлось достать из шкафа тяжелую длинную шубу с капюшоном, чтобы спастись от мороза.

– И как это чукчи живут на своем севере? – недоумевала она.

– Чукчи одеваются в олени шкуры, – глубокомысленно изрекал Самойленко. – Причем сами их выделывают. У них одежда легкая, как пух, и непродуваемая.

Два раза в неделю, по утрам, приходил к ней на сеансы Ревин.

– Мне так удобнее, – заявил он. – Отбыл наказание, и целый день свободен.

Слова «отбыл наказание» выражали негативно-пренебрежительное отношение пациента к сеансам. Впрочем, он повел себя вызывающе с самого начала, всем своим видом демонстрируя, что посещает психотерапевта только ради жены. Делает ей одолжение.

«Какая мне разница? – успокаивала себя Закревская. – Главное, он все-таки приходит и даже что-то говорит».

Вызвать Ревина на откровенность было непросто. Вот и сегодня он явился в самом дурном расположении духа.

– Ну-с, милейшая Ангелина Львовна, приступайте к вашему допросу. – Он уселся в кресло и уставился отрешенным взглядом в окно. – Метель нынче лютая. Всю ночь выла, как стая волков. Вам удалось выспаться под такой зловещий аккомпанемент?

– Частично, – улыбнулась она, пропуская мимо ушей его сарказм. – А вам?

Он молчал, раскачивая носком ботинка. Под окном курили два его охранника, оживленно жестикулировали, смеялись. Ревин вдруг остро позавидовал этим молодым крепким ребятам, у которых в голове пусто, как в колоколе, а на душе легко.

«При чем тут колокол?» – недовольно подумал он, еще больше раздражаясь.

Его бесило все, особенно сидящая напротив улыбчивая женщина, ждущая от него каких-то слов, объяснений, которых он не мог ей дать. Он сам в себе запутался.

– Чему вы улыбаетесь? – напряженно спросил он. – Вам в самом деле весело? Или это ваша профессиональная врачебная маска? Как у хирургов. Знаете, они подходят к операционному столу в этих наводящих ужас намордниках и приступают к своему любимому занятию... резать, кромсать чужие тела. А? Чудная работенка! Вы не находите?

– Я не собираюсь вас резать, Даниил Петрович.

– Да ну! А по-моему, вы хотите вскрыть мою душу, дабы установить причину недомогания. Ведь так? Диагноз установим после вскрытия! Ха-ха-ха! Ха-ха... Черный медицинский юмор.

Закревская помолчала, глядя на Ревина своими большими темными глазами.

– Значит, вы этой ночью совсем не спали? – участливо спросила она.

– Только попрошу без напускного сочувствия! – взвился бизнесмен. – Не стройте из себя «добрую мамочку», вам не идет. Я не нуждаюсь в вашей жалости! Да, я не спал... почти. Забывался на несколько минут, и все. Очень неприятно выла метель.

– А что снилось?

– Думаете, в редкие мгновения забытья успеваешь что-то присниться?

– Во сне время идет по-другому.

Ревин задумался, разглядывая свои ухоженные руки. У него были длинные красивые пальцы, как у музыканта.

– Закройте глаза, – предложила Ангелина Львовна. – Так вам будет легче.

Ревин нехотя повиновался. Пару минут он сидел не двигаясь, видимо скучая, и даже зевнул. Но постепенно его лицо приобрело совсем другое выражение.

– Кажется... действительно, припоминаю... – медленно произнес он. – Снилось огромная, полноводная река, очень широкая...

– Вы плыли по ней?

– Да...

– На чем? Что это было – лодка, корабль?

– Ни то, ни другое...

– Может, плот?

– Не-е-ет... – лицо Ревина приняло мечтательный вид. – Это был... сад! Прекрасный, зеленый, пышный сад... полный цветов и плодов...

– Вы ничего не путаете?

– Послушайте, – улыбнулся пациент, – я рассказываю вам свой сон. Во сне и не такое бывает.

– Хорошо. Допустим, это сад. Он плывет по реке?

– Да... Это плавучий сад... Я лежу на мягкой зеленой траве и смотрю в небо. По небу медленно движутся облака... Мне легко... я слышу плеск воды...

– Вам хорошо?

Ревин, казалось, глубоко ушел в себя.

– Сначала да, а потом... нет, потом что-то произошло. Ужасное... – ответил он, меняясь в лице.

– Что именно? Постарайтесь представить...

– Но я не хочу! – перебил Ревин, нервно стискивая руки. – Не хочу вспоминать этого.

– Попробуйте. Все не так страшно.

Он колебался, но воспоминания уже захватили его. Они переполняли сознание, требуя выхода.

– Солнце, много солнца... Высокая гора! Или нет... не гора, а сооружение, похожее на гору... Шум! Странный, громкий шум... Как будто кричат много людей... и какой-то ритм. Похоже на барабаны. Еще какой-то звук... Все вокруг сверкает и переливается!

– Там есть кто-то, кроме вас?

– Д-да... люди. Они без одежды. Хотя нет... Просто я... затрудняюсь ее описать...

– И все же?

Ревин сосредоточился. Он как будто пристально всматривался, но ничего больше не увидел.

– Нет, все... – разочарованно сказал он. – Все! Картинка сна растаяла. Она просто исчезла.

Некоторое время он молчал, тяжело дыша.

– Черт знает что! – наконец выдохнул он. – Вы полагаете, это мне действительно приснилось?

– А как вы сами думаете?

Закревская старалась строить беседу так, чтобы пациент сам отвечал на свои вопросы. Она была убеждена, что никто, кроме самого человека, не сможет распутать клубок собственных умственных заблуждений. Подсказки тут бесполезны.

– Я? – удивился Ревин. – Что я могу думать? Я даже не знаю, не басни ли я вам рассказываю. Вдруг я все это сочинил?

Ангелина Львовна покачала головой. Она превосходно умела отличать правду от вымысла.

– Вы мне поверили? – спросил он, напряженно глядя ей в глаза.

– Да.

– Ну, знаете...

– И все-таки, – повторила она, – вы на самом деле видели это во сне?

Ревин вздохнул и развел руками.

– Мне кажется, что видел. У меня не очень богатая фантазия. Впрочем, вы специалист, вам и судить.

Закревская закончила сеанс, попрощалась с пациентом и выглянула в окно. Она видела, как Ревин, сопровождаемый охраной, быстрыми шагами подошел к своему «джипу» и сел в него, как захлопнулись дверцы, и машина тронулась с места.

– Ты уже освободилась? – осведомился Самойленко, который тем временем успел войти в ее кабинет и усесться в кресло.

– Фу, напугал! – возмутилась Ангелина Львовна. – Стучать надо, господин доктор.

– Я стучал... но ты не слышала. Нельзя так погружаться в себя.

– Я думала о Ревине.

– Тем более! Я еще в институте понял, что заглядывать в чужие души небезопасно. Все, хватит! – решительно сказал он. – Давай лучше пить кофе.

Он проворно встал, открыл шкаф, достал оттуда кофеварку и две чашки.

– Давай... – согласилась Закревская.

Она все еще думала о сне, который пытался вспомнить Ревин.

– Слушай, Олег, ты что-нибудь слышал о садах, которые плавают?

– Плавающие сады? – поднял брови Самойленко. – Нет. Разве такое бывает?

– Ну, давай же, напрягись, – настаивала она. – Ты всегда был эрудитом.

– Почему был? – он включил кофеварку и закрыл глаза, приняв необычайно глубокомысленный вид. – Сейчас соображу. Сады, сады... сады... Черт! Как назло, ничего путного в голову не приходит...

– Не торопись.

Он затих, смешно шевеля губами. Вдруг складки на его лбу разгладились и все лицо просветлело.

– О! Вспомнил! Висячие сады! Одно из семи чудес света. Жутко давно жила в Вавилоне изобретательная царица. Звали ее Семирамида. И захотелось ей иметь висячие сады. Согнали рабов, велели насыпать земляные террасы, подвести к ним воду... и разводить всякие диковинные цветы и деревья. Ну, вот...

– Олег, ты не понял. Я тебя спрашиваю не про висячие сады, а про плавающие.

– Плавучие? – повторил Самойленко, продолжая сидеть с закрытыми глазами. – Нет... ничего не могу сказать о плавучих садах. Надо порыться в Интернете.

– Ладно, – вздохнула Ангелина Львовна. – Кофе сварился. Давай, неси шоколад.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть?

– Твой магический шар доложил, – засмеялась она. – Как только у тебя появляется шоколад или конфеты, он сразу приобретает оранжевый оттенок. Не будь жмотом, Самойленко.

– Шутишь?

– Ну... отчасти. К тебе сегодня поклонница приходила, пациентка Марина. Ей психотерапия не нужна. Ее ты интересуешь. Что она тебе каждый раз приносит в виде презента?

– Шоколад! – захохотал он. – Ты заметила?

– А то! Пропустить такое лакомство? Доктор проворно сбегал за шоколадом.

– На, ешь! – трагическим тоном вымолвил он, кладя коробку на стол. – Как это на тебя похоже, отобрать у человека последний кусок!

Пока Ангелина Львовна, ничуть не смущаясь, жевала шоколад, Самойленко напряженно размышлял.

– Слу-у-шай... кажется, я что-то вспомнил о плавучих садах. Если память мне не изменяет... такие сады были у этих, как их... индейцев.

– Каких индейцев? Истории про краснокожих я читала, но...

– Да нет! – перебил ее Самойленко. – Совсем не те индейцы. Те апачи, гуроны и могикане... А я имею в виду майя, инков и ацтеков. Заброшенные города в джунглях, пирамиды... император Монтесума.^[7] Приключения испанцев и Кортеса...^[8]

– Час от часу не легче, – помрачнела Закревская. – Может, человек передач насмотрелся про конец света или книг начитался, вот ему и снится всякое?

– Я бы так не упрощал. Миллионы людей смотрят телевизор, читают книги, и это вовсе не делает их пациентами психотерапевта...

* * *

Мельников получил письмо от Ларисы, где та сообщала, что съемочная группа останется на Памире до весны.

«Здесь очень красиво, – писала она. – Повсюду горы, небо и солнце. Такого яркого солнца я раньше нигде не видела. Режиссер говорит, что солнечная радиация на Памире в пятьдесят раз сильнее, чем где бы то ни было.

Фильм будет сниматься в районе Язгулемского хребта, где прокладывают туннель. Совсем близко с границей Афганистана. Многие опасаются нападений душманов, но пока все спокойно. Местные жители уверяют, что боевики предпочитают переходить границу в других местах. Надеюсь, это правда.

Мы пока живем в Калаихуме, в маленькой затрапезной гостинице. Операторы ездили, вернее, летали на вертолете на Сарезское озеро, подбирать подходящий пейзаж для съемок. Все только и говорили о «снежном человеке» – голуб-яване. Но приехали разочарованные. Ни голуб-явана, ни следа его, ни волоска не нашли... Интерес к «снежному человеку» особенно разгорелся после того, как один из актеров рассказал про своего отца, участника экспедиции профессора Станюковича, которому посчастливилось увидеть это неуловимое существо.

Якобы на рассвете, когда все еще спали, он встал пораньше, выглянул из палатки и увидел огромную фигуру в четырехстах метрах от него. Фигура как-то странно, скачками, передвигалась и через несколько секунд скрылась за склоном горы. Воодушевившись, ученые стали вести по ночам регулярные наблюдения с помощью приборов ночного видения, а днем, разбившись на группы, искали следы. Однажды лунной ночью еще двое членов экспедиции видели загадочную фигуру. Но следов так и не обнаружили.

Наши ребята, как ни обидно, тоже вернулись ни с чем. Сокрушались, что им не повезло и они даже тени голуб-явана не видели. Зато озеро поразило красотой всех.

Операторы договорились с сотрудниками гидрометеостанции, и те показали им самый лучший вид на озеро со скального утеса. Все застыли в восхищении и долго любовались зимними красками дикой природы.

Ну, а нам пришлось довольствоваться привезенными фотографиями. Даже на них озеро поражает великолепием: между снежных гор, словно в каменной чаше с зубчатыми краями – синяя зеркальная гладь, сверкающая в солнечных лучах. Жаль, что я не смогу увидеть Сарез своими глазами. Говорят, вода в нем чистая и светлая, как слеза. Местные жители верят в ее целительную силу. Мол, если окунуться в озеро, то обретешь вечную молодость и здоровье. Это, конечно, легенда, но все равно интересно.

Метеорологи поделились с нашими ребятами своими наблюдениями.

Иногда по ночам некоторые из них видели огромные фигуры. Те странно мерцали в лунном свете. Все думают, что голуб-яван обитает именно на берегах Сарезского озера, только найти его непросто. Горы тщательно хранят свои тайны. Может быть, это и правильно.

Ну вот, вроде все новости я тебе сообщила. В гостинице немного скучно. Единственное развлечение – болтовня, поэтому любая новость тут же обрастает множеством подробностей. И уже не разберешь, где правда, а где вымысел.

Таджики – добрый и приветливый народ. У них очень красивая одежда, особенно платья у женщин. В холода они надевают их одно на другое. Многие одеваются по-современному, в дубленки и шубы. Повсюду продаются *джурабы* – теплые шерстяные носки. Их краски и узоры изумительны. На носках – целые картины: звери и птицы, одуванчики, чинары в горах. Джурабы носят и мужчины, и женщины. Я не удержалась, купила тебе и себе по две пары.

Наверное, тебя интересует, как здесь кормят? Еда вкусная, хотя очень простая: молочные продукты, баранина, лепешки, суп шурпа. В общем, жить можно.

Хотела уже заканчивать, но пришла Глафира и сообщила, что через неделю мы переезжаем поближе к Язгулемскому хребту. Будем жить в горном кишлаке. Как там с Интернетом, не знаю. Поэтому если писем не будет, не волнуйся, пожалуйста. Твоя Лариса».

Мельников не мог знать, как развиваются события на далеком Памире. Ему оставалось только ждать.

Глава 7

К концу февраля потеплело, и съемочная группа выехала из Калаихума в сторону Язгулемского хребта. Дорога все круче и круче поднималась витками вверх. С одной стороны шла отвесная стена, с другой – обрыв.

Лариса закрыла глаза и старалась заснуть. Остальные пассажиры, далее шумная Глафира, тоже притихли. С перевала дорога побежала вниз, петляя между скал. Каждый раз открывались потрясающие виды: высокие кручи и бездонные провалы, синее небо между отрогами, остроконечные вершины, покрытые вечным льдом. Горы в лучах солнца вспыхивали розовым, синим, фиолетовым и оранжевым.

Режиссер Бахмет прильнул к окну автобуса.

– Вот это натура! – восхищенно восклицал он. – Красота...

Операторы что-то на ходу снимали. Бахмет требовал остановить автобус, но водитель отказался наотрез.

– Скоро стемнеет, – сказал он. – Надо успеть добраться до кишлака. Погода в горах капризная, мало ли что.

Ночевали в кишлаке, в большом таджикском доме.

Горные таджики строились основательно, рассчитывая жилище на большую патриархальную семью. Дом был простой, массивный, прочный, сложенный из дикого камня. Внутри стены побелены. Деревянные балки, столбы, двери и окна покрыты замысловатой резьбой. В деревянной крыше по старинному обычаю – отверстие для света и дыма. Есть печи, есть и дедовский очаг.

В доме было тепло, пахло шерстью и дымом. Вдоль стен лепились широкие лавки, накрытые одеялами. Все разбрелись – кто куда. Лариса с Глафирой прилегли отдохнуть.

– Скажи, страшно ездить по горным дорогам? – спросила администраторша и сама же ответила: – Ох, и страшно! Наши автобусы – как спичечные коробки. Пропasti видела какие?

Лариса кивнула. Она до сих пор в себя не могла прийти.

– Долго еще ехать?

– Вроде нет. Надо спросить у Бориса. Ты устала?

– Ужасно... – призналась Мельникова. – И как люди тут живут?

– Да им-то чего? Они никуда не ездят, разве что на ослах или на лошади. Сидят себе и в ус не дуют.

– Ой, нет, – возразила Лариса. – Я бы не смогла. Страшно здесь, хоть и

красиво.

– Дело привычки. Они же родились в горах. Это земля их пращуров.

– Ничего себе, земля! Камни одни.

– Какая есть...

Пожилая таджичка принесла глиняный кувшин, полный молока, черные обливные кружки. Поставила на пол огромный закопченный казан, от которого шел душистый пар.

– Куурдук, – сказал шофер. – Приготовлен на живом огне. Угощайтесь.

– Что это такое? – опасливо поинтересовалась Лариса, заглядывая в казан. – Пахнет вкусно.

– Куурдук – жаркое из свежей баранины, – объяснил Борис. – Сейчас хозяйка принесет лепешки и кок-чай. Зеленый чай по-ихнему. Без зеленого чая здесь ничего не обходится.

Старика-хозяина звали Хайдаршо, а его жену – Анора. Он на пальцах показал, что у них восемь детей.

– Дастархан, – бормотал старик. – Дастархан...

– Что он говорит? – спросила Глафира.

– Дастархан – это праздничный стол, – ответил Борис, прислушиваясь к бормотанию седого таджика. – Он говорит, что давно у него в доме гостей не было. Гости в доме – добрая примета. Поэтому они с женой накрыли праздничный стол.

Анора, жена старика, принесла большое блюдо с пловом.

После обильной еды и чая гости, сытые и разомлевшие, улеглись спать. Лариса сразу заснула, но скоро ее разбудил раскатистый храп Бориса и других мужчин.

– Глафира, – прошептала она, поднимаясь на локте и пытаясь разглядеть в темноте лицо администраторши. – Вы спите?

– Как же! Уснешь тут! – возмущенно прошипела та. – При таком-то храпе! Черт бы их побрал! Трубят, как африканские слоны.

Лариса приглушенно хихикнула.

– Тебе хозяйева-таджики понравились? – спросила Глафира. – Степенные люди. Живут основательно, никуда не торопятся. Завидую таким.

– Ага. Только куда им торопиться? Горы кругом, вечные снега... звезды. Обстановка не располагает к поспешности. Вообще таджики – великий народ. Вы читали Фирдоуси?

– Нет...

Глупо было спрашивать об этом Глафиру, но Лариса и не ждала ответа.

– Азия подарила нам Омара Хайяма и великого Абу Али ибн-Сину, –

добавила она.

– Абу... кто?

– Авиценна. Философ, врач и поэт.

– Ну, ты даешь, Мельникова! Откуда ты все это знаешь?

Лариса тяжело вздохнула, помолчала.

– Я в юности литературой увлекалась, особенно восточной, хотела даже персидский язык выучить. А пришлось поступать на биологический.

– Почему?

– Там конкурса не было.

– Жалеешь? – сочувственно спросила администраторша.

– Вроде нет. Иногда встрепенется что-то в душе... и погаснет. Чего жалеть без толку? Поезд ушел.

За разговорами они незаметно уснули. Утром их растолкал Борис.

– Ну, вы и сони! Еле добудился.

– Храпеть меньше надо. Полночи глаз не сомкнули из-за вас! – сердито сказала Глафира. – Чего тебе?

– Так это... – опешил тот. – Ехать пора. Все уже собрались. Вас ждем.

И снова в окна автобуса смотрели горные хребты, синее небо и солнце, солнце, солнце...

Москва

Маленький и не очень дружный коллектив фотостудии «Профиль» собрался в подсобке за празднично накрытым столом. Ждали Марата.

– Кто у нас сегодня именинник? – удивился он, открыв дверь. – Я уж думал, все разошлись давно, а свет забыли выключить.

Ирочка, которая работала в «Профиле» приемщицей заказов, покраснела и даже привстала.

– У меня день рождения, Марат Анатольевич...

– Что вы говорите?!

Калитин прекрасно знал дни рождения своих сотрудников. Он старался превратить разрозненные ряды «Профиля» в некое подобие сплоченной команды. Пока получалось плохо. Но то, что сего – дня вечером все собрались поздравить Ирочку, вселяло надежду.

– В таком случае... желаю любви и счастья! – он достал из-за спины букет роз и вручил имениннице.

Все захлопали в ладоши, а Миша, тот самый фотограф, который

собирал очереди недовольных клиентов, открыл шампанское.

– Садитесь, Марат Анатольевич, – Ирочка подвинулась, уступая место Калитину. – Мы не начинали без вас.

Стол ломился от разнообразных блюд и закусок. Ирочка слыла большой кудесницей по части кулинарии и умела удивить любую взыскательную публику. Она готовила вкусно и старалась уйти от традиций. Вместо привычного оливье Марат увидел несколько зеленых и фруктовых салатов, креветки с лимоном, запеченные в соусе грибочки, заливное ассорти и целый ряд кушаний, которых он вообще ни разу не пробовал и даже не знал их названий.

– За вами поухаживать? – предложила именинница, моргая от восторга накрашенными глазами.

Наконец-то, Марат Анатольевич сидит рядом с ней. Они проведут вместе целый вечер!

– Куда же это годится? – засмеялся он. – Сегодня я буду ухаживать за вами.

Ирочка вспыхнула от удовольствия и выпитого шампанского. Она была тайно влюблена в Калитина с того самого момента, как пришла устраиваться на работу. Едва она взглянула на него, сердце ее дрогнуло. Классный мужчина! Именно о таком она мечтала. Он соответствовал всем ее представлениям. Корректный, уверенный в себе, спортивный, с правильными, мужественными чертами лица... Впрочем, достоинства Марата она могла бы перечислять бесконечно. И главное – он не был женат, следовательно, не имел «хвостов» в виде детей, законной супруги, тещи, тестя и прочих нежелательных родственников.

«Я его не упущу! – сказала себе Ирочка. – Костью лягу, но женю его на себе!»

Она принялась окружать Калитина неусыпным вниманием. Тот вроде бы ничего не замечал. Ирочка не собиралась сдаваться. Она с детства усвоила одну неоспоримую истину: мужчины – крепкие орешки. Ее мама трижды выходила замуж, и все неудачно. Последний мамин супруг, дядя Леша, вел мелкий бизнес, влез в долги, а потом вынес из дома все деньги и ценные вещи. Понятно, что это ему не помогло. Но материальному положению Ирочки и ее мамы был нанесен существенный урон.

«Все! – всплакнула Ирочкина мама. – Больше никаких браков. А ты, дочка, будь умнее. Прежде чем связываться с мужчиной, смотри в оба».

Ирочка смотрела. Она была недурна собой – стройная, хорошо сложенная, с приятным, интеллигентным лицом и мягкими длинными волосами пепельного цвета. Причем редкий оттенок ее волос являлся

естественным. С такой внешностью она неизменно пользовалась успехом у сверстников, но мамин опыт рано разочаровал ее. Ирочка относилась к ухаживаниям снисходительно, и только. Ничего серьезного не позволялось. Во всяком случае, пока претендент не пройдет самую тщательную проверку.

Ирочкино «сито» оказалось настолько густым, что ни один кавалер не имел шансов. Тот внешностью не вышел, другой умом, третий занимался сомнительными делишками. А годы шли. Ирочкина красота не то чтобы меркла – просто становилась другой, более зрелой. Ряды женихов поредел. Но и они не устраивали разборчивую невесту.

«Молодец! – хвалила ее мама. – Не хватало еще тебе вляпаться. Тогда обеим хоть вешайся!»

Ирочке исполнилось двадцать семь лет, иными словами, прозвенел первый звонок. Она заочно училась экономике и бухгалтерии, а работала в районной администрации секретарем. Там же, только на более выгодной должности, работала и ее мама. Собственно, она Ирочку и устроила поближе к себе.

«Мама! – растерянно сказала Ирочка, когда они вечером отмечали ее очередной день рождения. – Мне скоро тридцать...»

«Ну, не скоро, – философски рассудила мама. – Однако тебе следует активизировать поиски».

Ирочка задумала сменить работу. Когда что-то не клеится, необходимы перемены. Она решила устроиться в более легкомысленное заведение, где у нее будет много свободного времени. Таким заведением оказалась фотостудия «Профиль».

«Главное – рядом с домом, – одобрила мама. – Не придется толкаться в транспорте и тратиться на проезд. А что за вакансия?»

«Приемщица заказов».

Мама состроила кислую мину.

«Сколько будут платить?»

«Сдельно, – вздохнула Ирочка. – От количества обслуженных клиентов».

«Надо попробовать, – кивнула мама. – Чем черт не шутит?»

Ирочка еще колебалась, входя в кабинет хозяина «Профиля», но, увидев Марата, отбросила все сомнения. Он *произвел впечатление*.

«Буду торчать здесь до тех пор, пока он на мне не женится!» – сказала себе Ирочка и принялась выработать стратегию и тактику.

На первых порах она почти все время посвящала наблюдению. Манера поведения, привычки, стиль одежды, темы разговоров господина Калитина

– все стало объектом ее пристального внимания. Ей показалось странным, что такой человек, как Марат, является владельцем фотостудии. Фотография совершенно его не интересовала, и ему с трудом удавалось скрывать сей факт.

Ирочка попросила маму навести справки о Калитине, и оказалось, что раньше тот держал сыскное агентство «Барс», которое пришлось срочно закрыть. Причины такой поспешности объяснялись отнюдь не финансовыми проблемами. Их у «Барса» как раз не было.

«Что же случилось?» – допытывалась Ирочка.

Мама пожимала плечами.

«Ходили слухи, что «Барс» оказался замешанным в каком-то скандале, связанном с криминальными структурами. Но точно никто не знает. Официально известно, что хозяину агентства пришлось срочно его ликвидировать, а сотрудников распустить. Вот и все...»

«Все?! – Ирочка не верила ушам своим. – И ты ничего больше не можешь узнать? Никаких подробностей? Да в вашей епархии болтают все и про всех! Любую сплетню обсосут со всех сторон».

«Да, но не про «Барс». Там что-то серьезное. Попахивает конторой. А туда никто не хочет совать нос...»

«Конторой?»

У Ирочки появился повод задуматься. Уж больно разные вещи – сыск и фотография. Странная личность этот Калитин. Пожалуй, стоит держаться от него подальше.

Но Марат слишком ей нравился. Никакие слухи о нем не смогли отбить у Ирочки желание заполучить его если не в мужья, то хотя бы в любовники. Она не признавала случайные связи, предпочитая надежность и постоянство, но для Калитина готова была сделать исключение. Впрочем, в качестве мужа он бы подошел ей даже больше.

Разумеется, у Марата до нее были женщины. У Ирочки и самой время от времени случались короткие интрижки. Все живые люди имеют природные потребности. Но вот любовь – это нечто другое, на несколько порядков выше. И неизмеримо привлекательнее.

Ирочка поймала себя на том, что впервые думает о мужчине без расчета. Ей захотелось любви.

– О чем задумалась, именинница?

Ирочка вздрогнула и подняла глаза. На нее, улыбаясь и подняв бокалы с шампанским, смотрели сотрудники «Профиля» – пятеро мужчин и одна женщина. Господи! Да у нее же день рождения! Она сидит за праздничным столом... Нет, так недолго и ума лишиться. Неужели она влюблена в

Марата?

– За красоту! – интимно прошептал ей на ушко Калитин, чокаясь.

Ирочка только было расплылась от удовольствия, как зазвонил мобильный телефон Калитина. Он взглянул на номер, извинился и вышел из-за стола.

«Пойдет к себе в кабинет», – подумала Ирочка.

У нее сразу испортилось настроение. Она успела заметить, как по-разному Марат относится к телефонным звонкам. Связей с женщинами он не скрывал и охотно давал дамам рабочий номер. Трубку снимала либо Ирочка, либо ее сменщица Надя. Они-то и звали Марата к телефону. Тот болтал, не стесняясь, не понижая голоса, позволяя себе и комплименты, и весьма фривольные шутки и намеки.

Женщины ему звонили разные. Одни просили к телефону господина Калитина, другие – Марата Анатольевича, третьи – Маратика. Некоторые были серьезны, некоторые хихикали. Словом, чего-чего, а женской ласки Марату хватало. С избытком.

Номер сотового Калитин, по всей видимости, давал ограниченному кругу лиц. На мобильные звонки он реагировал по-разному. Иногда разговаривал при всех, там, где его заставлял звонок. Иногда отходил в сторонку, и тогда Ирочка по его выражению лица и некоторым фразам догадывалась, что он говорит с женщиной. Эту женщину Калитин явно выделял из всех своих знакомых.

«Если он ее не любит, то очень уважает, – сделала вывод Ирочка. – У меня, кажется, есть соперница».

Но были особые, редкие звонки по мобильнику, когда Марат смотрел на номер абонента и сразу же уходил в свой кабинет. Так он поступил и сейчас.

За Калитиным давно закрылась дверь, а Ирочка все еще смотрела ему вслед.

– Ревнуешь? – язвительно спросил Сеня, выездной фотограф, который снимал свадьбы, юбилеи и другие торжества.

Ирочка разозлилась. Она действительно ревновала Марата к его тайным звонкам, но никто не смел догадываться о ее слабости. Сеня, сам того не желая, наступил ей «на мозоль».

– Дурак! – огрызнулась она, изо всех сил сдерживая слезы. – Это ты свою клушу к каждому прохожему ревнуешь!

Сеня был женат на скромной деревенской девушке, которая, прожив в столице три года, так и не смогла приспособиться к городскому житью-бытью. Однажды она зашла к мужу на работу и нарвалась на Ирочку.

«Мне... Сеню позовите, пожалуйста», – робко попросила она, переминаясь с ноги на ногу.

«Сенька-а! – зычно крикнула Ирочка. – Тебя тут какая-то колхозница спрашивает!»

Сеня вышел из лаборатории и залился краской ярче, чем его законная супруга.

«Это моя жена...» – пробормотал он.

С этой минуты Ирочка приобрела в его лице врага номер один...

Глава 8

Илья Вересов, крепкий, мускулистый, коротко стриженный блондин двадцати восьми лет, складывал вещи в объемную спортивную сумку.

– Забирай все! – истерически выкрикнула его жена. – Чтоб ни одной твоей тряпки тут не осталось! И не смей больше показываться мне на глаза!

Она рухнула в кресло и зарыдала.

Вересовы были женаты пять лет и за эти годы успели возненавидеть друг друга. А как замечательно, как романтично все начиналось! Молодой, подающий надежды альпинист Вересов на очередных сборах познакомился с юной медсестрой Варенькой.

Варвара-краса, длинная коса – шутя, называли ее ребята. Они наперебой ухаживали за тоненькой, нежной «сестричкой», у которой глаза сияли, как две звезды, а голову оттягивала толстенная русая коса до пояса. Илье крупно повезло. По неведомым причинам Варенька обратила свое внимание именно на него. Как же ему тогда все завидовали! Дурачье...

Несколько торопливых объятий, пара страстных поцелуев, безумная, полная трепета ночь под открытым небом, возвращение в Москву, ЗАГС – вот и вся короткая история их любви. Илья опомнился только через месяц, когда молодая супруга заявила, что ей необходимы деньги на хозяйство.

Они впервые со времени скоропалительного знакомства сели поговорить, разузнать кое-что друг о друге. Оказалось, что Илья приехал в столицу из Серпухова; квартиру, в которую привел жену, снимает.

«А... где ты работаешь?» – поинтересовалась Варенька.

«Нанимаюсь в геологические экспедиции, то есть езжу в поле. Ну и... учусь заочно. Буду профессиональным геологом».

Варенька не смогла скрыть своего разочарования.

«Значит, вся жизнь – в разъездах?»

«Вроде того, – смущенно признался Илья. – Я не могу устроиться на постоянную работу, потому что у меня есть увлечение. Я альпинист, а горы требуют свободы».

«Мечтаешь об Эвересте?»

В ее голосе прозвучала неприкрытая ирония.

«Почему обязательно об Эвересте? Есть много других вершин...»

«А жить на что будем? На мою зарплату медицинской сестры? Какие у тебя планы?»

Илья Вересов задумался. До сих пор он не заботился о деньгах. Того,

что ему платили в геологических экспедициях, хватало и на квартплату, и на хобби. Альпинизм – не простой вид спорта, и ему нужно отдаваться целиком. Вернувшись со сборов, Илья планировал поездку с ребятами на Кавказ. Об этом он и сказал Вареньке.

«На Кавказ, значит... – задумчиво произнесла она. – Понятно. А как же я? Меня здесь бросишь или возьмешь с собой?»

«Ну...»

Илья не знал, что сказать. Действительно, как же Варя? Выходит, он о ней не подумал? Женитьба случилась сама собой, не вписавшись в планы Вересова. Теперь он неумело пытался увязать ее со своим образом жизни.

«Зачем же ты создал семью?» – со слезами в голосе спросила жена.

Илья не смог ответить.

«Я ничего не собирался менять, – растерянно сказал он. – Я не обещал тебе бросить альпинизм. Ты знала, кто я и чем занимаюсь».

Это был их первый, но далеко не последний семейный скандал. Варя плакала и требовала невозможного: чтобы он остепенился, перестал лазать по горам, устроился на хорошую работу и заботился о ней и ребенке.

«Каким ребенке? – удивился Вересов. – Я не собирался иметь детей. Во всяком случае в ближайшие годы».

Илья уехал на Кавказ, а Варенька сделала аборт. Как бы она справлялась одна с ребенком, без помощи, без средств?

Вересов вернулся через два месяца, заплатил за квартиру на полгода вперед, оставил ей немного денег и сразу же уехал с геологической партией в Карелию. Они едва успели переброситься парой слов.

После работы Варвара приходила в пустую квартиру и сквозь слезы смотрела на фотографии снежных вершин, которыми были увешаны стены гостиной. Что она нашла в этом Илье? Безответственный, холодный, равнодушный эгоист, вот он кто!

Так прошли пять невеселых лет. Иногда Илья и Варя встречались в общей московской съемной квартире, полные недоумения. Они все еще вместе? Потом Вересов снова уезжал. Однажды Варенька получила сообщение откуда-то с Алтая, что несколько альпинистов, в том числе и ее муж, погибли под сошедшей с гор лавиной. Она прислушалась к себе. Нет, плакать, горевать и рвать на себе волосы не хотелось. Кто такой Илья Вересов? Чужой для нее человек. Совсем чужой. У нее уже два года был любовник, врач-реаниматор из больницы, где она работала. Сколько можно сидеть ни женой, ни вдовой?

«Теперь я вдова? – спрашивала она себя, в очередной раз читая трагическое сообщение. – А тело? Его же похоронить надо».

Вместо гроба с телом явился сам «покойник», изрядно напугав мнимую вдову. У Варвары едва удар не случился, когда, вернувшись с работы, она застала на кухне обветренного, загорелого до черноты Вересова. Очнувшись от резкого запаха нашатыря, Варенька долго не могла прийти в себя. Только к утру она полностью уверилась, что перед ней не призрак усопшего, а сам Илья, живой и здоровый.

«Такое бывает, – успокаивал он жену. – Ошибка вышла. Горы – не Тверской бульвар, Варюха. Они и не такие сюрпризы преподносят».

«Будь ты проклят вместе со своими горами! – завопила она. – С меня хватит! Выбирай! Или твой дурацкий альпинизм, или я!»

«Конечно, альпинизм, – спокойно ответил Вересов. – Ты мне никто. Нас просто бес попутал тогда на сборах...»

«Ах ты скотина! Мерзавец! Ты у меня пять лет жизни украл, понимаешь ты это или нет? Сволочь! Я же... считала тебя мертвым. А если бы у меня инфаркт случился? Мог ты хотя бы заранее позвонить, предупредить?»

«Сделать звонок с того света? – захохотал Илья. – Извини, не подумался. Спешил домой. Надеялся, что ты обрадуешься».

«Напрасно...»

«Вижу. Не слепой. Так что делать будем? Разбежаться?»

«Мы уже давным-давно разбежались, Вересов. Только ты этого не заметил. По горам лазал, увлекся очень. Для тебя же камни эти проклятые важнее, чем люди. Вот и живи с ними!»

Илья налил себе немного водки в стакан, выпил. Предложил жене.

«Хочешь?»

Она всплеснула руками.

«Ты же не человек, Вересов. Ты... горный козел! Забирай свои вещи и вали отсюда!»

«Пожалуй, ты права... – без тени обиды согласился Илья. – Сейчас помоюсь, побреюсь, выплюсь и уйду. Ты не против?»

Варвара заплакала.

«Где ты жить будешь?»

«Пока остановлюсь у Саньки Аксельрода, он приглашал. Помнишь его?»

Она отрицательно мотнула головой.

«Он же приходил к нам. Потомственный скалолаз. У него и батя знаменитый горвосходитель был. Династия».

«Да пошли вы...»

Варенька вскочила и выбежала в ванную, включила душ. По лицу, не

останавливаясь, катились слезы.

«Боже, во что превратилась моя жизнь?» – пробормотала она.

Выключила воду, завернулась в полотенце и подошла к зеркалу. Оттуда на нее смотрело заплаканное, но милое и совсем еще молодое лицо.

«А ведь мне только двадцать пять! – подумала Варенька. – У меня все еще может сложиться. И судьба, и любовь. Вересов – просто ошибка, дань безрассудной юности. Но какой же он все-таки оказался скотиной!»

Она прошла в гостиную и увидела Илью: он так и заснул на диване, не раздеваясь. Его красивое лицо нервно подергивалось, с обветренных скул слезала кожа.

«Он одержимый, – вздохнула Варенька, накрывая его пледом. – Сумасшедший, как и все его друзья. У нас с ним разные дороги. Пусть уходит...»

К обеду Вересов проснулся и начал звонить по телефону своим приятелям. Разговоры велись об одном и том же: восхождениях, траверсах, ледниках, о том, кто погиб, кто вернулся, куда ехать в следующий раз.

Варвара медленно заводилась. Внутри нее росло раздражение, переходящее в ненависть. У этих идиотов нет больше ничего, кроме их идиотских гор! Сколько можно?!

«Звони своему Саньке, – едва сдерживая бешенство, сказала Вересова, нажимая на рычаг телефона. – Хватит болтать попусту».

«Варька, ты чего? – добродушно удивился Илья. – Дай поговорить с ребятами! Мы на Памир собираемся...»

«Ах, на Памир?! – взвилась она. – Чтоб вам пусто было! Звони Саньке, сказала! Немедленно!»

«Зачем?»

«Ты уходишь! Забыл уже? Будешь жить у него, а потом вместе на Памир махнете. Здорово, правда?»

«Чего ты взъелась? Куда торопиться-то?»

«Собирай манатки! – закричала Варвара, хватая разбросанные по комнате вещи и швыряя ими в мужа. – Убирайся к чертовой матери! И чтобы ноги твоей тут больше не было! Вон!»

Вересов спорить не стал. Вытащил сумку, начал складывать вещи.

«Нервная ты стала, – заметил он. – Отчего бы? Живешь в городе, работа спокойная. Риска нет, лавин нет, а такое впечатление, будто у тебя горная болезнь».

«Это еще что такое?»

«Высота, она по-разному на людей действует. Солнце опять же, сверкание снега... и люди вдруг как будто не в себе становятся. Вот как

ты».

«Так у меня, значит, горная болезнь? – взвилась Варенька. – Я, значит, ненормальная? Хорошо придумал, муженек. Лучше некуда! Собирайся быстрее, а то ударю чем-нибудь тяжелым по голове! Утюгом, например! И отвечать не буду! Горная болезнь, скажу! От любимого супруга заразилась!»

Илья посмотрел на нее и усмехнулся. Красивое лицо жены исказила гримаса ненависти ко всему, что было связано с ним, с его жизнью, интересами, с его любовью к горным вершинам. Она не простила ему своей ошибки.

«Ну, что? – он оглянулся по сторонам. – Все, кажется? Вот тебе телефон Аксельрода. Если я какую вещь забыл, позвони. Приду заберу».

Варенька рыдала, свернувшись калачиком в кресле. Что она оплакивала? Свою случайную любовь, разбитые надежды? Или просто окончание семейной жизни, которая, в сущности, у нее и не начиналась? Может, это действительно к лучшему?

Ее больно ранило равнодушное спокойствие Вересова. Для него в их разлуке не было трагизма. А для нее? Господи, до чего же она запуталась в себе, в своих мыслях и желаниях...

Хлопнула входная дверь. Варенька вздрогнула.

«Илья ушел, – горько подумала она. – На этот раз навсегда. Он не вернется».

Кончался февраль, заметая Москву прощальными вьюгами. Скоро, совсем скоро весна...

* * *

Ангелине снова не удалось выспаться. Что за напасть такая? То Самойленко трезвонит в шесть утра, то Маша Ревина бормочет спросонья всякие ужасы. Неужели нельзя подождать пару часиков? Как легко люди забывают приличия, если их что-то беспокоит!

– Геля! – трагическим голосом взывала в трубку Машенька. – Данила ходит к тебе на сеансы?

– Ходит.

– Ну?

– Что «ну»?

– Как он? Улучшения есть?

– Пока не заметно. А в чем дело? Что-то случилось?

Машенька громко захлюпала в трубку.

– Да-а... случилось. Он фирму разоряет. Берет деньги со счета и неизвестно куда деваает. Представляешь?

– Смутно. Я не специалист по финансам.

– Зато ты специалист в психиатрии! – возразила подруга, всхлипывая и шмыгая носом. – Как ты думаешь, можно его отстранить от дел? Сослаться на невменяемость, например. Объявить недееспособным?

Закревская опешила. Такой прыти она от Машеньки не ожидала.

– Ты хочешь объявить Ревина недееспособным?

– Что-то вроде этого. Можно?

Ангелина Львовна помолчала, сдерживая готовое прорваться возмущение.

– Думаю, это будет не так просто...

– Почему? Ты же сама видишь, у него патологические отклонения в психике.

– Я бы сказала, у Ревина наблюдаются некоторые странности. Только и всего. Практически все люди в той или иной мере странные. Это не повод для принятия крутых мер. Ни один толковый врач не признает Ревина невменяемым. Он вполне адекватен, спокоен, рассудителен. Что тебе взбрело в голову?

– Боже мой! Ты считаешь Данилу нормальным?

– Вполне...

– Куда же в таком случае он деньги деваает?

– Это уж не в моей компетенции, – усмехнулась Закревская. – С финансами и бизнесом вы сами разбирайтесь.

– Но ты можешь хотя бы попытаться выяснить, что происходит? Зачем ему столько денег? Возможно, Ревина шантажируют.

– Я попробую, – нехотя согласилась Ангелина. – Только... ничего обещать не могу.

– Ой, Геля! Ты наше спасение! – завопила Машенька. – Постарайся! Мы в долгу не останемся.

– Кто это «мы»?

– «Мы»? – растерялась Машенька. – Ну... люди, сотрудники. И я, конечно.

– Понятно. Маша, у тебя часы далеко? Будь любезна, посмотри, который час.

На том конце связи повисло молчание.

– Геля, прости, – виновато забормотала подруга. – Ну прости! Честное

слово, я с этой нервотрепкой ночь и день перепутала. Я тебя разбудила?

– Похоже на то...

– Прости! Я думала, уже день. У меня тут жалюзи опущены, шторы задернуты... черт его разберет, утро или вечер.

– Ничего себе!

– Да... я в спальне заперлась, обдумываю ситуацию. Сутки уже сижу, курю, счет времени потеряла. Прости, ради бога.

После разговора с женой Ревина Ангелине стало уже не до сна.

– Утро все равно испорчено, – сказала она себе.

И пошла на кухню варить кофе. Взбалмошная Машенька своими подозрениями вызвала у нее смутную тревогу. Что-то в этой истории с Ревиным в самом деле выглядит... необычно.

Закревская выпила две чашки кофе, предаваясь мрачным мыслям, и набрала номер Марата. Он ответил сразу.

– Ты как будто ждал моего звонка!

– Я всегда жду, ты же знаешь.

– Ловелас! На меня твои штучки не действуют. Так что давай, включай внимание. У меня серьезный разговор.

– Правда? – продолжал дурачиться Марат. – Ты предлагаешь мне руку и сердце?

– Тьфу на тебя!

– О-о-о! Как жестоко! Бессердечно! Лина, как ты можешь...

Ангелина Львовна терпеливо переждала его излияния. Когда он замолчал, она сказала:

– Я хочу поговорить с тобой. Сегодня можно?

– Для тебя – в любое время суток.

– Тогда в десять утра в моем офисе. У тебя получится?

Марат заглянул в свой ежедневник.

– Получится. Заехать за тобой?

– Не надо. Я на метро.

Она не спеша начала собираться. Пока она вымоет голову и уложит волосы, пока оденется, пока доедет... как раз и господин Кали тин пожалует.

Так и получилось. Едва она успела раздеться и прислониться к горячей печке, как в холл ввалился засыпанный снегом Марат.

– «Зима недаром злится, прошла ее пора!» – с пафосом процитировал он. – Не успел выйти из машины, превратился в снеговика. Вы позволите?

Он отряхнул куртку и повесил ее рядом с печкой. Самойленко сидел в кресле, курил.

– Здравствуйте, Марат Анатольевич. Давненько не виделись. Какими судьбами к нам?

– Да вот, ехал мимо... дай, думаю, зайду. Соскучился.

– Ну-ну...

Самойленко сделал большие глаза.

– Идем ко мне, – предложила Ангелина. – А то Олег надымил тут...

– Да ла-а-адно, «надымил»! Скажите прямо, что хотите посекретничать. Разве я не пойму?

– Понимающий ты наш, – усмехнулась Закревская. – Хватит курить. Скоро твои пациенты придут кодироваться. А тут хоть топор вешай...

Марат последовал за ней в кабинет, плотно прикрыл за собой дверь.

– Ну-с, сударыня, я весь к вашим услугам.

– Это хорошо... Садись, устраивайся поудобнее. Разговор у нас с тобой будет долгий.

– О чем?

– Помнишь, ты мне говорил, что с детства увлекался историей американских индейцев?

Калитин удивленно поднял брови.

– Помню... и что?

– Можешь рассказать о них подробнее?

– Об индейцах? – еще больше изумился Марат. – Надеюсь, ты шутишь?

Она покачала головой.

– Ты хочешь мне помочь, Калитин?

– Ну... – он развел руками. – В общем, да. Только при чем индейцы?

– Самане знаю. Просто рассказывай... а я буду задавать вопросы по ходу.

Марат кашлянул.

– Ты оригинальная женщина, Лина. Н-да... – он потер затылок. – Индейцы, значит. Что ж, поехали. Начнем с того, что... будучи маленьким мальчиком, Марат Калитин – то бишь твой покорный слуга – прочитал книжку «Дочь Монтесумы», которая произвела на него неизгладимое впечатление. Я просто бредил ею. Представляешь?

– Вполне. И что же?

– Как что? До этого я вообще никаких книг не читал. Бабушка с ног сбилась, пытаясь привить мне любовь к чтению. Я же предпочитал улицу, драки и игры типа «казаков-разбойников». А эта книга... она меня захватила. Во мне произошел полный внутренний переворот. Я стал разыскивать и читать об ацтеках, инках и майя все подряд, что мог добыть.

Я научил уличных мальчишек делать головные уборы из перьев, и мы переловили на нашей улице всех голубей. Я увлек товарищей своих детских игр легендами о рисунках и подземельях пустыни Наска, о святилищах Теночтитлана^[9] и великой империи инков. Я мечтал стать историком, чтобы посвятить себя этой исчезнувшей культуре, расцвет которой покрыт тайной, а закат трагичен и необъясним...

– Ты мечтал стать историком? – удивилась Ангелина Львовна. – Первый раз слышу.

Он пожал плечами.

– Я и сам забыл. Дело прошлое... Пришлось заняться другими вещами. Наверное, история не для меня. Сидеть в архивах, дышать пылью, годами расшифровывать разные закорючки... бр-р-р! Я рос слишком живым, слишком подвижным, слишком любознательным. Выбрал карьеру, близкую к военной, и не пожалел об этом. Когда пришлось уйти с государственной службы, открыл сыскное агентство «Барс», ты знаешь. Мне нравилась моя работа. Но... – Калитин махнул рукой, – к индейцам это не имеет никакого отношения.

В данный момент Закревскую тоже гораздо больше интересовали индейцы, чем судьба сыскного агентства.

– Марат... а как выглядели их города?

– Великолепно. Воочию я их, как ты сама понимаешь, не видел. Но вот зато в воображении... О! Пирамиды Солнца, прекрасные храмы, арки, дворцы, площадки для игры в мяч... сады. Потрясающее зрелище.

– Сады?

– Что тебя так удивило?

– Да нет, ничего... Теперь я сама расскажу тебе сказку. Один мой пациент видел во сне некий храм Бога Солнца. В нем были золотые окна, двери, стены, крыша, потолки и культовые предметы. Но это еще не все. В центре храма находился огромный, несколько метров в диаметре диск из чистого золота, символизирующий Солнечное божество. Вокруг храма располагался «золотой двор» – где все было отлито из золота: деревья, растения и травы, олени, бабочки, пастухи... Причем все это выполнено в натуральную величину и двигалось! Что ты на это скажешь?

Марат помолчал, обдумывая ответ.

– Ты думаешь, пациент все придумал? – спросил он.

Закревская кивнула:

– Честно говоря, да.

– Напрасно! Он описал тебе Куско Кориканча, «золотой двор» правителя инков. Инки были невероятно богаты и так же невероятно

жестоки. Во время праздников с их золотых алтарей текли реки человеческой крови...

– А... как золотые фигуры двигались?

– При помощи искуснейших механизмов. Почему ты меня спрашиваешь?

Ангелина Львовна закрыла глаза и вздохнула:

– Он меня пугает.

– Кто?

– Этот пациент...

– Не вижу ничего страшного, если кто-то увлекается культурой инков.

Начитался, посмотрелся картинок, потом во сне увидел.

– Плавучие сады у индейцев были?

– Кажется, да.

– Хорошо. Ты сможешь мне еще рассказать об ацтеках, инках и майя?

– С удовольствием...

Глава 9

За окнами совсем стемнело. Морозная ночь опустилась на город. Луна ледяным блюдцем застыла на черной карте неба. В ее свете снег казался синим.

– Ну что, еще по одной?

– Давай...

Илья и Саня понимали друг друга с полуслова. Им не нужно было много говорить. На маленькой кухне горел соломенный светильник, пахло жареным мясом и солеными огурцами.

– Огурцы вкусные, – похвалил Вересов. – Теща делала?

– Не... Валька моя. Она насчет всяких солений и варений – мастерица на все руки. И не только. Светильник видишь?

Вересов поднял голову, посмотрел.

– Ну.

– Это она сплела. Из соломы. У нас таких штук полно – из бересты, из трав засушенных, из лозы. Типа икебана.

– Хобби, что ли, такое? – поинтересовался Илья.

Аксельрод засмеялся.

– Профессия у нее такая: фитодизайнер.

– Ух ты! Я и не выговорю. Кстати, а где она сама?

– В Одинцово уехала, к матери.

– Надолго?

Саня смешно наморщил лоб и сразу стал похож на себя юного. Точно так же он морщил лоб, когда его вызывали к доске, а он не знал урока.

– Не знаю. Заболела теща, одну ее оставлять нельзя.

– Чего ж к себе не заберете?

– Не хочет, – вздохнул Аксельрод. – Она к своему дому привыкла. Курочки у нее, собачка, кошечка. А у нас тут, сам видишь, четырнадцатый этаж. Вот Валентина и мотается. Ей каждый день приходится ездить из Одинцова в Москву, на работу.

– Ты извини, Саня, я никогда не спрашивал... вы с женой ссоритесь?

Аксельрод медленно налил в стаканы еще водки.

– Бывает. Но редко.

– Она не возмущается, что ты постоянно в разъездах, что горы для тебя важнее семьи?

– Кто, Валька? – Саня так заразительно хохотал, что Вересов тоже

невольно улыбнулся. – Да ты что, брат? Она только рада, когда меня дома нет. Валька же, кроме своего сена, никого и ничего не видит. Усядется какое-нибудь панно плести, и к ней не подходит. Знаешь, какие слова я слышу от нее чаще всего?

– Какие?

– «Не мешай!»

Теперь настала очередь хохотать Вересову.

– А я-то голову ломаю, какой ты секрет знаешь, что Валентина тебя до сих пор не выгнала? – отсмеявшись, сказал он.

– Выгнала! Скажешь тоже... Да она едва замечает, есть я рядом или нет!

– Значит, вы друг другу подходите. За это и выпьем?

Они выпили и снова налили.

– Я у тебя поживу недельку? – вскользь спросил Илья.

– Живи, сколько хочешь, братуха. Комнат у нас много, и все пустые.

Поместимся.

Валентина и Саша Аксельрод жили в огромной четырехкомнатной квартире с высоченными потолками. Раньше это были владения дедушки Аксельрода, доставшиеся в наследство внуку.

– А жена не будет против?

– Во-первых, она всю весну и лето проведет в Одинцове, – объяснил Саня. – Во-вторых, даже если ты ляжешь в постель вместо меня, она это обнаружит только утром. Если вообще обнаружит.

– Ты серьезно?

– Более чем, – улыбнулся друг. – А твоя семейная лодка, видать, пошла ко дну?

– Ага, – кивнул Илья. Он уже изрядно опьянел. – Дала течь и... ко дну! Аминь...

Аксельрод больше ни о чем расспрашивать не стал. Он не любил «лезть в душу».

– Какие у тебя планы? – перевел он разговор на другую тему. – Не передумал Памир штурмовать?

– Не-а. Дней десять отдохну и начну собираться.

– Куда именно?

Вересов закрыл глаза и потер лоб. Ни с того ни с сего разболелась голова.

– Не решил пока... – неопределенно ответил он.

– Кого возьмешь с собой?

– Тебя и еще нескольких ребят.

– Я их знаю?
– Должен знать. Надежные парни... Пойдешь с нами?
– Эх, Илюха! Задел ты меня за живое, – вздохнул Аксельрод. – Я ведь на Памире только раз был. С тех пор он мне снится. Закрою глаза и вижу... по всему горизонту, от края до края в солнечном безмолвии громоздятся покрытые снегом хребты... А посередине, как граненый рубин, пылает пик Коммунизма... Я такой красоты в жизни больше не видел.

– Так ты пойдешь или нет?
– Хочу отказаться, но не могу, – усмехнулся Аксельрод. – Опыта у меня для Памира маловато. Да и снаряжение туда абы какое не подойдет.

– Снаряжение есть, – сказал Илья. – И отличные кошки, и закладные титановые крючья, и страховочные веревки, все есть. А опыт, сам знаешь, дело наживное. К тому же мы не покорять вершины едем. Будем тренироваться, отрабатывать навыки. Я двух новичков беру, на «обкатку».

– Тогда я точно еду! – решил Аксельрод.
– Ты Женьку Голдина помнишь? Его тоже взять надо. Я ему год назад обещал.

Саня откинулся на спинку стула и поднял глаза к потолку.
– Опоздал, братец. Жека раньше тебя на Памир сиганул.
– Как это? – опешил Илья. – Он ведь «сырой» совсем.
– «Сырой»! – передразнил друга Аксельрод. – Скажешь тоже... Жека теперь святым заделался. Штурмует вершины духа.

– Чего?
Вересову показалось, что он ослышался. Женька Голдин, хулиган и забияка, которого то и дело приходилось выкупать и вызволять из ментовки, – святой?

– Он того! – покрутил пальцем у виска Аксельрод. – Сбрэндил парень. Короче, хана Жеке. Я его маму недавно на Петровско-Разумовском рынке встретил. Плачет, опухла вся. Совсем, говорит, мой сыночек Женя ума лишился. И так мозгов было не много, а теперь, значит, последние отшибло. Попал Женя в страшную секту...

– Что еще за секта?
– Она не знает. Приехал, говорит, какой-то Женин кореш, с которым они вместе в армии служили, и... все. Задурил парню голову всякой белибердой. Просветление, нирвана, высшие силы, летающие тарелки... В общем, клюнул наш Женя. Поехал с этим корешем.

– Куда? Зачем?
– На Памир. Контакттировать с представителями Высшего Разума.
– Не хило...

– Вот и я говорю.

– А что, эти... представители, встречу ему назначили или как?

– Черт их разберет! – пожал плечами Аксельрод. – Мамаша Жекина говорит, будто бы кореш рассказал, что на Памире объявился некий гуру. Он-де разные фокусы показывает и вступает в контакт с инопланетянами. Но одному ему, видать, скучно в горах. Поэтому он решил сколотить компанию. Там у них целая община просветленных. Тусовка, значит. Живут в доме, а в горы ходят молиться. То есть... подожди-ка, у них это по-другому называется...

Саша задумался, пытаясь вспомнить нужное слово.

– Медитировать, что ли? – пришел ему на помощь Вересов.

– Во-во! Медитировать! Правильно. Там у них пещера в горах... как бы особенная. «Точка пересечения миров»... что-то такое. Там они медитируют и общаются.

– С кем? Аксельрод замялся.

– Точно не могу сказать. Короче, с кем-то общаются: то ли с инопланетянами, то ли со святыми, то ли с Высшим Разумом... Запутался, ей-богу! Мамаша Жекина мне столько наговорила... не хотела меня отпускать. Я потом домой прибежал, ног не чувствовал, так замерзли. Мороз был страшный.

– И Голдин клюнул на эти басни? – удивился Вересов.

– Так и я не поверил. Пришел домой и давай ему названивать. Думаю, может, его мамаша сбрендила, а не он? Знаешь, с пожилыми людьми такое случается. Маразм и прочее...

– Ну?

– Никто трубку не брал.

– А Лилька его где?

– В этом все и дело. Я потом друзьям его стал звонить... разузнавать, что к чему. Оказывается, Лилька его бросила, сбежала с каким-то иностранцем в Марокко. У парня, вестимо, глубочайшая депрессия. Тут, как назло, этот кореш и подвернулся. Все одно к одному.

– Да-а...

Вересов даже забыл про свою Варвару, так его поразил Санин рассказ. Что с людьми творится?

– Надо Женьку выручать, – решительно сказал он. – Я друзей в беде бросать не привык.

– Что мы можем сделать-то?

Саня налил в стаканы еще водки. Выпили, но это совершенно не помогло. Хмель у обоих как рукой сняло.

- Где, ты говоришь, их община? – спросил Илья, заедая водку огурцом.
- На Памире...
- А точнее?

Они позвонили матери Голдина и выяснили, что гуру со своими подопечными обитает где-то в районе Язгулемского хребта.

– Надо ехать. На месте разберемся, – решил Вересов. – В горах народу мало, там каждый новый человек вызывает пристальное внимание. Тем более целая община. Найдем!

- То есть, как «найдем»?
- Мы же едем тренироваться. Чем Язгулемский хребет хуже других?
- А-а... Ну ты, Илюха, голова! Молодец!

Они улеглись спать далеко за полночь. Обоим снились горы – скальные гребни, ледовые склоны, бездонные трещины и клубящиеся над вершинами пепельные облака...

* * *

Ангелина Львовна любила одиночество. Ее не мучили комплексы по этому поводу. Напротив, она сознательно избегала не только мужского общества, но и общества своих подруг. Пустая болтовня была ей скучна, а мужское ухаживание раздражало. Она с удовольствием зарывалась в книги, погружалась в свои размышления. Ее занимали особенности человеческой психики. «Психо», по-гречески, означает душа. А традиционная медицина упорно эту душу игнорирует.

– Нельзя понять дерево, отрицая, что у него есть корни, – любила повторять доктор Закревская. – Нельзя понять человека, отрицая душу.

С годами она убедилась, что самые главные тайны на земле начинаются с человека. Именно в его сознании и подсознании можно найти ответы на все вопросы. Естественные науки, не учитывающие этого фактора, постепенно превращаются в набор фиксированных идей. Истина скрыта за таким толстым слоем ходячих заблуждений, что многие отчаялись...

Этими мыслями Ангелина иногда делилась с доктором Самойленко. Но тот слишком уклонялся в эзотерические изыски, далеко уводящие его в мир фантазий ума.

«Олег, – теряла терпение Закревская. – Ты слишком перегружен информацией. Ты похож на синтезатор, который вместо живой музыки

выдает ее суррогат».

На что Самойленко обижался и полдня не разговаривал. На большее его не хватало. Он считал Закревскую закостенелой материалисткой, а она его – безнадежным фантазером. Самое смешное, что они оба ошибались.

Общаясь с Самойленко, Ангелина смирилась с его витиеватой манерой мыслить. Горячие споры сменились взаимным подтруниванием. А в общем, они прекрасно ладили.

– Ангелина! – время от времени взывал Самойленко. – На что ты тратишь свою жизнь? Посмотри вокруг. На тебя еще обращают внимание мужчины. Но это скоро пройдет. И тогда...

– Ой, как страшно! – отмахивалась Закревская. – Теперь я ночь спать не буду.

Молодость ее прошла за книгами и научными трудами, о чем она нисколько не жалела. Она занималась любимым делом, и ее работа совпадала с ее интересом.

– У тебя были романы? – однажды полюбопытствовал Самойленко.

– Если их можно так назвать... – скривилась Ангелина Львовна. – Были, да. За мной пытался ухаживать мой научный руководитель, профессор Тишко. Это ужасно! Представь себе семидесятилетнего старика, трясущегося и пускающего слюни при виде молодого тела. Ничего более отвратительного я в жизни не видела.

– Мужчина в семьдесят еще далеко не старик, – возражал Олег, потирая бородку.

– Смотря какой. Профессор был лысый, тщедушный и весь в морщинах. К тому же он потерял ногу на войне.

– Да-а... с таким женихом не покайфуешь.

– Собственно, дело даже не в возрасте, – вздыхала она. – Был и молодой. Но такой зануда... избави Боже!

– Неужели зануднее тебя?

– Я сейчас вылью чай прямо тебе на голову, – пригрозила Закревская.

Самойленко сразу замолчал. Он знал: она вполне способна сделать то, что говорит.

Марат Калитин появился в ее жизни как пациент, и ничто не предвещало иного развития событий. Он сравнительно быстро справился со своим комплексом вины по отношению к погибшему товарищу.

Обычная служебная история. Марат с товарищем выполняли задание: из машины наблюдали за неким домом. Слежка длилась уже неделю без всяких изменений, и это расхолаживало. Товарищ захотел в туалет, вышел и не вернулся. Через два часа Марат нашел его мертвым в одном из

заброшенных полуподвальных помещений.

Он не мог простить себе, что не отправился на поиски сразу же, как только почувствовал неладное. С другой стороны, Калитин не имел права покидать пост наблюдения, что бы ни случилось. Долг по отношению к государству столкнулся с долгом по отношению к товарищу, с которым многое связывало: совместная служба, приятельские отношения и простая человеческая симпатия.

«Если бы я спохватился раньше... – казнил себя Марат. – Если бы я подстраховал...» Бесполезные, запоздалые сожаления ужасно его измучили. И только сеансы доктора Закревской помогли выплеснуть, пережить и исчерпать эту боль.

Калитин не сразу осознал, что Ангелина Львовна занимает его как женщина. Он был ей благодарен, признателен, только и всего. Но, перестав посещать ее кабинет, он затосковал. С тех пор их отношения постепенно перешли в некую неопределенную стадию взаимной тяги и продолжали развиваться. Никто из них не отдавал себе отчета, что их влечет друг к другу. О любви ни Марат, ни Ангелина Львовна не помышляли. Эта интимная, высшая сфера взаимности ассоциировалась у обоих с совершенно иными вещами. Итак, они вступили на зыбкий, туманный путь... и шли по нему наугад.

После беседы с Закревской о «золотом городе» и «плавучих садах» Марат почувствовал себя странно. Он решил позвонить ей, несмотря на позднее время.

– Алло, Лина, – сказал он, ощущая внутреннее тепло от одних только звуков ее голоса. – Я тебя не разбудил?

– Ты же знаешь, я раньше двенадцати не ложусь...

– Можешь ответить на один вопрос?

– Попробую.

– Почему тебя вдруг заинтересовали американские индейцы?

– Я, кажется, объясняла... ну ладно. Захотелось иметь больше реальности о том, что рассказывают мои пациенты.

– Помнишь наш разговор о «золотом городе»?

– Конечно, помню. Ты мне очень помог. Теперь я по крайней мере знаю, в каком направлении думать.

– Зато я потерял ориентиры...

Ангелина Львовна промолчала. Она ждала продолжения.

– Чего молчишь? – напряженно спросил Калитин.

– Жду, чтобы ты выразился яснее. На тебя произвела впечатление тема?

– В общем, да. И это сбивает меня с толку. Похоже, я впадаю в детство. Есть у вас в психотерапии такой диагноз?

– Не важно. Опиши симптомы, – усмехнулась она.

– Понимаешь, на меня нахлынули воспоминания. Я перечитал массу литературы об инках, но это было давно. Много лет я вообще не думал о них. А теперь... мое воображение переполняют видения... то есть я не знаю... разворачиваются целые картины незнакомой мне жизни. Наверное, так писатели создают свои книги.

– Тебя беспокоят картины из жизни инков?

– Я бы даже не назвал это картинами. Просто передо мной открылось что-то невероятное...

– Ты чрезмерно впечатлителен, Марат.

– Не говори ерунду. Я настолько заикнулся на этом, что пару раз чудом не проехал на красный... хоть за руль не садись.

– Хорошо. Есть один верный способ освободить свое внимание.

– Какой?

– Просто записывай все мысли, которые тебя одолевают. Переноси свои видения на бумагу. Потом дашь записи мне. Вместе мы разберемся, что на тебя так повлияло.

– Просто садиться и писать? Думаешь, поможет?

– Видишь ли, когда ты описываешь воображаемые картины, они переходят в иную плоскость. Грубо говоря, из твоего внутреннего мира перемещаются в мир внешний, тот, что существует наяву. Таким образом...

– Я понял, – перебил ее Марат. – Спасибо. Пойду писать.

Она засмеялась.

– Ты еще Хаггарда переплюнешь.

Генри Райдер Хаггард был английским писателем, автором романа «Дочь Монтесумы».

– Издеваешься? – рассердился Марат. – Учти, тебе придется быть первым читателем и критиком моих сочинений. Вернее, видений. Или нет... Тьфу, запутался! Ладно, благодарю за совет. Пока...

– Пока.

Ангелина Львовна положила трубку и совершенно некстати вспомнила происшествие на работе. Утром какие-то хулиганы разбили окно в ее кабинете. Стекло рассыпалось полностью, и с улицы ворвался ледяной ветер со снегом. Через минуту вбежал Самойленко с паническим выражением лица.

«Что за шум?»

Увидев разбитое окно, он подпрыгнул от возмущения и завопил:

«Немедленно вызывай полицию! Эти подонки совсем распоясались! Посреди бела дня кидают камни в окна. Безобразие!»

«Успокойся, – вставая из-за стола и стряхивая мелкие осколки, сказала Закревская. – По-моему, стекольщик будет более полезен».

«Ты что, собираешься оставить это безнаказанным?»

«Послушай, в городе чуть ли не каждый день случаются убийства. Неужели полиция будет искать хулиганов, кидающихся камнями в окна?»

«Смотря в чьи окна», – запальчиво возразил Самойленко.

«Ах, ну конечно! Окна великих психотерапевтов всех времен и народов обладают особым статусом! – засмеялась Ангелина Львовна. – Давай-ка, звони стекольщику. Нечего зря время терять».

Стекольщик оказался чрезвычайно занятым человеком и обещал прийти только к вечеру.

«Олег, – не терпящим возражения тоном заявила Закревская. – Тебе придется уступить мне свой кабинет на пару часов. Сейчас придет Ревин, его сеанс я отменить не могу...»

«Слушаю и повинуюсь, – поклонился Самойленко. – Отказать даме? Ни за что! Ладно, пользуйся. У меня как раз два свободных часа в запасе».

Он проводил Ангелину Львовну в свой кабинет, и вовремя. Буквально через минуту у офиса затормозил черный «джип» Ревина.

«Почему мы здесь?» – нервно поинтересовался бизнесмен, оглядывая новое помещение.

«По техническим причинам. Кто-то разбил окно», – объяснила Закревская.

Сеанс с Даниилом Петровичем получился сумбурным. «Магический» шар, который Самойленко водрузил на самое видное место, постоянно отвлекал Ревина. Ангелина Львовна и сама невольно стала бросать на него взгляды. Она готова была поклясться, что с появлением Ревина шар медленно наполнился изнутри золотым светом.

«Это игра солнечных лучей», – сказала она себе.

С уходом Ревина шар потух. Но и небо за окном подернулось тучами. Закревская взяла шар в руки и долго его рассматривала. Ничего особенного. Обыкновенный круглый прозрачный предмет...

Глава 10

Памир

В начале марта съемочная группа наконец добралась до Язгулемского хребта.

Остановились в маленьком горном селении, поблизости от строящегося туннеля. Впрочем, «поблизости» – громко сказано. До туннеля надо было добираться около часа. Метростроевцы, работающие в туннеле, жили в специальных вагончиках. Киношников встретили без энтузиазма, скорее даже с воинственным неприятием. Будут путаться под ногами, мешать. А прокладка туннеля сквозь гору – работенка не шуточная.

Режиссер Бахмет несколько раз встречался с начальником строительства, инженером Паршиным, о чем-то подолгу разговаривал с ним. Видимо, убеждал в необходимости сотрудничества.

– У меня техника безопасности! – кричал Паршин. – Я не хочу садиться в тюрьму из-за ваших людей. Это гора, а не танцплощадка. Какой-нибудь обвал породы, и всем крышка...

Режиссер обещал осторожность и тщательную подготовку к съемкам. Паршин не сдавался. Наконец долгожданное разрешение было получено.

– Бахмет заплатил Паршину кругленькую сумму, – шептала Глафира на ухо Ларисе. – Иначе тот нипочем не позволил бы. Сердитый мужик... зверь.

– Правда? – делала большие глаза Мельникова.

– А то! Гаврилов еще в Москве приказал Бахмету не жадничать и специально выделил деньги на «подмазку». Так и сказал: «Делай что хочешь, но эпизодыними!» Вот.

– Неужели нельзя как-то проще? – удивлялась Лариса. – Декорации использовать, например. Или эту... компьютерную графику. Сейчас многие так делают.

– Ты что? У Бахмета знаешь, какой девиз? Достоверность, достоверность и еще раз достоверность. Если в фильме должен быть Памир – значит, настоящий Памир. Если туннель – значит, настоящий туннель. И никакой халтуры!

– Вашему Таврилову, видать, деньги девать некуда...

Администраторша кивала головой, соглашалась.

– Где он их только берет? – вздохнула она. – Живут же люди! Роскошно, с шиком.

Лариса привыкала к жизни в горном кишлаке. Она ходила к арыку по воду, жарила и тушила баранину с картофелем, заваривала кок-чай. Хозяйка-таджичка учила ее печь лепешки, знаками показывая, как месить и раскатывать тесто, когда вынимать из печи.

– У тебя здорово получается, Мельникова, – дула на горячую лепешку Глафира. – Вкуснотища!

Жизнь шла своим чередом. Актеры репетировали какие-то свои сцены, операторы возились с техникой, Бахмет недовольно ворчал, каскадеры изучали окрестности, подбирая удобные места для трюков.

– У нас появились соседи, – сказал однажды за ужином Борис.

– Кто такие? – вскинулся режиссер. – Неужто конкуренты? Тоже кино снимают?

– Вроде нет. Разве что любительское. Я у них видеокамеру видел. Скорее всего, это альпинисты. Они разбили лагерь недалеко от того скального гребня, где мы собираемся снимать завтрашний эпизод.

– Ты уверен, что это альпинисты? – недовольно спросил Бахмет.

– Нет, конечно. Надо будет сходить к ним, познакомиться, поговорить.

– Сколько их?

– Пятеро. Все молодые, симпатичные ребята.

– Настоящие альпинисты? – восторженно воскликнула Лариса. – Вот здорово! А можно будет посмотреть, как они на гору полезут?

Никто не ответил. Только Глафира незаметно наступила ей на ногу.

– Любопытной Варваре нос оторвали! – в сердцах сказала она помощнице, когда все разошлись. – Давай посуду мыть.

– Ладно... – смутилась Лариса. – А что я сказала-то?

– Говорить будешь, когда тебя спросят. Видела, как Бахмет рассердился?

– Да он всегда сердится...

– Все равно, не твоего ума дело!

– Почему это?

– Нет, вы посмотрите на нее! – возмутилась администраторша, со стуком складывая чистые тарелки. – Сказано тебе, не лезь, куда не следует! Хуже будет.

Мельникова замолчала в недоумении. Что такого, если она познакомится с альпинистами? Кому от этого может быть хуже?

На следующий день Борис сходил к ребятам в лагерь. Они действительно оказались альпинистами.

– Долго они здесь пробудут? – спросил Бахмет. – Надеюсь, у нас не прибавится хлопот?

– Какие хлопоты? – удивился каскадер. – Ребята они спокойные, приехали на месяц, тренироваться.

– Торчать на площадке, глазеть на съемки не будут?

– Нет. У них тут еще дело есть. Они товарища разыскивают.

– Среди метростроевцев, что ли?

– Не похоже, – покачал головой Борис. – Меня расспрашивали, не видел ли я чего, не слышал ли?

– Выходит, их товарищ в горах потерялся?

Режиссер вдруг сильно разволновался, вытащил из кармана трубку и закурил.

– Говорят, здесь недалеко община какая-то есть...

– О, черт! – Бахмет слишком сильно затянулся и закашлялся. – Этого еще не хватало! Какая община? Ты решил меня с ума свести?

– Да я– то тут при чем? – развел руками Борис.

– Что за община, спрашиваю?

– Какие-то чудики, – хихикнул каскадер. – Типа святые отшельники. Они тут общаются с Высшим Разумом.

Лариса засмеялась, а Бахмет бросил на нее недобрый, колючий взгляд.

– Возьми ребят и побродите вокруг, – велел он Борису. – Посмотрите, где эта община, чем занимается. И что там за люди. Пропавшего парня как зовут?

– Евгений Голдин, кажется.

У Бахмета испортилось и без того дурное настроение. Он на всех ворчал, всем делал замечания и выговоры.

– Ему сейчас лучше на глаза не попадаться, – посоветовала Глафира.

Они с Ларисой готовили в доме костюмы и инвентарь для завтрашних съемок.

– Мы завтра к туннелю пойдем? – поинтересовалась Мельникова.

– Если возьмут.

– Куда они денутся? Кто им все подавать будет? А кормить? До туннеля почти час пилить на автобусе. Вы мне скажите, Глафира, почему мы ближе не поселились?

Лариса не понимала, зачем сотрудники киностудии сами себе создают трудности? До самого туннеля ведет автомобильная трасса. Собственно, его и прокладывают для того, чтобы не объезжать гору, а сократить расстояние. Разве нельзя было поселиться рядом со строительством, отснять все, что положено, и дело с концом?

– Не лезь ко мне со своими вопросами, – огрызнулась администраторша. – Больно ты любопытная, Мельникова. Тебе больше всех надо, да?

– А мне кажется, вы сами не знаете, почему в вашем «Дебюте» царит такая неразбериха.

– Ну, допустим. И что?

– Странно все это. Руководителя вам толкового не хватает. Складывается впечатление, что куча денег выбрасывается на ветер, и всем плевать.

– Тебе зарплату платят, Мельникова? – сердито сказала Глафира. – Вот и молчи. Нам думать не положено. Что скажут, то мы и делаем. Разве плохо? Будешь много думать, голова распухнет.

С этим Лариса не могла не согласиться. Действительно, чего она возмущается? Деньги платят исправно, а за организацию съемок отвечает Бахмет.

Они с Глафирой долго возились, укладывая в ящики все необходимое, и легли позже всех. Администраторша сразу уснула, а Лариса все ворочалась и ворочалась. Вроде и притомилась за день, а сон не идет.

Она решила подышать свежим воздухом. Осторожно выбралась из-под одеяла, надела джурабы, валенки и выскользнула за дверь.

Над Памиром лежала ледяная черная ночь. Луна была скрыта туманной дымкой и давала тусклый голубоватый свет. Лариса стояла возле дома, ежась от холода, смотрела на небо. Звезды были еле видны. Ей показалось, что она слышит скрип снега. Кто-то бродит вокруг? Может, голуб-яван? Ей стало жутко. Хотелось броситься обратно, в дом, в тепло и безопасность, но ноги будто приросли к земле, налились тяжестью.

Далеко, там, где начинались горы, возникло неясное движение и сполохи. Эти сполохи создавали такую игру света, что казалось, в черном пространстве появилась огромная, колышущаяся фигура. Она медленно раскачивалась, гигантской «тенью» скользила вдоль склона горы...

Лариса закричала – громко, отчаянно. Но из горла вырывались лишь глухие хрипы. Жуткий, невыносимый страх заставил ее рвануться назад, к двери в дом... Все померкло. Как она попала внутрь дома, как опустилась на пол и потеряла сознание, Мельникова уже не помнила.

Ее обнаружила Глафира, которая почувствовала неладное, встала и, сделав несколько шагов, наткнулась на лежащую помощницу. Голос администраторши оказался почище иерихонской трубы. Она так истошно завопила, что в секунду подняла всех, даже Бориса, которого из пушки не разбудишь.

– Что случилось? – кричал Бахмет, создавая еще большую панику. – Где фонарь?

Электричество в кишлаке давали с перебоями, а из-за переполоха не сразу удалось сообразить, где фонари и свечи. Наконец, зажгли свет и увидели распростертую на полу без памяти Ларису. В группе был врач, который быстро привел пострадавшую в чувство.

– Что с вами? – опустившись возле Ларисы на корточки, спросил Бахмет. – Вам стало плохо?

– Оставьте ее в покое, – сказал врач. – Сейчас она все равно не в состоянии говорить. Утром расспросите.

Борис с доктором подняли Ларису и положили на деревянную кровать, где она спала.

– Может быть, у нее горная болезнь? – приставал режиссер к врачу.

– Здесь не так уж и высоко, – ответил тот. – Впрочем, каждый организм реагирует на высоту по-своему.

– Так что с ней все-таки?

– Ничего не знаю. Утром, все утром. Разойдитесь, пожалуйста.

До утра многие не спали, шепотом обсуждая ночное происшествие. После завтрака доктор решил поговорить с Мельниковой. Она смутно помнила, что случилось.

– Наверное, мне стало душно, и я... хотела выйти во двор. Потом... испугалась.

После подробных расспросов выяснилось, что у Ларисы был приступ горной болезни.

– Слабость, нервное расстройство, галлюцинации, – сказал врач Бахмету и Глафире. – Похоже, Мельникова пострадала из-за слишком резкого подъема в горы. У нее хрупкий организм. К счастью, это поправимо...

Записки Марата Калитина

Запутанный, невероятно сложный и длинный путь привел меня к ним. Я начал его давно. Мне нужна была их тайна, но они не собирались раскрывать ее никому. Они так тщательно охраняли ее, что тайны как будто не существовало.

Несуществование – вот какой они изобрели способ

сохранить свою тайну.

Наблюдая за ними, я не сразу сообразил, близки ли мои поиски к завершению или же я в очередной раз обманул. И только когда я увидел «обряд эльдорадо», интуиция подсказала мне, что тайна почти у меня в руках.

Я затерялся среди них, стал таким же, как они. Но я не был одним из них, а они не подозревали об этом. Я напал на след. Я подошел так близко, что дыхание тайны опаляло меня...

Эльдорадо! Солнечный танец, пляска бессмертия! О, как сладостно было купаться в твоих лучах и знать, что развязка близка, что неисчислимые странствия мои подошли к своему пределу! Что скоро, очень скоро я смогу вернуться туда, где меня ждут! Вернуться победителем...

Глубокое темное озеро лежало на высоте, куда не долетали птицы...и небеса отражались в нем, как в огромном волшебном зеркале. Это озеро образовалось в кратере потухшего вулкана. Они говорили, что озеро соединяется с самим сердцем земли, и почитали его как живое существо.

В назначенный день, в назначенный час все племя проделывало долгий путь к покатым, похожим на чашу, берегам священного озера. Звуки ритуальной музыки, ее магические ритмы эхом отражались от окрестных скал, песнопения Жрецов достигали своей кульминации, и... все стихало. В неподвижной и какой-то сверхъестественной тишине вдруг раздавался «голос озера», – это был плеск от жертвенных даров, бросаемых неисчислимой толпой. Изумруды и золото сыпались в воду, подобно сверкающему дождю, исчезая в непроницаемых глубинах.

Затем жрецы медленно раздевали своего правителя, обмазывали его тело клейким раствором и принимались дюйм за дюймом покрывать кожу золотым песком, пока он не превращался в Эльдорадо, «золотого человека». И тут... я все понял. Я уже не смотрел, как правителя с почестями повели на пышно

украшенный плот и спустили тот на воду. Когда затих дождь из жертвенных даров, «золотой человек» прыгнул следом и вынырнул из глубины озера уже без покрывавшего его золота...

Грянувшие барабаны оглушили меня, вывели из задумчивости. Я ликовал. Этот обряд сказал мне больше, чем я мог надеяться...

Марат отложил ручку и перечитал написанное. Перенесенная на бумагу история, беспокоившая его целые сутки, померкла и как бы отодвинулась вдаль. Ему действительно стало легче.

«Откуда ко мне приходят эти мысли? – спрашивал он себя. – Что со мной? Какому наваждению я поддался?»

Он искал ответов и не находил их. Вспоминая свое детство, он не мог назвать источник нахлынувших на него видений. Да, он читал, как в 1521 году Эрнан Кортес поразительно легко разделался с великой империей ацтеков, а Франсиско Писарро двенадцатью годами позже – с империей инков в Перу. В 1536 году набожный Гонсало Хименес Кесада со своим отрядом за несколько месяцев покорил страну чибча.

Марат, затаив дыхание, представлял себе, как люди Кесады прорубались сквозь непроходимые джунгли с помощью мачете^[10] и переходили болота по пояс в воде, чудом спасаясь от ядовитых змей, аллигаторов и ягуаров, как... Да что говорить? Конкистадоры^[11] казались ему настоящими героями. Он даже не знал, кем больше восхищается, индейцами или их завоевателями. И те и другие будоражили его воображение, будили желание самому отправиться на поиски затерянных в лесных дебрях легендарных городов. Он бредил горными кручами Анд, несметными сокровищами, которые надо искать на востоке, где укрывается озеро Гуатавита...

Эльдорадо, заветная страна, в которую безуспешно стремились кладоискатели всего мира! Неуловимая, она маячила то за следующим горным хребтом, то за следующей рекой... Несмотря на неудачи, поиски Эльдорадо не прекращались. Предпринимались попытки осушить заветное озеро. Один богатый купец из Боготы нанял тысячи работников, чтобы прорыть ров в прибрежном холме и выпустить воду. Его затея почти удалась. Но когда вода хлынула из озера, были обнаружены всего несколько крупных изумрудов и золотых безделушек.

Другой искатель сокровищ пытался проделать в скале туннель для отвода воды, но своды туннеля рухнули и погребли под собой

«джентльменов удачи».

Последнюю попытку осушить озеро предприняли англичане, которые использовали гигантские насосы. Им удалось отвести почти всю воду, но жидкий ил на дне быстро засасывал каждого, кто осмеливался на него ступить. На следующий день ил затвердел как застывший цемент, и золотые предметы приходилось буквально вырубать из него...

Все это известно и имело мало общего с видениями, обрушившимися на Марата.

Богатства Эльдорадо до сих пор не дают покоя искателям приключений. Без устали пересекают они вдоль и поперек горные хребты, джунгли и саванну Южной Америки, но... тщетно. Эта тема послужила созданию не одного романа и кинофильма, не одной романтической и трагической истории.

«Выходит, Эльдорадо не какая-то там страна несметных богатств, а всего лишь диковинный ритуал индейского правителя, – подумал Марат. – Однако... откуда я все это знаю? И о какой тайне идет речь?»

Устав от бесполезных усилий объяснить самому себе, что происходит, он отправился к Закревской.

– Ты мне посоветовала записывать все, что приходит в голову, – заявил он. – Ты и расхлебывай.

И положил перед ней листок с записями.

– Что это такое, по-твоему?

Ангелина Львовна внимательно прочитала написанное и покачала головой.

– Может, в тебе просыпается талант писателя? – предположила она. – Творчество – самое загадочное свойство человека. Откуда берутся образы, сюжеты, события? Откуда снисходит вдохновение? Как устроено воображение? И почему у одних людей всего этого в избытке, а у других явно не хватает?

– Есть и третья категория, – добавил Марат. – Это те, у кого полностью отсутствует все, что ты перечислила. Я всегда относил себя именно к ним.

– Почему?

– Ну, посуди сама. В детстве я терпеть не мог ни читать, ни тем более писать. Меня влекли приключения, путешествия, игры на открытом воздухе. Я любил бегать, драться и испытывать себя на прочность. Какое творчество? Я ни разу в жизни не нарисовал ни одного стоящего рисунка, не резал по дереву, не выпиливал... Подобные занятия настолько мне чужды, что это поняла даже моя бабуля. И оставила меня в покое.

– Да, но...

– Как я люблю эти твои «да, но...»! С одной стороны – ты как бы соглашаешься, а с другой – собираешься возражать. Неплохая штука. Это психологи придумали?

– Не знаю. Я вообще-то хотела сказать другое. Творчество может быть непроявленным... То есть оно зреет внутри личности, оставаясь до поры не востребованным.

– До какой поры? Она развела руками.

– Я изучаю этот аспект психики...

– Давай будем говорить на простом языке, – вздохнул Марат. – А то я начинаю чувствовать себя участником научной конференции.

– Извини... Я думаю, ты недооцениваешь свои способности. Ты же сам рассказывал, как, будучи мальчиком, сумел заразить своими фантазиями друзей и приятелей. Игры – это тоже разновидность творчества. Тебя вдруг привлекла давно угасшая цивилизация южноамериканских индейцев. Почему именно она?

Марат молчал. Он уже не раз задавал себе этот вопрос.

– Может, потому, что мне попала в руки книга «Дочь Монтесумы»?

Закревская с сомнением смотрела на него.

– У вас в доме была библиотека?

– Да, – кивнул он. – И у родителей, и у бабули. Иметь библиотеку считалось престижным.

– Вот видишь? То есть книги тебе попадались разные, а прочитал ты именно эту. При всей твоей нелюбви к литературе.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что тема, изложенная в романе, совпала с твоим собственным скрытым интересом. И он проявился.

– Слишком сложно...

– А кто тебе говорил, что человек – это просто?

– Ой, Лина, Лина, ты меня совсем запутала... Калитин встал и принялся вышагивать по кабинету.

– Ладно, черт с ними, с видениями. Мало ли что иногда людям лезет в голову?

– Я бы не стала отмахиваться от того, что «лезет», – возразила Ангелина Львовна. – Но раз ты против...

– Да не против, не против! Хотя... почему-то я не люблю копаться в себе. Вдруг отыщу что-нибудь ужасное?

Закревская засмеялась.

– Боишься увидеть динозавров, обитающих в подсознании? Не так страшен черт.

Марат сделал еще пару кругов по кабинету, потом снова сел.

– Знаешь, что интересно? – неожиданно спросил он. – Откуда у инков и ацтеков было столько золота? И куда оно потом делось?

– Завоеватели разграбили, – предположила Ангелина Львовна. – Вывезли в Европу...

– Это понятно. Но тогда... должны были остаться места разработок, шахты, наконец. Что-то я не слышал, чтобы Мексика или Перу славились добычей золота.

– Мы с тобой не геологи.

– Тоже верно...

Глава 11

Памир

Илья Вересов решил перенести лагерь в другое место. Он облюбовал для этого небольшую ровную площадку, защищенную от ветра двумя отвесными скалами. Более опытные Аксельрод и Потапенко сразу оценили предложение Ильи. Новички же огорчились, но виду не показывали. Опять придется тащить снаряжение, рюкзаки и продукты, переустанавливать палатки!

– Гоша с Виталиком сердятся, – добродушно улыбаясь, сообщил Потапенко. – Считают, мы дурью маемся.

– Молодые еще... – отозвался Аксельрод. – Зеленые. Ничего, пусть закаляются. Памир их обкатает! Это не Крым, где маки цветут по скифским курганам.

– Зря ты так, – вмешался Илья. – И в Крыму есть где потренироваться. Там такие двухсотметровые стеночки стоят, гладкие, как монолит – любо-дорого смотреть. А уж подниматься какое удовольствие! Просто я по Памиру соскучился.

– Илья Григорьевич! – позвал его один из новичков. – Идите сюда!

Вересов отставил в сторону рюкзак, подошел к молодым.

– Смотрите, – взволнованно говорил Гоша Марков, показывая на несколько банок от сгущенного молока и тушенки. – Что это?

Банки были пусты. Кто-то грубо открыл их и выпотрошил содержимое. Или съел. Второе более вероятно.

– У нас есть голодные! – со смехом заключил Илья. – Ничего из ряда вон выходящего. Осталось только выяснить, кому не хватает еды, и готовить побольше.

На самом деле увиденное ему не понравилось. Вересов не первый раз ходил в горы, и подобное приключилось в его команде впервые.

Подошли Аксельрод и Потапенко, обескураженно уставились на пустые банки.

– Саня, – шутливо балагурил Илья. – Признавайся, когда ты умудрился умять молоко и тушенку? Ночью небось? Встал втихаря и...

– Да ты че? – обиделся Аксельрод. – На солнце перегрелся?

Вокруг злополучных банок топтался второй молодой спортсмен,

Виталик Саворский. Его веснушчатое лицо покрылось жарким румянцем.

– Ребята, а может, это медведь был? – робко предположил он. – Уже весна... Может, он проснулся? А? Кушать захотел...

– Ну да, – деловито поддержал его Потапенко. – Проснулся мишка, почувал, что живот свело от голода, и решил к нам в лагерь нагряться, сладеньким полакомиться. Ты даешь, Кострома!

Саворский был родом из Костромы, за что и получил свое прозвище. Парень он оказался покладистый и мирный. Правду сказать, Илья к себе в группу других не брал.

– А что? Разве не может такого быть? – растерялся Виталик.

– Во-первых, для мишки здесь высокогато, – заявил Аксельрод. – Во-вторых, медведь бы эти банки погрыз, помял, разбросал. Животное, оно порядка не понимает. А баночки-то рядком поставлены и гляди, как открыты, будто ножом консервным.

– Ага, – кивнул Гоша. – Только тупым.

– Следы! – воскликнул Потапенко. – Если это медведь, должны остаться следы. От другого зверя тоже.

– Какие следы? Мы тут все вверх дном перевернули, палатки таскаем, снаряжение... Все затоптано!

Вопреки сказанному, они дружно принялись искать следы.

– Следопыты из вас никакие, – подшучивал над новенькими Аксельрод. – Особенно ты, Кострома. Кто ж так ищет? Нагибаться надо пониже, каждую бороздку рассматривать...

– Ну да, – смущался Саворский. – Я вам не сторожевой пес Мухтар.

– Жалко...

Никаких следов, кроме человеческих, вокруг лагеря обнаружено не было. Впрочем, ничего другого Илья и не ожидал.

– Ладно, ребята, шутки шутками, но кто все-таки съел консервы?

Он обвел взглядом всех четверых. Никто не признался. За Сашу Аксельрода и Толю Потапенко Вересов мог поручиться головой. Новички тоже не производили впечатления бессовестных обжор и обманщиков.

– Хорошо, – после долгого молчания сказал Илья. – Будем считать инцидент исчерпанным.

Но сам он решил на досуге заняться разгадкой неприятного происшествия...

Обустроили новый лагерь, приготовили ужин. Горячая каша с мясом показалась райским лакомством. За едой травили обычные альпинистские байки.

– Анатолий, а правда, что вы поднимались на Пти-Дрю? –

перекладывая кружку с дымящимся чаем из руки в руку, спросил Виталик.

– Пти-Дрю – в переводе с французского Маленькая Птичка, – это вершина во Французских Альпах, – пояснил Илья.

– Ага, – охотно подтвердил Потапенко. – Меня пригласил совершить восхождение на Пти-Дрю французский альпинист Жан Картье. Мы с ним вместе штурмовали Ушбу. Так что я еще и член английского клуба.

– Шутите! – застенчиво улыбнулся Саворский.

В свете костра его веснушки резко выделялись на круглом лице, особенно на носу и щеках.

– Вовсе нет! Он действительно член английского клуба ушбистов, – сказал Илья.

– Кого?

– Ушбистов! Кавказская Ушба – сложная для восхождения вершина, вот англичане и учредили специальный клуб тех, кто на нее поднимался.

– А-а... здорово! – с завистью глядя на Потапенко, протянул Гоша. – Тогда я тоже хочу подняться на Ушбу.

– Значит, поднимешься. У вас, ребята, все вершины еще впереди.

К ночи резко похолодало. Небо заволокло тяжелыми, полными снега тучами. Дул пронизывающий ветер. Но расходиться по палаткам не хотелось.

– Красивые горы Альпы? – не унимался Саворский. – Лучше наших?

– Лучше, хуже... я бы так вопрос не ставил, – улыбнулся Толик. – Любые горы красивы по-своему. А Пти-Дрю – вершина особенная, с головокружительными отвесами, гладкими гранитными стенами, на которых играет солнце. Подъем на нее – дело не простое, а уж спуск...

– Бывает, что спуск гораздо тяжелее подъема, – поддержал приятеля Вересов.

Он чувствовал: атмосфера в лагере напряженная из-за утреннего конфуза с консервными банками.

– С сегодняшнего дня я назначаю дежурного по лагерю, – объявил Илья, допивая чай. – Этой ночью дежурит Потапенко.

– А что я должен делать? Бродить между двух палаток? – удивился Толик.

Какие обязанности у дежурного днем, хорошо известно: охранять имущество; связываться, в случае необходимости, по радиации с базовым лагерем; готовить еду и мыть посуду. А вот ночью...

– Просто будь настороже, – сказал Вересов. – Постарайся не уснуть и прислушиваться ко всему, что происходит. Вдруг нашему мишке понравилось угощение и он опять захочет подкрепиться? Если заметишь

что-то подозрительное, разбуди меня.

– Не говори ерунду, Илья. Какой мишка? Мы, кажется, об этом уже говорили.

– Значит, не мишка, – спокойно согласился Вересов.

– А кто?

– Любой другой, кому вздумается наведаться к нам в лагерь. Можешь взять мое ружье.

У новеньких так округлились глаза, что Вересов не выдержал и рассмеялся.

– Ты думаешь, здесь был чужой? – спросил Потапенко.

Предложение Ильи настолько поразило его, что он встал и начал рассказывать вокруг костра.

– Не знаю, – развел руками тот. – Но полностью исключить такой вариант не могу. Кто-то же съел консервы? Или выбросил содержимое.

– Ты еще скажи, что это голуб-яван! – пошутил Аксельрод.

Поскольку Илья оставил его шутку без внимания, Саня переключился на Потапенко:

– Везет же тебе, Толик! Если сфотографируешь голуб-явана, станешь знаменитостью. Может, даже международную премию получишь.

– Иди ты, – отмахнулся тот.

– Да ты не тушуйся. Я тебе свой фотоаппарат дам, – не унимался Саня. – Представляешь? Во всех газетах твой портрет и заголовки крупным шрифтом: «Он встретился с голуб-яваном!»

– Тьфу на тебя! – плюнул с досады Потапенко. – Сам фотографируй своего явана!

Новенькие только переглядывались. Они не понимали, о чем идет речь.

– Что это за голуб-яван такой? – спросил Гоша.

– Вот чудак! – захохотал Аксельрод. – Ты что, про голуб-явана не слышал?

– Не-е-ет...

– А еще альпинист называется. Ты не где-нибудь, а на Памире, парень! Голуб-яван – это «снежный человек». Усек?

– Усек...

– Ну вот. Именно о нем мы и говорим.

У Саворского чуть глаза не выскочили из орбит.

– Здесь водится «снежный человек»? – вне себя от волнения, спросил он. – Тот самый... про которого...

– Конечно, тот самый! Только никто его не видел. Зато всякие

загадочные происшествия случаются. Вот, например, как с нашими банками.

– Кончай хохмить, Саня, – рассердился Потапенко. – Чем, по-твоему, этот «снежный человек» открыл банки? Думаешь, у него есть консервный нож?

Но Аксельрода не так-то просто было сбить с толку.

– Как это чем? – удивился он такой непонятливости. – Когтями! Знаешь, какие у него когти? Как бритва. Кино про Фредди Крюгера смотрел?

– Ну?

– Вот примерно такие когти у «снежного человека». Только не железные, а это... костяные. Но крепкие. Если схватит, не вырвешься! Теперь понимаешь, почему тебе Вересов ружье предлагает?

– Хватит! – взревел Потапенко, угрожающе надвигаясь на Саню. – Что ты несешь?

– А че, ребята? – вмешался Кострома, разряжая обстановку. – Вдруг это правда «снежный человек»? И мы его сфотографируем? Это же мировая сенсация!

– Где же в таком случае следы? – внес в спор свою лепту Гоша. – «Снежный человек» оставляет после себя огромные следы. Я читал. Их ни с чем не спутаешь. И затоптать мы их не могли.

– Вот! – поднял вверх палец Вересов. – Где следы?

– Ну... – не сдавался Аксельрод. – Голуб-яван – существо таинственное, практически неизученное, мало ли...

– Нужно не выдумывать басни, – возмутился Илья, – а смотреть на вещи реально. Раз следов нет, значит...

– ...консервы сожрал кто-то из своих! – злорадно заключил Потапенко. – А теперь пытается все свалить на «снежного человека»!

Над лагерем раздался такой дружный хохот, что с горы полетели вниз мелкие камешки...

Москва

Из разговоров с Закревской Марат сделал вывод: он не один такой уникальный. Есть еще человек, у которого сходная проблема. Иначе с чего бы Лина заинтересовалась вдруг индейцами? Она никогда просто так, от нечего делать, не заводит речь о подобных вещах.

«Интересно, кого еще беспокоят видения давно забытого прошлого? – думал Калитин. – Надо бы познакомиться, поделиться впечатлениями. Глядишь, что-то и выяснится».

Но спрашивать об этом Ангелину он не стал. Вряд ли она скажет. Пациенты имеют право на конфиденциальность.

Как бы там ни было, Марат перестал волноваться. Он решил точно следовать советам Закревской, то есть записывать все, что приходит в голову, какой бы чепухой это ему ни казалось.

«Достоверность – не твоя забота, – твердила она. – Тебе следует просто излагать на бумаге все, не упуская ни одной детали. Чем подробнее, тем лучше. Причем сразу, как только на тебя «находит». Если ночью – не жди до утра, а вставай и пиши. Если на работе – уединись, отложи все дела и записывай».

«Прямо вот так? – удивился Калитин. – Все бросать и за перо?»

«Я не шучу», – рассердилась Ангелина.

«Ладно, я все понял...»

В планы Марата не входило портить Лине настроение. Наоборот, он старался быть для нее приятным, желанным собеседником. И не только.

Очередная картина возникла в его сознании неожиданно. Он стоял у стола, за которым Ирочка принимала заказы, разговаривал по телефону, и вдруг...

– Извините, я вам перезвоню, – поспешно буркнул Калитин и поспешно отправился к себе в кабинет.

«Что это с ним? – удивилась Ирочка, провожая его ревнивым взглядом. – Надо выяснить». Она поправила прическу и выпорхнула в коридор. Там было пусто. Дверь в кабинет Марата оказалась плотно закрытой. Вот незадача! Ирочка на всякий случай оглянулась – не подсматривает ли кто? – и прильнула ухом к щелке. В кабинете сто – яла тишина.

«Что он там делает? – гадала Ирочка, изо всех сил напрягая свой музыкальный слух. – Уснул, что ли?» После минутного колебания она тихонько постучала. Никто не отозвался. Ирочка немного постояла, прислушиваясь, и снова постучала, на этот раз громче. Результат был тот же...

Ирочка еще минуту подождала и решительно нажала на ручку двери.

– Марат Анатольевич!

Она осеклась и даже сделала шаг назад, таким он ее обдал взглядом. Калитин сидел за столом и что-то писал. Некоторое время он просто смотрел на вошедшую Ирочку, потом, видимо, собрался с мыслями и

спросил, что ей здесь надо.

– Мне? – растерялась она. – Я... вас к телефону, Марат Анатольевич...

– Скажи, что я занят.

– Да?

Ирочка усиленно косила глазами, пытаясь рассмотреть, что он пишет. Увы! С такого расстояния ей это оказалось не под силу.

– У тебя все? – неделикатно поинтересовался Калитин.

– А... ага...

– Тогда, будь добра, позаботься, чтобы мне в течение часа никто не мешал.

– Хорошо...

Ирочке не оставалось ничего другого, как закрыть дверь, пребывая в полнейшем недоумении. Такое поведение не характерно для Марата, особенно резкий, грубый тон, которого он даже не пытался скрыть.

Когда дверь за Ирочкой закрылась, он снова принялся писать...

Я слышал голоса, пытаюсь определить, какой из них принадлежит жрецу, а какой – военачальнику.

– Так больше не может продолжаться, – говорил один. – Нам нужны новые партии рабов. Где они?

Их язык, науатль, оказался для меня несколько сложным. Вообще, их речь своим звучанием напоминает мне птичий клекот. Они обожают перья и изделия из них. Перьями украшается буквально все – щиты воинов, одежда, головные уборы. А имя их главного бога – Уицилопочтли – означает ничто иное, как «Колибри левой стороны». Еще один их знаменитый бог – Кецалькоатль – является «Пернатым Змеем». Все это убеждало меня в том, что я попал туда, куда и стремился...

Свою столицу Теночтитлан эти существа основали на островах озера Тескоко. Бог Уицилопочтли велел им обосноваться там, где они увидят сидящего на кактусе орла со змеей в когтях. Снова орел. Птицы, птицы! Всюду птицы...

Теночтитлан – довольно красивый город. Они расширяют его за счет «плавучих садов» чинампа. В Теночтитлане они воздвигли множество красивых храмов, где жрецы и жрицы совершают изощренные и

жуткие обряды. Они поют, танцуют, воскуряют благовония и приносят людей в жертву, вырезая им сердце. Для этого существует специальный обсидиановый^[12] нож, которым вскрывается грудная клетка. Реки крови орошают их алтари и лестницы храмов. Жрецы считают, что человеческая кровь питает Солнце и вызывает дожди. Абсурдная идея! Таким образом эти люди якобы снабжают богов энергией и тем пытаются отсрочить свою гибель. Они чувствуют, что их обнаружили, и все остальное – вопрос времени. Воистину, эпоха «Пятого Солнца» должна стать для последней...

Главный храм, посвященный Уицилопочтли и богу дождя Тлалоку, возвышается над всеми, он увенчан двумя святынями. Здесь же, на огороженной территории, находятся другие храмы, палаты воинов, жреческая школа и площадка для игры в мяч. Чуть дальше от центра располагаются дворцы знати, утопающие в зелени садов. По гладкой озерной воде скользят пышно изукрашенные лодки.

Я люблю прогуливаться по вымощенным камнем улицам, когда легкий ветерок развеивает мою одежду из хлопка, и вдыхать запахи цветов и плодов. Одна из таких улочек и привела меня к Миктони. Она должна помочь мне подобраться поближе к тому, ради чего я здесь. Я почти влюбился в нее, юную и свежую, яркую, как птичка-колибри, порхающая с цветка на цветок. Она ни о чем не догадывается. Я завоевал ее сердце тем, чего она не получает от своего мужа-аристократа, – поклонением ее красоте.

Миктони – самая молодая из жен ацтекского правителя. Она говорила мне, что ведет свой род от самого Ицкоатля, первого императора ацтеков. Охотно верю. Тем более, мои шансы возрастают. Еще она говорила мне, что я красив, как их таинственный и непредсказуемый бог Тескатлипока – «Курящееся Зеркало». Сомнительная похвала, но я делаю вид, что польщен.

Я долго пытался привлечь внимание Миктони,

применяя разные способы, пока не нашел подходящий. Оказывается, ацтекские женщины падки на восхищение. Что ж, прекрасно! В этом они не одиноки. Итак, мне удалось стать ее любовником и тем самым привязать ее к себе. Это укромное местечко в одном из самых роскошных дворцов Теночтитлана она выбрала для наших тайных встреч и показала мне, как проникать в здание незамеченным.

Я приходил сюда раньше нее, чтобы проделать отверстие в стене для подслушивания. Замаскированная комната, где мы предаемся любовным утехам, соседствует с помещением, где правитель ведет беседы, не предназначенные для чужих ушей. Как мне повезло! Миктони часто задерживается. Ей не так-то легко найти предлог для длительной отлучки. Я же стараюсь использовать каждое мгновение драгоценного времени, проводимого во дворце. Затаив дыхание, я стою, прильнув ухом к заветному отверстию, пытаюсь уловить смысл беседы между правителем, влиятельным жрецом и военачальником...

Они спорят. Они взволнованы и обеспокоены. Что-то не так в их мире, который только кажется незыблемым. Невидимая опасность подтачивает, разъедает его изнутри. Я знаю, что это. Их тайна! Они стали зависимы от нее. Они хотели быть ее хозяевами, а превратились в ее рабов.

– Наши воины устали, – говорил военачальник. Я хорошо знал его голос. – Они ропщут и требуют вознаграждения. Соседние племена оказывают ожесточенное сопротивление. Нужно принести много жертв Уицилопочтли, чтобы Он даровал нам свое покровительство. У Него пересохли губы: они давно не пробовали свежей крови!

– Нельзя! Нельзя... – возражал правитель. – Недовольны не только воины. Этот мир оказался не совсем таким, как мы рассчитывали. У нас не получилось то, что было задумано. Многие знатные ацтеки раскаиваются в том, что последовали за нами. Они сожалеют о прошлом и готовы поднять мятеж.

– Нет, – решительно вымолвил жрец. Он был самым старшим из присутствующих, и его голос походил на шелест тростника. – Этого ни в коем случае нельзя допустить. Ни один из Посвященных не смеет обратить свое оружие и свой ум против нас. Мы все связаны, и все поплатимся за содеянное, если только просочится хоть одна капля сведений о... – Жрец сделал паузу, не называя того, о чем говорил.

– Тише... – сказал правитель. – Надо быть осторожными. Теперь повсюду могут быть уши...

Он, похоже, устремил свой взгляд на то место, где стоял я. Потому что мое тело сразу покрылось липкой испариной, а ноги будто приросли к полу. Я с трудом перевел дыхание, стараясь рассеять свой страх.

– Что с тобой? – участливо спросила Миктони. – Ты бледен и тяжело дышишь. Но даже в бледности и недомогании ты прекрасен, мой Тескатлипока!

Я так увлекся, что не заметил, как она вошла. Это плохой признак. Я стал недопустимо беспечным. Не хватало только совершить роковую ошибку, когда цель настолько близка!

– У меня жар, – соврал я. – Надеюсь, священные камни твоего дворца помогли мне унять его.

Нужно же было мне как-то объяснить, почему я стоял, прижавшись лицом к стене. Мне ужасно опротивело притворство! Кажется, я научился ему у ацтеков. Они насквозь фальшивы, и вся их жизнь пропитана фальшью, как кора деревьев влагой во время сезона дождей.

– Тебе лучше? – спросила она, приближаясь ко мне и касаясь прохладной ладонью моего лба.

– Ты испугала меня. Больше не подкрадывайся, а то я могу принять тебя за царского шпиона и...

Я выхватил из-за пояса обсидиановый нож и со свистом описал им в воздухе круг. Миктони в ужасе отшатнулась.

– Ты смог бы убить меня?

– Не тебя, а... в общем, я тебя прошу, никогда не подбирайся ко мне бесшумно! Я убью всякого, кто

посмеет посягнуть на нашу с тобой тайну! И могу сделать это быстрее, чем успею рассмотреть лицо вошедшего. Твоя честь для меня превыше всего.

Кажется, она осталась довольна моим воинственным и любовным пылом. Я крепко обнял ее и поцеловал, проклиная необходимость лгать ей. Увы! Она – одна из них. Они сами выбрали свою судьбу. Тот, кто обманывает, рискует сам быть обманутым. Таковы правила, не я их выдумал.

– Еще об одном хочу попросить тебя, – добавил я, с притворной страстью глядя в ее глаза. – Не называй меня больше Тескатлипокой!

– Но...

– Мне больше по душе Шиутекутли, бог огня.

Она облегченно вздохнула и прильнула к моей груди...

Глава 12

Памир

Автобус привез съемочную группу к туннелю, и Ларисе представилась возможность впервые увидеть это величественное и пугающее сооружение.

В теле горы зиял черный проем, уходящий глубоко в недра скальной породы. У проема стояли на приколе пара грузовых машин, несколько тракторов и экскаваторов. Среди людей лее происходило напряженное движение – входили и выходили рабочие в касках, переговаривались между собой, тянули какие-то провода и толстые кабели, что-то вносили и выносили. Накануне вечером Борис рассказывал, что строительство туннеля ведется одновременно с двух сторон и что из-за неточных геодезических^[13] расчетов возникли трудности со «стыковкой». Паршин, начальник строительства, был зол на всех и вся, кричал, ругался, куда-то звонил и пил водку. Киношников встретил неприветливо, никакой помощи не оказывал. Хорошо, хоть не мешал.

– Так что вы к нему с лишними вопросами не приставайте, – инструктировал женщин Бахмет. – Если что понадобится, обращайтесь ко мне.

– Ладно, – кивала головой Глафира. Туннель произвел на всех удручающее впечатление.

– И как эти проходчики не боятся находиться там, внутри? – недоумевала Лариса. – Ведь это ж какая толща над головой. Вдруг обвалится?

– Чего это ей обваливаться?

– Ну, мало ли? Землетрясение, например.

– Ты, Мельникова, не каркай! – взвилась администраторша. – Нам здесь работать и работать. Обвалится! Фильм снимать надо. Где другой туннель взять?

На Памире землетрясение в три, четыре балла – обычное дело. На столь слабые толчки никто внимания не обращал. Только начинали лихорадочно метаться по склонам овцы да собаки выли в кишлаках. А вот если потряхнет сильнее...

– Я узнал кое-что, – с видом заговорщика сообщил Борис. – На этом

самом месте уже собирались строить туннель, еще в пятьдесят девятом году. Но... не получилось. То ли денег не выделили, то ли проект забраковали. Плохая примета.

– Почему? – удивилась Лариса. Руководитель каскадеров пожал плечами.

– Такое поверье... Если, например, корабль один раз затонул, то лучше его со дна не поднимать и на нем не плавать. Утонет обязательно.

– Туннель – не корабль, – возразила Глафира. – Он затонуть не может. Его просто не начинали строить. А теперь начали.

– Ну, дай бог! – неопределенно выразился Борис.

Он поймал взгляд Бахмета, и ему расхотелось продолжать дискуссию.

– Я внутрь туннеля не пойду, – решительно отказалась Лариса. – Хоть режьте. Я только снаружи работать буду.

– Кто тебя туда посылает? – возмутился режиссер. – В туннель, если хочешь знать, посторонним вход строго воспрещен. Я еле уговорил Паршина разрешить нам снять пару сцен. Вам с Глафирой и вовсе там делать нечего.

Страхи страхами, а от работы никуда не денешься. После продолжительного разговора Бахмета с Паршиным съемочная группа занялась своим непосредственным делом, а Глафира с Ларисой – выдачей инвентаря и приготовлением обеда.

В вагончиках проходчиков жили несколько собак. Учув соблазнительные запахи, они прибежали и вились вокруг женщин, виляя хвостами и облизываясь. Глафира бросала им то одно, то другое... Вдруг собаки повели себя странно. Они перестали выпрашивать еду и настороженно принюхивались, задирая морды вверх.

– Чего это они? – боязливо спросила Глафира, которой такое собачье поведение очень не понравилось.

Одна из собак, рыжая дворняга с облезлым хвостом, пронзительно завывала.

– Господи! Неужто землетрясение? Напророчили своей болтовней! – запричитала администраторша, не сводя глаз с собак. – Чего делать-то?

– Не знаю... – растерялась Лариса. – Бежать надо.

– Куда?

Из туннеля раздался сигнал тревоги, одновременно с этим Лариса ощутила, как твердь под ее ногами пришла в движение.

– Ой, мамочка! – пискнула она и зажмурилась.

Из проема в горе выбегали рабочие, Паршин что – то громко кричал, ругался и размахивал руками. Актеры все побросали, столпились на ровной

площадке перед входом в туннель и тревожно переговаривались. Бахмет, оставаясь невозмутимым, курил свою знаменитую трубку. Собаки выли на разные голоса, взвинчивая и без того натянутые нервы людей.

– Мамочка! – шептала Лариса, дрожа и стуча зубами. – Мамочка...

К счастью, землетрясение оказалось не очень сильным. Через десять минут толчки прекратились. Все еще немного подождали, рассуждая, как опасна стихия и как слаб и беспомощен человек перед ее неумолимым натиском. И начали расходиться по своим местам. Рабочие – в туннель, а киношники – доснимать эпизод.

– Пойди принеси воды, Мельникова, – распорядилась Глафира. – С этим переполохом я совершенно забыла о чае.

– Куда идти? Я не знаю...

Лариса была на строительстве первый раз и не имела понятия, где что находится. Уходить далеко от людей не хотелось. Вдруг опять начнет трясти? К слабеньким землетрясениям все уже привыкли, но сегодня каменистая почва под ногами колебалась основательно.

– Борис сказал, что вон там, слева от дороги, есть арык, – начала объяснять администраторша, указывая рукой вниз. – Только спускайся осторожнее, не торопись.

«Арыком» Борис называл любой источник питьевой воды, будь то мелкая горная речушка или ручей.

Лариса взяла пластмассовую канистру и направилась к «арыку». Тот оказался дальше, чем она предполагала. Под ногами шуршали и сыпались мелкие камешки, со стороны туннеля раздавались хлопающие звуки, как будто в землю забивали бетонные сваи. Небо, синее и блестящее, лежало прямо на снежных шапках гор. Видимость была такая, что каждая веточка или нагромождение валунов четко и объемно выделялись на фоне скал. Воздух стоял прозрачный, как хрусталь, наполняя все это великолепие холодным звоном. Мельникова удивилась такому необычному явлению и вдруг поняла, что звенит протекающий в каменистой ложбинке ручей. По его краям низкорослые кустики арчи цеплялись корнями за скудную почву. Вода, журча, переливалась, струилась и сбегала с небольшого возвышения куда-то вниз, теряясь в скалах.

Набрать из горного ручья полную канистру воды оказалось делом непростым, и Лариса пожалела, что не взяла с собой кружку.

– Бог в помощь, красавица, – произнес хриловатый баритон.

Лариса вздрогнула и упустила канистру.

– Извините, – произнес тот же баритон. – Я, кажется, испугал вас.

– Ф-фу... – с облегчением вздохнула Мельникова, вылавливая в ручье

канистру. – Какое счастье, что вы не медведь...

Она наконец встала и обернулась. У самого ручья, картинно опираясь на камень, стоял светловолосый бородатый мужчина и приветливо улыбался.

– Я не медведь, – подтвердил он. – Я альпинист. Меня зовут Илья Вересов. Здесь недалеко наш лагерь.

Мельникова уже имела представление, что значит «недалеко» по местным меркам. Это если за день доберешься.

– Ага, – кивнула она. – А меня зовут Лариса. Вот... – она показала полупустую канистру, – никак не могу воды набрать.

– Это мы сейчас поправим.

Илья взял у нее из рук канистру, присел на корточки и быстро наполнил ее до краев.

– Ловко у вас получается!

– Опыт, – легко согласился он. – Полазаете по горам с мое, и у вас будет получаться. Давайте крышку.

Лариса достала из кармана крышку, и новый знакомец закрутил канистру.

– Вам не бывает страшно в горах? – спросила она. – Сегодня землетрясение было, я до сих пор в себя прийти не могу.

– Какое это землетрясение? – усмехнулся Вересов. – Так... легкая встряска. А страшно бывает везде, и в городе тоже.

– Мы кино приехали снимать, – зачем-то сказала она. – Катастрофу в туннеле.

– Так вы из съемочной группы? А я думал, со стройки. – Илья взял канистру и подал Ларисе руку. – Идемте, я вам помогу донести.

– Не надо...

– Идемте, идемте. Подъем здесь гораздо труднее спуска.

По дороге Вересову приходилось нести не только канистру с водой, но и Ларису. Наконец они выбрались наверх.

Илья решил познакомиться со строителями туннеля, а заодно и со съемочной группой. Ночное происшествие в лагере не давало ему покоя. Вроде бы ничего из ряда вон выходящего не случилось, но... ощущение спокойствия и безопасности исчезло, и Вересов не мог его восстановить, как ни старался.

– Я своего товарища разыскиваю, – сказал он, отдавая Ларисе канистру. – Женю Голдина. Не слышали о таком?

– Как это разыскиваете? Он что, заблудился? Ушел в горы и не вернулся?

– В некотором роде... – уклончиво ответил Вересов.
Она так разволновалась, что забыла поблагодарить Илью за помощь.
– Как, вы говорите, его звали?
– Женя Голдин.
– Нет, не слыхала. Вы строителей расспросите... Мы-то далеко живем, в кишлаке, а они здесь ночуют. У них утепленные вагончики, очень удобно.
– Спасибо, обязательно расспрошу. А кто у вас старший? – на всякий случай поинтересовался Илья.
– Режиссер Бахмет, Дмитрий Лаврентьевич. Но... вы лучше с Борисом поговорите. Он тут всю округу прочесал.
– Борис? Кто это?
– С нами каскадеры приехали, – объяснила Лариса. – Он у них старший.
Илья поговорил со всеми: и с Паршиным, и с рабочими, и с Бахметом. Никто ничего определенного не знал. Дошла очередь до Бориса. Илья отозвал его в сторону, присел на замшелый камень.
– Садись, брат, в ногах правды нет...
Борис сел, внимательно разглядывая обветренного, бородатого мужика в ярком пуховике. Он сразу узнал руководителя группы альпинистов.
– Кто еще здесь поблизости обитает? – спросил Илья. – Кроме вас и строителей? Местные таджики не считаются.
– Тебе это зачем? – насторожился Борис.
– Мы товарища своего разыскиваем. Говорят, где – то здесь еще люди живут...
Каскадер помолчал, подумал. Достал из кармана пачку сигарет.
– Куришь?
Илья отрицательно качнул головой.
– Я так и знал. Здоровье, значит, бережешь.
– У каждого свои странности...
– Слышал я, община в горах есть, – сказал Борис, закуривая. – Найти ее трудно. Высоко забрались, и дорога туда неудобная. Они то ли святые, то ли чокнутые... Больше ничего не знаю...

Москва

Машеньку Ревину ничто не радовало. Ее жизнь без всяких на то причин круто изменилась. А главное, изменилась непоправимо. Если бы

Машеньку спросили, в чем именно состоят эти изменения, она бы затруднялась ответить. Внешне все шло, как прежде. Ревин вставал по утрам, шел в ванную, принимал душ, брился, одевался, созванивался с охраной, выходил из квартиры, садился в свой «джип», ехал в офис и работал, работал, работал...

Машенька оставалась дома, но время проводила не в легкомысленных развлечениях, а в тяжелых раздумьях. Она слонялась по своей шикарной квартире из угла в угол и равнодушно взирала на дорогой паркет, итальянскую мебель и китайские вазы, открывая для себя избитую истину: внешние атрибуты жизни не что иное, как иллюзия благополучия. Ей стало неуютно в этих обтянутых шелком стенах. Почему? Здесь поселилось что-то неуловимо опасное, чужое. Машенька не могла этого объяснить, она просто чувствовала.

Данила – человек, которого она встретила и полюбила, – стремительно отдалялся от нее. Однажды утром она проснулась, а он оказался уже другим. Не тем Ревиним, за которого она вышла замуж, с которым они отдыхали на взморье, праздновали Рождество в загородном доме, ходили на модные тусовки, целовались, ругались, мирились...

Зазвонил телефон, и Машенька подпрыгнула от неожиданности. Нервы ни к черту! Она взяла трубку и услышала голос Холмогорова.

– Прекрасная Мария, я вас не разбудил?

– Н-нет...

– Вы чем-то расстроены?

– Бросьте, Геннадий Алексеевич! – взорвалась она. – К чему этот великосветский тон? Вы прекрасно знаете, какое у меня настроение и почему. Есть новости?

– Плохие. А у вас? Машенька прерывисто вздохнула.

– Тоже. Приезжайте ко мне, Гена...

– Сейчас не могу, – с сожалением ответил Холмогоров. – Занят. Может, пообедаем вместе?

Геннадий Алексеевич предпочитал французскую кухню, а Машенька потащила его в японский ресторан. Впрочем, после обмена новостями у обоих пропал аппетит.

– Данила продолжает тратить деньги, – сообщил Холмогоров. – Ума не приложу, куда и зачем. Вы спрашивали его?

– Пыталась...

– Ну?

– А-а! – она махнула рукой. – Он не счел нужным мне отвечать. Посмотрел, как на пустое место, и промолчал. Даже не рассердился. Лучше

бы он заорал на меня, стукнул кулаком по столу, сказал бы, что это не мое дело! А он... как будто не слышал.

– Знакомая картина.

– Как он вообще работает? – воскликнула Машенька. – Объясните мне! Он же постоянно погружен в себя! Ничего вокруг не видит и не слышит. Как он ведет переговоры с партнерами, заключает сделки? Как он общается с людьми, наконец?

– На автопилоте, – ответил Холмогоров. – Ревин превратился в машину. Я с ужасом думаю, что будет, когда у этого механизма кончится завод.

– Что же это такое? – прошептала Машенька и заплакала. – Что делать?

Геннадий Алексеевич промолчал. Если бы он знал, то давно бы уже принял меры.

– Вы видели его зубы? – спросила она, доставая из сумочки носовой платок.

– Зубы?

– Ну да, зубы.

– Сегодня мы не встречались, а вчера... – Холмогоров напрягся, пытаясь вспомнить. – Зубы как зубы.

– Значит, вы еще не видели.

Машенька вытерла расплывшуюся под глазами тушь и громко высморкалась.

Этой ночью она испытала настоящий шок. Часов в пять вечера Ревин позвонил домой, сообщил, что задержится.

– Пойду к стоматологу, – объяснил он. – Так что не жди меня, ужинать я все равно не смогу. Ложись спать.

Она так и сделала. На удивление, заснула почти мгновенно. Посреди ночи ей стало не по себе. Как будто по квартире ходит кто-то чужой. Она привстала. В свете красного ночника спальня казалась зловещей.

Ревина рядом не было, его подушка осталась не – тронутой. Первую мысль, что в квартиру забрались воры, Машенька отбросила. Но ружье все-таки решила взять. На цыпочках подошла к шкафу, открыла дверцу... Ружье легло в руку, придав храбрости.

Затаив дыхание, она скользнула в коридор. Дверь в гостиную была приоткрыта, оттуда лился слабый свет.

«Это фонарь за окном, – догадалась она. – Где же Ревин?»

На фоне светлого квадрата окна выделялся темный силуэт мужчины. Он как будто стоял спиной к двери и смотрел на улицу.

«Данила? – одеревеневшими губами прошептала Машенька. – Это ты?»

Мужчина не пошевелился. Она подняла ружье и крикнула: «Не двигаться!»

Глупо, конечно. Он и так стоял как вкопанный. Свободной рукой Машенька нашла выключатель. Зажглось тусклое бра у двери в гостиную. Этого было достаточно, чтобы рассмотреть незваного гостя.

«Повернитесь, – стараясь преодолеть дрожь в голосе, приказала она. – Лицом ко мне!»

Мужчина громко расхохотался. Он резко повернулся, продолжая хохотать. И Маша, к своему ужасу, узнала в нем... Ревина. Это был ее муж... но что-то изменилось в его лице. Он просто изнемогал от хохота, а его рот... О Боже! Его рот был полон чего-то светящегося, как у тыквы в Хэллоуин...

Машенька отшатнулась и закричала. Ружье выпало из ее рук, глухо ударило о покрытый ковром пол. Ревин сделал шаг вперед... и она упала без чувств рядом с ружьем. Блаженная темнота впитала ее ужас...

Она очнулась от запаха нашатыря. Данила, как ни в чем не бывало, наклонился над ней.

«Что это было? Мне приснился кошмар?»

Он покачал головой.

«Кто-то пробрался к нам в квартиру, – прошептала она. – Где ты был?»

«Здесь...»

Чтобы произнести это слово, он разжал губы, и... О нет! Машенька снова увидела у него во рту нечто блестящее.

«Чего ты испугалась? – в недоумении спросил Ревин. – Ты что, не узнаешь меня?»

Она показала на его губы.

«Ч-что у тебя во рту?»

«Зубы. Да что с тобой? Золотых зубов не видела?»

Вот в чем дело... У него золотые зубы. Всего-навсего. А она уже вообразила Бог знает что!

«Зачем тебе золотые зубы? – задала она бессмысленный вопрос. – У тебя же свои – один к одному».

«Разве мне не идет?» – Данила широко улыбнулся, и его золотые зубы ярко сверкнули. Вся верхняя челюсть.

«Я еще и нижние сделаю!» – доложил он. «Зачем?»

– Красиво! – обиделся он, чувствуя ее неодобрение. – И приятно. Я что, не могу себе позволить?»

«Но это же не модно. Кто сейчас делает золотые коронки?»

«Золото из моды не выходит, – серьезно возразил Ревин. – Не повторяй глупости, придуманные другими».

Всю эту «страшную» историю Машенька, всхлипывая и округляя от ужаса глаза, поведала Холмогорову. Тот удивился.

– Он что, на здоровые зубы поставил золотые коронки? Вы не шутите?

– Мне не до шуток, Геннадий Алексеевич. По-моему, Данила болен. И болен серьезно. Вы посмотрите, до чего дело дошло!

Он кивал головой, а сам думал: «Какие, собственно, у нас основания считать Ревина сумасшедшим? Золотые коронки? Причуда обеспеченного человека, вот и все. Любой врач скажет то же самое. Человек дорвался до денег и чудит. С кем не бывает?»

Холмогоров отвез Машеньку домой, а сам поехал в офис, воочию убедиться в услышанном.

Ревин охотно улыбался сотрудникам, демонстрируя ряд новеньких золотых коронок.

«Черт! – подумал Геннадий Алексеевич. – А совсем неплохо смотрится!»

Из дому госпожа Ревина позвонила доктору Закревской.

– Геля, – захныкала она. – У Ревина золотые зубы...

– Что-что?

– Сделай с ним что-нибудь. Ты же врач, в конце концов.

– Да в чем дело? Объясни толком.

– Данила вчера ходил к стоматологу и поставил на верхнюю челюсть золотые коронки. Представляешь? На всю челюсть!

Ангелина Львовна кашлянула. Она как раз пила кофе.

– Машенька, – стараясь быть вежливой, сказала она, – ставить на зубы золотые коронки или какие-либо другие – дело вкуса. Это не имеет ничего общего с патологией.

– Я знала, что ты так скажешь...

– Да это кто угодно тебе скажет! Поверь, человек имеет право выбирать, из какого материала делать коронки. Золото, металлокерамика, какая разница?

– Ты не понимаешь, – вздохнула Ревина. – Никто не понимает. С человеком творится невообразимое, а вы...

– Не нагнетай, пожалуйста. Лучше сходи к подружкам или в женский клуб, поболтай о чем-нибудь, посплетничай. По магазинам прошвырнись, купи себе пару новых тряпок. Отвлекись ты от своего Ревина, не то тебя саму лечить придется.

– Ты не видишь в его зубах ничего страшного?

– Разумеется, нет.

Машенька начала успокаиваться. Закревская – специалист, она знает, что говорит. Может и правда не стоит делать из мухи слона?

– Ладно, спасибо. Тогда я, пожалуй, лягу спать. А то всю ночь пробегала, изнервничалась. Прикинь, я даже в обморок упала, когда увидела его с этими зубами...

– Делать тебе нечего!

Ангелина Львовна положила трубку и взялась за кофе. Он успел остыть. Вот так всегда. Только сядешь перекусить, обязательно кому-нибудь приспичит позвонить.

Она взглянула на перекидной календарь. Завтра у Ревина сеанс. Ей представится возможность полюбоваться на его золотую челюсть.

– Самойленко! – позвала она. – Олег!

Он почти сразу заглянул в дверь, как будто только и ждал приглашения.

– Чего изволите?

– Ты бы поставил себе на передние зубы золотые коронки? – спросила Закревская.

Психотерапевт задумчиво погладил свою бородку.

– Золотые? Нет, конечно. Это же не современно...

Глава 13

Памир. Община гуру Нангавана.

Нангаван вставал раньше всех, выходил из дома и отправлялся в пещеру. Только в пещере он мог свободно размышлять. Наверное, привык медитировать в одиночестве. Никто и ничто не мешало течению его мыслей.

Сначала он хотел, чтобы все его ученики вместе с ним жили в пещере, но потом передумал. Для жилья они приспособили самый крепкий дом в заброшенном высокогорном кишлаке. Нангаван не знал, почему жители ушли из кишлака. Скорее всего, они боялись. Именно то, от чего сбежали таджики, привлекло Нангавана в эту точку Памира. Еще от своего учителя он слышал о месте, в котором происходят необъяснимые явления, похожие на чудо. Учитель хранил тайну и только перед смертью рассказал Нангавану, где находится Священная Гора.

Каких трудов Нангавану стоило разыскать указанное учителем место! Ему пришлось бросить работу и заняться поисками. Пользуясь отрывочными сведениями, сомнительными источниками, блуждая и отчаиваясь, он прокладывал себе путь к Священной Горе. И вот долгожданная, вожденная цель достигнута! Теперь остается только воспитать достойных учеников, которые смогут развивать его идеи. Тогда он откроет им сокровенное...

Имя Нангаван он взял себе в память об учителе. На самом деле его вполне прозаически звали Степаном Чичаговым.

«Это не вдохновит последователей, – резонно рассудил Степан. – Да и звучит как-то... негармонично».

И он решил взять себе «духовное имя» – Нангаван. Оно соответствовало всем требованиям и задачам господина Чичагова.

Профессия у него тоже была самая заурядная – инженер. В молодости Степан не был лишен амбиций, занимался наукой и даже сделал пару незначительных открытий. Он пытался защитить диссертацию, а потом бросил.

– Надоело биться головой о стену, – объяснял он друзьям и знакомым свое решение оставить науку. – Сколько можно? Талантливому человеку в России ходу нет! Тут все зависит от денег и связей. А истинный талант

выше этого...

У Чичагова появились более высокие цели. Он увлекся духовными практиками. Поглядев на такое дело, жена забрала детей и ушла к родителям. Хоть и говорят, что не хлебом единым жив человек, а без хлеба тоже не проживешь.

Получив полную свободу, несостоявшийся научный сотрудник Чичагов целиком посвятил себя духовному пути. Дорога оказалась тернистой, полной взлетов и падений, разочарований и неудач. Но Чичагов не сдавался. Он кочевал от учения к учению, менял философию за философией, пока не попал в группу, руководимую Нангаваном. Здесь его привлекло многообразие взглядов на мир, широкая трактовка понятий и относительная свобода принципов. Нангаван был стар. Его учение состояло из смеси всех религий, включая языческие ее разновидности, доктрин различных тайных обществ, нескольких течений йоги и охватывало даже теорию Кастанеды и его магов. Иными словами, что хочу, то и ворочу. Главное – подоплека у всей этой несусветной мешанины была многообещающая: выход из череды земных воплощений, свободный полет духа и нирвана, нирвана, нирвана...

Чичагову только этого и надо было. Он стал рьяным адептом сего универсального учения и правой рукой Нангавана, которому перевалило за девяносто. Чувствуя приближение долгожданной нирваны, учитель вызвал к себе самого преданного духовного последователя и передал ему «тайное знание»: желающий получить *истинное просветление* должен вступить в контакт с Высшим Разумом, или Божественным Началом.

Чичагов, застывший в благоговении, все же решился задать вопрос: «Где и как должен осуществиться контакт?» На что получил туманный ответ:

– Ступай туда, на Место Избранных... и увидишь невидимое... Место сие именуется Священная Гора...

– Где же эта Священная Гора? – настаивал непонятливый ученик, являя всю глубину своего невежества.

Впрочем, учитель сам смог весьма приблизительно назвать координаты Горы, расположенной в глубине Памира. Но разве такая мелочь могла остановить Чичагова, который грезил стать новым мессией?!

Он отрекся от своего мирского имени, принял духовное имя Нангаван и посвятил себя поискам Священной Горы. «Настойчивость вознаграждается», – любил повторять он. Во время скитаний новоявленный гуру обзавелся последователями, из которых отобрал пять человек. Шестым был он сам, а седьмой обязательно должен быть новеньким.

Такова традиция, а любое сообщество держится на традициях.

Шестеро учеников называли друг друга *шраваки*. Ведомые своим духовным наставником, они привели в порядок брошенный таджиками дом и стали вести жизнь «святых отшельников». Общину назвали «Поднебесье». Место оказалось труднодоступным, да еще и пользовалось худой славой. Так что никто не осмеливался их беспокоить.

Правда, зимой в горах было очень холодно, мороз стоял страшный, выпадало много снега, и увеличивалась опасность схода лавин. Поэтому *шраваки* приходили сюда накануне весны и оставались до начала осени. Как только наступали холода, Нангаван уводил их вниз, в долину. Они охраняли от посторонних глаз и ушей свое убежище, но... шила в мешке не утаишь. Как ни малочисленны и ни разрозненны кишлаки в горах, все же слухи об общине просочились «в мир».

Разумеется, никто из *шраваков* не подозревал ни о какой Священной Горе. Нангаван не собирался раньше времени раскрывать тайну. Он должен выполнить свое предназначение, стать проводником Высших Сил на Земле. А там... видно будет...

В пещере царил теплый полумрак. Нангаван вместе с учениками соорудил на каменном полу небольшой очаг. Дрова были сложены рядом. Пространство пещеры очень быстро прогревалось, а дым выносило куда-то вверх. Гуру уселся, приняв позу лотоса, и погрузился в медитацию. Желанное успокоение не приходило.

С тех пор как Нангаван впервые вступил в контакт с Высшими Силами, в его душе поселилась тревога. Она непрерывно грызла его, разъедала, лишала покоя и сна. С кем он общается? Кто сей неизвестный и могущественный, снизошедший к смертным? Чистый ли это Дух, несущий свободу и истину? Или это игра лукавого, нечистого?

Нангаван не мог найти внутри себя ответа на животрепещущий вопрос. А спросить было некого. Он мучился, раздираемый противоречиями. С одной стороны, ему хотелось стать мессией. А любой мессия, по его представлению, должен иметь советчика из Высших Миров. С другой стороны, не попадет ли он, подобно доктору Фаусту, в лапы дьявола? Не продаст ли, сам того не ведая, душу Князю Тьмы?

Так Нангаван и жил в «Поднебесье», то поднимаясь на волнах экстаза в горние выси, то опускаясь в глубины воображаемого ада. Вдобавок ему приходилось тщательно скрывать свое смятение от *шраваков*. Они должны видеть в нем источник спокойствия и космической гармонии.

– Учитель! Учитель!

Вопли учеников рассердили Нангавана. Они мешали ему предаваться

медитации и возвращали к надоевшей действительности. Главным достоинством *шравака* считалась неэгоистичность. А члены общины то и дело ссорились, выясняли отношения и доходили до того, что готовы были вцепиться друг другу в глотку. Раздоры вспыхивали по поводу недостаточной «святости» то одного, то другого. Они пристально следили за каждым шагом своих товарищей, отыскивали недостатки и принимались их выкорчевывать.

Вчера, например, один из учеников съел лишнюю порцию риса. Это было немедленно замечено и подвергнуто резкой критике. Пришлось Нангавану вмешаться, чтобы дело не дошло до драки.

– Я хочу есть! – возмущался застигнутый на месте преступления «обжора». – Я не понимаю, как духовное развитие связано с голодом? Почему я должен голодать?

– Где твоя терпимость к позовам плоти? Твое тело командует тобой. Тогда как ты находишься здесь, дабы воспитывать в себе господство Духа над презренной плотью.

– Почему это она презренная? – не уступал «обжора». – Если вы такие правильные, то могли бы и не следить, сколько я съел. Что-то никто из вас не отказался от своей порции!

Эта перебранка продолжалась, пока гуру не положил ей конец. Он подошел к провинившемуся ученику, обнял его за плечи и сказал:

– Я знаю, как пробудить твою мудрость. Видишь эти маковые зерна? Отсчитай ровно сотню: ни одной маковкой больше, ни одной меньше. И съешь.

«Обжора» хотел было спросить, как это поможет ему справиться с голодом, и даже открыл рот... но так и не спросил. Учителю виднее. Раз он говорит, что надо съесть сто маковых зерен, значит, нужно съесть.

Остальные *шраваки* принялись обдумывать поступок Учителя и невольно успокоились. На сей раз инцидент был исчерпан. Воцарилась тишина. Надолго ли?

Для Нангавана оставалось загадкой, как люди, прочитавшие столько духовных книг, изучившие философию жизни, имеющие правильное представление обо всем, могут вести себя подобным образом? Куда вылетают все их знания? Почему правильное понимание не способствует правильному поведению? Откуда берется дух соперничества там, где проповедуются смирение и отказ от эго?

«Если я не в состоянии сладить с шестью учениками, то как же я справлюсь со всем человечеством?» – спрашивал себя Нангаван.

Он начинал понимать, сколь нелегка ноша мессии. Ничего

удивительного, что ни Христос, ни Будда, ни другие великие духовные наставники не смогли справиться с людьми. Проповедовать Истину легче, чем жить в Истине. Люди-то слушать слушают, а ведут себя по старинке. Как привыкли. Они-де сами знают, что правильно, а что неправильно. Но на этом все и заканчивается.

«Выходит, неправильно жить легче? – спрашивал себя Нангаван. – Но ведь так быть не должно...»

Он запутался. И решил спросить совета у Священной Горы. Так он называл неведомого собеседника. Ритуал общения между ними сложился сам собой и выглядел следующим образом: Нангаван выходил из пещеры и становился лицом к Горе – покрытой снегом двуглавой вершине. Именно такую приметку назвал ему умирающий Учитель: если выйти из пещеры и повернуться лицом на восток, увидишь двуглавую вершину.

Нангаван долго стоял лицом к Горе, пока легкое головокружение не возвещало о том, что его заметили. Головокружение переходило в транс, когда Нангаван уже ничего не соображал и не мог отличить явь от сна. В этом транссе к нему и приходили видения, мысли и ответы на задаваемые вопросы. После чего он приходил в себя, не ведая, сколько прошло времени.

Так было и сегодня. Гуру спрашивал, что ему делать со своими учениками. Священная Гора дала ему необычный ответ:

«Тебе не следует волноваться. Оставь их в покое, пусть живут как хотят».

Нангаван долго не мог с этим согласиться. Если он не будет обращать внимания на безобразия, творимые *шраваками*, то не выполнит свою миссию. Но... указания свыше даются не для того, чтобы их обсуждать, а для того, чтобы их выполнять.

– Учитель! Учитель!

Крики учеников вернули Нангавана к существующей реальности. Он вышел из пещеры и спросил, в чем дело.

– Новенький не хочет читать мантры!^[14]

– Пусть не читает...

Вдруг где-то в горах раздался страшный гул. Лавина! Каждый из присутствующих хорошо знал, что это такое. Тысячи тонн снега и льда срываются со склонов и несутся вниз, сопровождаемые белым клубящимся вихрем. Жуткое зрелище...

К счастью, «Поднебесье» не пострадало. *Шраваки* отделались легким испугом. Их только обдало смертельным дыханием гор.

Ночью Нангаван не мог уснуть. Таинственный Дух подал знак. Но что

за ним кроется?...

Записки Марата Империя ацтеков, Теночтитлан

Я научился понимать недомолвки, ловить на лету намеки, додумывать то, о чем они и не догадывались. Я стал их тенью, их ночным кошмаром, их проклятием. Впрочем, тень проклятия отчетливо читалась на их лицах, была физически осязаема.

Им так и не удалось создать ту жизнь, о которой они грезили и ради которой... Впрочем, я еще не полностью уверен. Они ли это? Пока многое, если не все, говорит в пользу моих догадок. Многие – но не все!

Они живут, как и прежде, среди прозрачных озер, питающихся горными стоками и ручьями. Теночтитлан прекрасен, он подобен огромному плавучему саду. По многочисленным каналам скользят легкие лодки, повсюду склоняются к воде зеленые ивы. Белоснежные дворцы и храмы покрыты изящной каменной резьбой, в которой четко прослеживаются мотивы птиц и солнца. Огромные статуи ярко, причудливо разукрашены. Как и прежде, эти существа поклоняются Солнцу. Огромный Камень Солнца установлен посреди их столицы.

Они называют себя ацтеками, что означает Люди Ацтлана. Это слово сразу поразило мой слух...

Ацтеки – храбрые, искусные и невероятно жестокие воины. Их ритуалы ужасают. Они сотнями, тысячами убивают пленников и рабов, вырывая у них сердца. Кровь, кровь – вот, чего алчут их боги!

Ацтекские аристократы щеголяют в золотых доспехах и шлемах, живут в роскоши и имеют много красивых жен. Орел, терзающий змею – отличительный знак царской власти. Такой знак носит на своем шлеме супруг Миктони, надменный и самовлюбленный правитель.

В этой империи путь вверх можно проложить

себе исключительно военной доблестью и захватом пленников на поле боя. Войны питают эту империю. Бог войны Уицилопочтли отождествляется с Солнцем. Умерший или принесенный в жертву воин удостоивается великой чести – сопровождать Солнце на его пути от восхода к зениту.

Солнце, золото и кровь – вот на чем держится Теночтитлан. Однако это не делает его менее привлекательным. Я почти полюбил его площади, сады и озера с прозрачной водой.

Сегодня у меня любовное свидание. Мы с Миктони выбрали для встречи самый большой рынок, неподалеку от столицы. Красивая лодка быстро доставила меня куда следует. На огромной площади – шум и пестрота, лай собак, запахи фруктов и перца чили. Огромные связки кукурузы, бобы, тыквы, помидоры, семена чиа и амаранта, тропические плоды и колючий грушевидный кактус нопаль, растущий в полупустынях. Торговцы наперебой предлагают мясо индюков, дичь и рыбу. Тут я впервые попробовал душистый пенистый напиток из зерен какао.

Из толпы вынырнула закутанная в белоснежную накидку женщина, и я узнал в ней Миктони. Ее юбка покрыта замысловатыми узорами, а на голове красовался богатый убор из перьев.

– Тебя могут узнать, – прошептал я, прижимаясь к ней в толпе. – Надо было одеться скромнее.

– Здесь полно таких же, как мы, богатых и праздных, – беспечно возразила она. – Пойдем пить пульке! Ты угостишь меня?

Пульке приготавливался из сока агавы и предназначался для знати. Этот напиток кружил голову, притуплял внимание и развязывал язык. Поэтому я охотно повел свою мнимую возлюбленную угощаться пульке. Когда она изрядно выпьет, мне легче будет задавать вопросы...

– Миктони, – как можно ласковее произнес я, наливая ей очередную порцию пульке. – Чем так озабочен твой муж? Я видел его в храме... он бледен и

встревожен. Неужели он что-то узнал о нас с тобой?

Разумеется, на самом деле ничего подобного я не предполагал. Я хотел незаметно втянуть ее в разговор на интересующую меня тему. И это удалось.

– Нет...

Она плохо держалась на ногах, и мне пришлось обнять ее.

– Тогда что же?

Если она и вправду вела свой род от Ицкоатля, то должна знать хоть часть тайны. Во всяком случае, я надеялся на это.

– Его и жрецов волнует другое. Мне нельзя даже думать о том, чтобы... Нет! На моих устах лежит печать смерти. Тебе лучше не знать...

Я крепче прижал ее к себе, чувствуя ее тепло сквозь легкую ткань одежды, и вопросительно заглянул в глаза.

– Я не могу... – простонала она, пытаясь высвободиться из моих объятий. Но пульке уже успел подействовать.

– Почему? – одними губами произнес я. – Разве мы не давали друг другу клятвы, призывая в свидетели Солнце? Разве...

– Нет, нет... – вяло сопротивлялась она. – Я не смею... Если я только подумаю об этом, то... жрецы узнают. Они убьют меня, и я не смогу сопровождать Солнце на его пути от зенита к закату. Я даже не попаду в Тлалокан...

– Тлалокан? Что это?

– Разве ты не знаешь? – Она пьяно улыбнулась. – Ты смеешься надо мной, мой Шиутекутли... Каждый маленький мальчик знает, что Тлалокан – это желанный, цветущий рай, обитель бога дождя. Но если я... – ее тело сотрясала дрожь, а лицо побледнело, – то мне не будет доступа туда...

– Если ты... – побуждал я ее высказать запретную мысль. – Если ты... что? Говори же! Я готов разделить с тобой любую судьбу, даже жертвенный алтарь...

При упоминании о жертвенном алтаре передо мной мелькнули свирепые лица жрецов, и я невольно

содрогнулся. Но мне во что бы то ни стало следовало вызвать Миктони на откровенность, поэтому приходилось пускаться на любые ухищрения.

– Не проси о невозможном! – взмолилась она. – Я погибну и погублю тебя... Мы будем прокляты. Нашей участью навеки станет Миктлан – низший подземный мир, которым правят бог и богиня Смерти. Ты этого хочешь?...

Я молчал, глядя на нее умоляющим взглядом.

– Жажду разделить с тобой все, – соврал я, ужасаясь, как великолепно я прикидываюсь.

Она тяжело вздохнула и провела рукой по лицу.

– Теперь ты знаешь, почему меня зовут Миктони. Это имя, созвучное Миктлану. Оно напоминает о смерти. Оно как тавро, отмечающее посвященных. Беги! Беги от меня прочь, если хочешь спастись! Забудь обо мне! Выбрось меня из своего сердца...

Я ликовал! Это уже было хоть что-то. Я узнал, как мне вычислить посвященных в тайну. Быстренько перебрав в уме имена высших жрецов и знати, я понял, что их совсем немного.

– Что ты, дорогая? – с пафосом воскликнул я, продолжая свою игру. – Я буду с тобой, что бы нас ни ожидало. Я твой, и в жизни, и в смерти.

Она заплакала. А мне впервые стало неловко.

Чтобы успокоить Миктони и переключить ее внимание, я повел ее на другую половину рынка, где выставляли свои товары резчики по камню, гончары, ткачи и ювелиры. Обстановка здесь была несколько иная. Посетителей зазывали цирюльники, предлагали свои услуги носильщики и судьи, следившие за порядком и честностью совершения сделок. Торговцы продавали товары, привезенные из далеких земель, а также пленников, назначенных к принесению в жертву.

Миктони нравились горячие лепешки из маиса, и я купил ей целое блюдо.

Мы не спеша прогуливались, рассматривая воинские облачения и оружие, яркие перья тропических птиц, золотые изделия, горный хрусталь и бирюзу. Я

купил ей в подарок полированные бусы из жадеита, пару золотых браслетов и великолепный плащ, искусно расшитый перьями.

Она была счастлива и что-то беззаботно напевала себе под нос, забыв и о своих страхах, и о тайне...

Марат почти закончил записывать очередной возникший в его сознании эпизод, как зазвонил мобильный телефон. Он не сразу сообразил, что должен ответить.

– Я все еще там, на чертовом рынке... – пробормотал он.

На экране мобильного высветился номер звонившего. Марат сразу собрался, посмотрел на часы. До назначенного времени оставалось десять минут. Он закрыл глаза и постарался расслабиться. Минуты пролетели, как одно мгновение...

Калитин включил ноутбук, пощелкал клавиатурой и уставился на экран. Он внимательно прочитал то, что на нем появилось, выключил машину и задумался.

Постепенно его мысли вернулись к написанному. Марату действительно удавалось избавляться от странных видений, перенося их на бумагу. Но с каждым новым «откровением» его все больше и больше занимал вопрос, какую такую *тайну* он пытался раскрыть? Империя ацтеков давным-давно перестала существовать, Теночтитлан разрушен, древняя цивилизация исчезла с лица Земли. А он все еще решает непонятную проблему?

«Что это может быть? – спрашивал он себя. – Поиски сокровищ? Но ацтеки не прятали своего золота, оно все было на виду. Приходи и бери, что и сделал Кортес. Тайные знания? Не похоже. Тут кроется что-то другое... Если даже предположить невероятное, и эти воспоминания – мои собственные, почему я не знаю, что я искал?»

Марату казалось, что внутри него объявился неизвестный ему, незнакомый человек. Этот человек жил своей жизнью и не собирался делиться секретами с Маратом. У этого, другого человека, была какая-то цель. Он упорно шел к ней, не считаясь с желаниями и помыслами Марата Калитина.

Он находился в полнейшем замешательстве. В его душе, привыкшей к порядку, воцарился хаос.

Он набрал номер Закревской и, без приветствия, без какого-либо вступления, спросил:

– Лина! У меня может быть раздвоение личности?

– Я так не думаю, – осторожно ответила она. – А что случилось? Тебе плохо?

– Это излечимо?

По ее молчанию он понял, что медицина в подобных случаях бессильна...

Глава 14

Памир

В горах потеплело. И Вересов решил осуществить со своей группой первый штурм невысокой вершины. Период акклиматизации прошел нормально, и новички рвались в бой.

– Мы что, загорать сюда приехали? – ворчали они, подставляя лица яркому весеннему солнцу.

– Спешка хороша при ловле блох, – серьезно объяснял Илья. – А горы спешки не любят. С ними нельзя шутить. Тем более, если не знаешь их. Горы требуют к себе уважения. Каждый скалолаз должен воспитать в себе предельную собранность, осторожность, техническую грамотность и полное соблюдение мер безопасности. Особенно на больших высотах и в сложных погодных условиях.

Молодые ребята слушали, но в глубине души не соглашались.

– Мы и так здесь две недели просидели без толку, – возмущался Кострома. – Илья Григорьевич сам все гребни облазил, а нас не пускает.

– Правильно делает, – возразил Потапенко. – Без предварительной разведки маршрута в горы лезть нельзя.

– Зачем рюкзаки так набивать? – вторил Костроме Гоша Марков.

Потапенко посмотрел на него, как на несмышленого младенца.

– И тебе что-то не нравится? – возмутился он. – Илья, в отличие от вас, сосунков, знает, чем грозит остаться на высоте без необходимого запаса продуктов. А вдруг непогода? Он же о вас беспокоится, дурья твоя башка!

– Что за базар? – осведомился Аксельрод, который закончил проверять снаряжение и укладывать палатки.

– Да вот, молодежь бунтует, – усмехнулся Толик. – Рюкзаки, видите ли, слишком тяжелые.

– Так зачем они сюда пришли? Надо было дома сидеть, у мамочки под юбкой.

Гоша с Костромой обиженно замолчали.

– Вы губы – то не дуйте, – не унимался Аксельрод. – Илья вас хочет доставить домой живыми и здоровыми. Вы просто гор по-настоящему не нюхали! Я год назад видел австрийцев на Тянь-Шане. Они тоже решили, что отправляются на приятную прогулку. На восхождение вышли без

рации, без разведки, без продуктов. А при спуске с вершины случилось то, что и должно было случиться при таком отношении к делу. Шли, кто как хотел, без страховки, растянувшись по всему гребню. Один умник отстал, плелся вдалеке от группы, пока под ним карниз не обрушился. Потом пришлось всем этого идиота искать...

– Нашли?

– Черта с два! Мы поднялись к ним, доставили продукты, осмотрели все – нигде ни следа. Ледовый склон, с которого австриец свалился, был таким крутым, что задержаться на нем практически невозможно. Так и погиб мужик. Остальные заблудились, до наступления темноты не смогли выйти к палаткам. Ночевали в снегу, отморозили себе ноги, руки... В общем, было с ними мороки! Если бы на них не наткнулись москвичи, неизвестно, чем кончилось бы.

– Ладно, хватит тебе ребят стращать, – улыбнулся Потапенко. – Погода прекрасная. Правда, в горах она может за пару минут измениться, но будем надеяться, что нам повезет. Пошли.

Он махнул рукой в сторону, куда удалялся Вересов, и размеренно зашагал за ним. Молодые резво пустились вслед, поправляя на ходу тяжелые рюкзаки. Замыкал шествие опытный Аксельрод.

Несмотря на яркое солнце, по мере подъема вверх в горах становилось все холоднее и холоднее. Илья предложил надеть защитные очки.

– Глаза болеть будут, – предупредил он. – Много снега, много солнца... Знаете, откуда у этих гор название Памир? От иранского слова Па-и-Михр, что в переводе означает «подножье Митра».

– Что такое Митр? – спросил Кострома, послушно надевая очки.

– Бог Солнца по-ирански.

– А-а...

На этот раз спорить никто не осмелился. Солнце слепило немилосердно, и в очках идти стало значительно легче.

Спустя два часа группа остановилась на небольшой, покрытой снегом поляне.

– Ну вот, отдохните немного, – сказал Потапенко. – Отсюда и начнем восхождение. Правильно я понял, Илья?

Вересов поднял голову, окидывая взглядом простирающийся под солнцем ледник. Тот оказался каким – то ступенчатым и больше походил на ледопад.

– Правильно, – кивнул он. – На льду и на скалах нужно чувствовать себя одинаково уверенно. Так что это местечко нам как раз подходит. Я его еще три дня назад присмотрел. А повыше, ребятки, там есть скальная

стеночка, градусов шестьдесят.

– Ого! – отозвался Аксельрод. – Не круто для начала?

– А у нас здесь крутые скалолазы, – пошутил Потапенко, подмигнув молодым. – Думаю, в самый раз будет.

Они разбили на поляне палатки, переложили в них часть продуктов, чтобы легче было идти.

– Я пойду в голове цепочки, – сказал Илья.

Подъем на ледник оказался труднее, чем он предполагал. Глубокие трещины, ледяные глыбы и прочие причудливые нагромождения льда то и дело преграждали путь. Первым двинулся Вересов. Он шел на кошках медленно, осторожно, но бесстрашно.

За ледопадом, который группа одолела без происшествий, начиналась крутая скальная стена с участками натечного льда. На подходы к ней ушел почти целый день. Под этой стеной команде Вересова пришлось заночевать. К вечеру поднялся сильный порывистый ветер.

Палатку установили с трудом. Разожгли примус, вскипятили чай, немного согрелись.

– Всем вместе спать теплее будет, – заверил ребят Потапенко.

Ночью ветер дважды срывал палатку, завывал, как стая диких волков. Под утро ненастье чуть улеглось, стихло. Кострома и Гоша спали, как младенцы. Потапенко ворочался, кряхтел. Илья никак не мог уснуть. Он высунулся из спального мешка, шепотом окликнул Аксельрода.

– Саня... ты спишь?

– Как же! Уснешь тут... – глухо отозвался тот. – Тревожно мне, Илюха.

– И мне тревожно...

Страшный грохот заглушил последние слова Вересова. Откуда-то сверху посыпались камни. Сбивая друг друга и ударяясь о скальные выступы, они меняли направление полета, высекая искры...

– Землетрясение! – догадался Илья. – Никому не двигаться. Отсюда бежать некуда...

К счастью, все обошлось. Защищенная каменным карнизом палатка послужила хорошим убежищем. Камнепад прекратился, но альпинистам уже было не до сна. Едва рассвело, принялись за очистку лагеря от камней.

Аксельрод и Потапенко пытались разгрести осыпавшийся на рюкзаки снег, как вдруг...

– Что это? – дрогнувшим голосом спросил Толик, наклоняясь ниже.

Из снега показалась скрюченная человеческая рука.

– Наши где? – не своим голосом гаркнул Аксельрод, оглядываясь по

сторонам.

К ним тут же подбежали Илья, Гоша и Кострома, с ужасом уставились на торчащую из снега руку.

– Ф-фу ты... – с облегчением вздохнул Саша. – Слава богу, все здесь! Я уж подумал...

Общими усилиями тело откопали быстро. Незнакомый бородатый мужчина в красном пуховике был мертв. По-видимому, давно. Его лицо перекосила жуткая гримаса.

– Наверное, сорвался с гребня и замерз, – предположил Вересов. – Найти не смогли. Теперь гору потрянуло, вот труп и снесло вместе с камнями и снегом.

– Это все ты! – взорвался Потапенко, глядя на Аксельрода. – Нечего было болтать про австрийцев! Дурные разговоры перед восхождением – плохая примета!

– Ты прав, – согласился Саня, качая головой. – Какого черта мне надо было вспоминать этих австрийцев?

– Вот-вот... и черта поминай поменьше, – остыл Толик. – И вообще, у нас труп, ребята. Может, вернемся?

– Труп еще хуже, чем дурные разговоры, – подтвердил Илья. – Но мы уже поднялись на ледник... Человек умер давным-давно, а к нам свалился из-за землетрясения. Стоит ли возвращаться?

– Как с ним быть?

– Давайте оттащим его подальше от палатки, завернем и оставим. После спуска со стены сообщим о трупе в базовый лагерь. Мы не сможем сами транспортировать его вниз.

Так и сделали. Гоша с Костромой примолкли, все их недовольство и кураж как рукой сняло. Труп произвел на них удручающее впечатление. Надо сказать, и опытных альпинистов мертвец вывел из равновесия. Все понимали, что это происшествие не сулит ничего хорошего.

Однако Вересов решил продолжать подъем.

Вверх по стене двигались медленно и осторожно, тщательно страхуя друг друга. Каждый метр преодолевали с трудом. К обеду погода испортилась. Небо потемнело, сверху сыпалась ледяная крупа, барабанила по капюшонам штормовых курток.

На крохотной скальной площадке пришлось остановиться на отдых. Вскипятили чай, поели. С новыми силами двинулись вверх, прошли стену благополучно. Спуск, на удивление, начался легко. Даже погода смилостивилась над ними. Все расслабились, и тут, когда в разрыве облаков уже проглянула небесная синева... отроги хребта вновь затряслись.

Высекая искры, полетели камни. Много. У Аксельрода снесло каску с головы. Запоздай он на секунду, не прижмись к скале, был бы еще один труп...

Благополучно добравшись до палатки, альпинисты сами себе не верили. В лагере их ждал еще один сюрприз. Тело неизвестного скалолаза... исчезло.

– Куда он мог деться? – недоумевал Потапенко.

Они обошли маленькую площадку у подножия стены. Мертвеца нигде не было.

– Может, у нас это... горная болезнь разыгралась? – смешно хлопая глазами, предположил Кострома. – Галюники мерещатся?

– У всех? – возмутился Аксельрод. – Не знаю, как вы, а я в своем уме! Труп был. Он лежал вот здесь.

– Что же он, убежал, по-твоему?

Вересов внимательно исследовал снег на краю площадки, где они оставили тело погибшего альпиниста.

– Наверное, во время второго землетрясения его снесло вниз. Теперь не найдешь.

– В базовый лагерь сообщать будем? – настраивая рацию, спросил Потапенко.

– О чем?

– О трупе.

– Интересно получается! Где этот труп-то? – развел руками Саня. – Что мы скажем? Был труп, и нет трупа? Хочешь, чтобы нас посчитали чокнутыми?

– Вдруг его правда не было? – выдавил кривую улыбку Гоша. – А, ребята? Вдруг нам показалось?

– Ладно, – махнул рукой Вересов. – Нет трупа, не о чем и сообщать. Потом решим, как быть.

– Ребята! – воскликнул Потапенко. – База сообщает, было землетрясение, пять баллов.

– Это нам и без них известно. Передай, что у нас все в порядке, – велел Илья. – И давайте спать.

Они поужинали, застегнули палатку и забрались в спальники. Над Памиром стояла холодная, тревожная ночь...

Москва

Самойленко просто раздувался от собственной важности, когда Ангелина Львовна обращалась к нему с вопросами или за советом. Он едва не подпрыгнул от восторга, когда она зашла к нему в кабинет и попросила рассказать подробнее о хрустальном шаре.

– Ну вот! Наконец-то! – ликовал он. – Я знал, что для тебя еще не все потеряно! Раз ты интересуешься шаром, значит, в твоём сознании происходят кардинальные сдвиги...

– Я сварила кофе, – внесла она охлаждающую струю в его жаркий поток. – Будем пить и беседовать.

Самойленко водрузил шар на свой стол и уселся напротив.

– Спрашивай...

Закревская некоторое время всматривалась в глубину шара. За окнами вовсю светило солнце, но того странного золотистого оттенка, как при Ревине, внутри шара не появлялось.

– Из чего он сделан? – спросила она.

– Это прозрачный кристалл кварца, я же тебе говорил.

– Прости, Олег... тогда я не придавала этому значения. Теперь хочу узнать подробнее. Что может этот шар?

Самойленко с важным видом почесал свою бородку и пустился в объяснения.

– Ну... кристаллы имеют тысячелетнюю историю. Они обладают магическими свойствами. Например, кристалл «Череп предсказаний»...

– Олег, – перебила его Закревская. – Говори конкретно о шаре, который стоит тут перед нами. У меня мало времени, через пятнадцать минут придет Ревин.

– Вечно ты торопишься. «Служенье муз не терпит суеты»!

– Я не поэт, а врач, – возразила она. – Говори о том, что мне нужно. Разливаться соловьем и пускать пыль в глаза будешь своим пациенткам. А меня уволь, пожалуйста.

– Ладно, – согласился Самойленко. – Раз ты торопишься... Кристаллы уникальны. Они лечат, их воздействие на чакры^[15] трудно переоценить. Кристаллы способствуют развитию скрытых способностей. Их можно применять в телепатии и предсказаниях будущего. Кристаллы излучают и принимают различные вибрации. Кристаллы...

– Олег! Вот этот конкретный шар что может? Самойленко снова почесал бородку.

– Мой знакомый экстрасенс сказал, что этот шарик принимает энергию как из космоса, так и от человека.

– Как это происходит?

– А черт его знает! – Он закатил глаза и развел руками. – Понятия не имею!

– Зачем же ты выставил в кабинете этот шар, если не умеешь им пользоваться?

– Ну и что же? – возмущенно завопил Самойленко. – Вдруг у меня прорежется понимание? В один прекрасный момент посмотрю на шар и... все!

– Что все?

– Мало ли... Откуда я знаю? Что угодно! Кристаллы могут хранить и передавать информацию. Я нахожусь рядом с шаром, изо дня в день, изо дня в день... Нужно же ему с кем-то общаться? Вот он мне и передаст все свои знания. Больше ведь нет никого!

Закревская не выдержала и захохотала до слез.

– Ой... ну, дай тебе бог здоровья, Олег! Насмешил ты меня!

– А ты не смейся, – обиделся коллега. – Когда мне откроются законы Вселенной, ты еще удивишься! Я буду знать все об устройстве не только нашего мира, но и всех остальных миров. Я...

– Эх тебя понесло, братец, – остановила его Ангелина Львовна. – Ладно, убедил. Можешь дать мне твой шарик на пару дней?

– Зачем?

– Ну, как же? Вдруг и я сподоблюсь Высшего Знания? Нельзя быть эгоистом, Олежек. Господь велел делиться.

– Ты что? – опешил Самойленко. – Ты... серьезно?

– Почему бы и нет? Думаешь, я не хочу знать, как устроены миры?

Он подозрительно уставился на Закревскую, не понимая, шутит она или нет.

– Я не шучу! – решительно сказала она. – Давай шар. Ко мне уже пациент приехал. Слышишь, входная дверь хлопнула?

– А-ага...

Так и не разобравшись в ситуации, Самойленко сам с необыкновенной торжественностью отнес магический шар в кабинет Ангелины Львовны.

– Черт ее разберет... – бормотал он, возвращаясь к себе. – Смеется она надо мной, что ли?

Но Закревская и не думала смеяться над своим коллегой. Ей действительно нужен был шар. Для эксперимента.

Она едва успела успокоиться и принять надлежащий вид, как вошел господин Ревин.

– Рад вас видеть в добром здравии! – радушно сказал он, улыбаясь.

Полный рот золотых зубов сверкнул в солнечных лучах, и на

мгновение Закревской показалось, что у Ревина изо рта пышет огонь. Впечатление было не из приятных.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – указала она на мягкое кресло.

– Вам нравится?

– Что именно?

Даниил Петрович с видимым удовольствием указал на свою золотую челюсть.

– Это.

– Ничего...

– Вижу, что вы не в восторге, – совершенно не огорчился он. – Моя жена даже в обморок упала, когда увидела. Странно, право.

– Что ж тут странного? Сейчас как-то не принято ставить золотые коронки...

– И напрасно! – горячо возразил Ревин. – Напрасно! Меня просто тошнит от фарфоровых зубов. А вас?

– Н-нет. Белые зубы естественнее выглядят.

– Ха! – махнул рукой Даниил Петрович. – Это как для кого.

– Возможно. А у вас что, простите, зубы болели?

– Почему болели? Коронки я для красоты поставил. И не только. Знаете, как жизненный тонус сразу поднялся?

Ангелина Львовна пожала плечами, размышляя, как ей перейти от темы зубов к теме денег. Пора выяснить, куда тратит свои средства милейший Даниил Петрович.

– Наверное, уйму денег стоило это удовольствие? – спросила она.

– Что деньги? Бумага... – Ревин презрительно скривился. – Обыкновенная бумага.

– Вы полагаете?

– А вы что, по-другому считаете? – Он вытащил из кармана портмоне, достал из него купюру, порвал ее на мелкие клочки и подбросил в воздух. – Вот они, ваши деньги! Прах ничтожный. Скажете, нет? Ну, убедите меня в обратном.

Закревская растерялась. И тут ее взгляд случайно упал на шар, о котором она напрочь забыла. В его прозрачной глубине мерцал тот самый золотистый цвет... Она с трудом оторвала взгляд от шара.

– Да... но чтобы заработать деньги, надо потратить усилия.

– Я потратил много усилий, – обрадовался Ревин. – Это вы правильно заметили. Я заработал много, очень много денег. Знаете, в чем беда?

– В чем?

Ангелина Львовна все еще думала о шаре, и слова Ревина пролетали

мимо ее ушей. Только профессиональная собранность помогала ей поддерживать разговор.

– Я работал, вкалывал, как проклятый... и не ведал зачем. Но тогда все были мной довольны. И моя жена, и мой финансовый директор. Никто не возмущался, не интересовался моим здоровьем, не посылал меня к доктору. А теперь... когда я наконец понял, для чего мне нужны деньги, они взбунтовались!

– Кто?

– Маша... Холмогоров... они просто встали на дыбы! Представляете себе?

Закревская промолчала.

– Я понял, зачем я зарабатывал деньги и куда мне следует их потратить, – повторил Ревин. – О, как все взбесились! Они вовсе не рады. Они в гневе! Они говорят, что я болен! Что я идиот!

– Никто не считает вас...

– Бросьте! – перебил ее Даниил Петрович. – Уж кому, как не вам, известно, что обо мне думает моя собственная жена. Да она спит и видит объявить меня неменяемым, недееспособным придурком. Ну уж нет! Такого удовольствия я вам, господа хорошие, не доставлю! Я полностью в своем уме и прекрасно – слышите, вы? – прекрасно отдаю себе отчет, что я делаю и с какой целью. Хочу предупредить вас: прекратите выведывать, ходить вокруг да около, вынюхивать и лезть туда, где вас не ждут. Вы меня поняли?

– Вполне.

– Так вот. Сегодня я пришел объявить вам, что никакая терапия мне больше не нужна. Если я раньше чего-то не понимал, то теперь мне все открылось. Теперь в моем сознании наступила такая ясность, о какой вы и не мечтаете. Просто потому, что вы не знаете, каково это – вдруг прозреть! Когда с глаз падает пелена, и слепой начинает видеть мир в красках! Вам этого не понять...

– Я не ошиблась? Вы заявляете, что сегодня у нас последний сеанс?

– Это у вас последний сеанс! – возразил Ревин. – А у меня – просто последний разговор с вами в этом вашем кабинете.

– Вы уверены, что больше не нуждаетесь в моей помощи?

– Не только в вашей, но и в чьей-либо еще. Так и передайте моей драгоценной супруге!

По мере того как Ревин говорил, желтоватый свет внутри шара то разгорался, то утихал. Закревская краем глаза следила за шаром, стараясь делать это незаметно.

– Что ж... – рассеянно сказала она. – Тогда нам стоит попрощаться и расстаться добрыми друзьями...

– Как вам будет угодно. – Ревин встал и слегка поклонился. – Надеюсь, вы не будете скучать по мне?

– Постараюсь...

Он вышел, а Закревская все еще сидела, не спуская глаз с шара. По мере того как шло время, золотое свечение в глубине шара тускнело, пока полностью не угасло. Наконец шар стал кристально чистым, прозрачным, как и до прихода Ревина.

– Что же это такое? – пробормотала Ангелина Львовна. – Как это понять? Самойленко! – позвала она, надеясь, что тот свободен.

– Ты меня звала?

Олег Иванович развязно зашел и уселся в кресло, заложив ногу на ногу.

– Послушай... Отчего шар может светиться?

– Шар? – Коллега явно не ожидал, что его позвали из-за шара. – Хм... ну, от солнечных лучей, наверное. Или от лампы. А что, он у тебя светился?

Самойленко взглянул на шар, который был девственно прозрачен, и несколько раз моргнул.

– Если на него пристально смотреть, то глаза устают, и... всякое может показаться. Знаешь, гипнотизеры заставляют смотреть на блестящий предмет, и человек невольно впадает в транс.

– Спасибо, о гипнотическом трансе я сама знаю, – вздохнула Ангелина Львовна. – У тебя выпить что-нибудь есть?

– Да-а...

«Странная женщина! – думал Самойленко, отправляясь к себе в кабинет за коньяком. – Странная и... красивая».

Глава 15

Памир

– Ну, и как ты себе это представляешь? Режиссер Бахмет, Борис и пиротехник обсуждали предстоящие съемки взрыва туннеля.

Пиротехник высказывал свои соображения, Борис свои, а режиссер все это выслушивал, посасывая трубку, и вносил коррективы.

– У нас люди в туннеле не задохнутся, если ты столько дыму напустишь? – спрашивал он пиротехника.

– Так вы же сами требуете максимально естественных условий, – вяло защищался тот. – Вам и взрыв подавай, и обвал, и чтобы все происходило не где-нибудь, а под землей. Я даже не знаю, какая там у них система вентиляции.

– Узнай, – злился Борис. – Это твоя работа.

– Сам попробуй узнай! Паршин со мной даже разговаривать не хочет.

– Ты что, не можешь к нему подход найти?

– Не могу! – взорвался пиротехник. – Я практик, а не психолог. А к вашему Паршину подход один – деньги! Набаловался, котяра...

– Если надо будет, заплатим, – спокойно вставил Бахмет. – Но ты пока попробуй вопрос с ним как-нибудь по-другому уладить. У нас и без того большие расходы. Я уже связался с Москвой, чтобы увеличили финансирование.

– Гаврилов небось в бешенстве.

– Ты бы тоже был в бешенстве, – заметил Борис. – Если бы речь о твоих деньгах шла.

Режиссер выпустил изо рта пару колец дыма и сказал:

– У Паршина заместитель есть, помоложе. Надо с ним поговорить. Может, он окажется покладистее.

– Изотов, что ли? Валера?

– Какой он тебе Валера? – возмутился Борис. – Для тебя он Валерий Михайлович. Твоя фамильярность, Коля, ужасает. С людьми так нельзя. Ты еще хочешь, чтобы Паршин с тобой сотруidничал!

– Зато ты у нас специалист по работе с общественностью, – съязвил пиротехник. – Знаток этикета! Меня вот мамка забыла благородным манерам обучить. Я по-простому привык.

– Простота, Коля, хуже воровства.

Бахмет, которому надоела бесполезная перепалка, сердито кашлянул.

– Хватит вам языки чесать. Давайте о деле.

– Так мы как раз о деле, – возразил Борис. – Пусть Николай встретится с Изотовым и поговорит обо всем. По-моему, Валерий Михайлович мужик неплохой.

– Почему опять я? – возмутился пиротехник.

– Тебя, Борис, съемки взрыва тоже напрямую касаются, – обратился к каскадеру Бахмет. – Актеры в трюках участвовать не будут. Не хватало мне еще несчастного случая! Пусть твои ребята делают свое дело. Зачем мы вас сюда везли?

– Ладно, – согласился Борис, бросая сердитые взгляды на пиротехника. – Вижу, что без меня ничего не выйдет. Если туннель окажется сильно задымленным, я за последствия не ручаюсь. Вентиляция, конечно, дело хорошее, но... береженого бог бережет.

– Давайте выдадим людям противогазы, на всякий случай, – предложил Николай.

– Батюшки мои! – всплеснул руками Бахмет. – Как же я сам не догадался? Выдать всем противогазы, и дело в шляпе. Ну, Коля, ты голова! Я тебя в художественный совет выдвину. Мне такие умные во как нужны!

Пиротехник застыл с глупой улыбкой на лице, не понимая, шутит режиссер или говорит серьезно.

– Где я тебе возьму столько противогазов? – заорал Бахмет, переходя от притворного тона к настоящему. – У меня съемочная группа, а не штаб гражданской обороны!

Он стукнул кулаком по столу, что было силы:

– Глафира! Глафира!

Через минуту в приоткрытую дверь просунулась голова администраторши.

– Я вам нужна, Дмитрий Лаврентьевич?

– Глафира, – режиссер уже несколько остыл. – У нас есть противогазы?

Пышнотелая дама бочком протиснулась в комнату и развела руками.

– Откуда, Дмитрий Лаврентьевич? Не предусмотрено.

– Видишь, Коля? – Он многозначительно поднял вверх указательный палец. – Не предусмотрено! Мы не военные действия снимаем, где происходят газовые атаки. Понимаешь, дружок?

– Понимаю, но... надо было предусмотреть, – не сдавался пиротехник. – Взрывы и обвалы тоже могут сопровождаться дымом и

газами.

– Нет, вы посмотрите на него! Он хочет довести меня до инфаркта! – Бахмет схватил трубку и начал с остервенением пускать клубы дыма. – Что ж ты в Москве молчал?

– Меня никто не спрашивал, – отрезал пиротехник.

Воцарилось напряженное молчание.

– У нас есть парочка респираторов... – робко вставила Глафира. – Я захватила. На всякий пожарный случай...

– Оч-чень хорошо! – ожесточенно произнес Бахмет. – Парочка респираторов! Вы меня без ножа режете!

Глафира привыкла к выпадам режиссера, поэтому особо не расстраивалась. Просто стояла и хлопала глазами.

– Нужно разузнать, нет ли у кого партии противогазов, – предложила она. – И попросить.

– У кого это в горах могут быть... А ведь она права! – Борис аж привстал. – Строители! У них наверняка есть. Прокладка туннеля – дело не шуточное, вдруг метан просочится... или еще что. У проходчиков противогазы должны быть, я думаю. Хотя бы десяток.

– Нам этого хватит, – отозвался пиротехник.

Бахмет злобно курил, переводя взгляд с одного участника дискуссии на другого.

– Пусть Коля поговорит с Изотовым, – вынес он свой вердикт. – И насчет противогазов тоже...

Утро следующего дня выдалось ненастное. На вершины гор легли сизые тучи, шел мелкий снег, дул ветер. Лариса подумала, что к туннелю они сегодня не поедут, но ошиблась.

– Собирайся, – разбудила ее Глафира ни свет ни заря. – Ехать пора.

– Куда? Снег же идет...

– Ну и что? Снег на улице, а ребята внутри работать будут.

– В самом туннеле?

– Да. Борис к трюкам готовится, а пиротехники что-то там измерять собираются, рассчитывать. В общем, мы должны помогать, чем сможем.

Лариса нехотя встала, принялась одеваться. Снегопад за окном вызывал желание греться у печки, пить горячий чай, а не тащиться за тридевять земель в надоевшем автобусе.

– Ты Изотова знаешь? – спросила Глафира, когда они наконец выехали на дорогу, ведущую к туннелю.

– Валеру, что ли?

Администраторша своим вездесущим орлиным взором давно

заприметила интерес инженера Изотова к бывшей учительнице Мельниковой. И решила использовать это обстоятельство. Николай слишком резкий, прямолинейный, а к Изотову нужен нежный, дипломатичный подход. Лариса гораздо легче найдет с ним общий язык.

– Ты поговори с Валерой, – как бы между прочим предложила Глафира.

– О чем?

– О разном. Скажи, пусть поспособствует нам в съемках. А то Паршин совсем взбесился. Только и делает, что чинит препятствия.

– Думаешь, Изотов меня послушает?

– По-моему, он тебе симпатизирует...

– Ой! – смутилась Лариса. – Не выдумывайте, Глафира. Просто он воспитанный человек. Не то что Паршин. Хапуга и нахал, каких поискать.

– Вот-вот. Мы уже все эпизоды рядом с туннелем сняли. Теперь нам внутрь надо. А Паршин не пускает. Дни идут, деньги тратятся, а толку никакого!

Мельникова подумала, подумала, и согласилась. Изотов в самом деле оказывает ей знаки внимания. Мелкие, правда, но... выбрать особо не приходится.

– Ладно, – согласилась она. – Я попробую.

– Давай, помощница, дерзай. Если с Изотовым дело выгорит... я тебе премию выбью. Обещаю! – заверила ее Глафира.

Автобус остановился у самых вагончиков, все вышли, с наслаждением разминая затекшие конечности, вдыхая холодный, чистый воздух.

На строительстве их ожидала новость: Паршин слег с жестоким радикулитом и не может подняться с постели.

– Судьба благоволит к нам, – шепнула Ларисе администраторша. – Вон, Изотов идет. Действуй!

Инженер увидел автобус съемочной группы и направился к приехавшим. Он выглядел усталым и подавленным.

– Похолодало, – сказала Мельникова, незаметно подталкиваемая сзади Глафирой. – Вы неважно выглядите, Валерий Михайлович. Как здоровье?

Он махнул рукой.

– Так себе...

Администраторша деликатно отошла в сторону, и Лариса с Изотовым остались вдвоем.

– Что-то не ладится? – участливо спросила Мельникова.

– С этим туннелем с самого начала все не ладится! – признался Изотов. – Дьявольское невезение. Мы его решили прокладывать с

западного и восточного порталов одновременно, чтобы быстрее шло. И на тебе! Нестыковка получилась. Виданное ли дело, чтобы два геодезиста ошиблись? Теперь приходится на ходу все исправлять. Паршин даже слег, так его все достало.

– Да, понимаю. У нас тоже неприятности. Съёмки затягиваются, начальство недовольно. Все не слава богу!

– Вы люди творческие, – улыбнулся инженер. – А мы – технари. Все до сантиметра высчитали, вымерили, а получилось так, будто шли сквозь гору вслепую. Да еще с грунтом возня! То твердый, как черт, то сыплется песком... Ничего не понимаю. Ось туннеля никак не могла отклониться... и все же отклонилась. Как заговоренная эта гора!

– Нам надо взрыв снимать, – гнула свою линию Мельникова. – Вы не могли бы помочь?

– Я? – удивился Изотов. – Каким образом? Я ведь в кино ничего не смыслю.

– Так от вас ничего особенного и не требуется, кроме разрешения. У нас фильм-катастрофа, про то, как туннель обрушился. Понимаете? Нам надо внутри, под землей, отснять еще пару эпизодов.

– Ну... не знаю, – ему было неловко отказывать Ларисе. – По технике безопасности не положено.

– Валера, миленький, – взмолилась Лариса. – Помогите! Мы будем очень осторожны. И каски наденем, и эти... противогазы. У вас есть?

– Что? Противогазы? Есть... немного.

– Вы нам раздайте, на всякий случай. И каски. Ладно? Нам же кино снимать надо! А искусство требует жертв.

– Ох, еще только жертв не хватало! – засмеялся Изотов. – Давайте без жертв обойдемся.

Лариса поняла, что лед тронулся, и приободрилась.

– Покажите мне туннель, – понизив голос, попросила она. – Можно? Проведите экскурсию, лично для меня.

– Для вас?

Инженер был польщен. Экскурсия в туннеле! А что? Тем более для такой интересной женщины, как Лариса...

Москва

В городе, несмотря на весну, по ночам ложился мороз. Утром деревья

стояли все белые, из-за клубящейся морозной дымки призраком виднелся Кремль. На бледном небе золотой луковицей блестела колокольня Ивана Великого. Вода в реке казалась льдисто-серой, студеной.

Калитин и Ангелина Львовна медленным шагом прогуливались по набережной и разговаривали.

– Почки на деревьях не померзнут?

– Не должны, – отвечал Марат. – Северная природа к холодам привыкшая.

Он подошел к одинокому, звонкому от мороза деревцу, пощупал ветки.

– Ну, что?

– Спят еще почки... Кстати, я тебе принес очередной «опус», – небрежно, стараясь не акцентировать на этом внимание, сказал Калитин.

«Опусами» он называл описания эпизодов, приходивших к нему из непонятого источника. Они становились все более явственными, обрастали подробностями, окрашивались эмоциями. Словно захватывающий кинофильм разворачивался в сознании Марата, и он проживал в нем как будто свои собственные трепетные, жаркие мгновения.

– Что ты чувствуешь, когда пишешь? – спросила Закревская.

– Чувствую, что я там живу. Но такого же не бывает!

Она остановилась у парапета, глядя на воду.

– Кто из нас осмелится утверждать, что бывает, а чего не бывает?

– Ты правда не считаешь меня психом? – улыбнулся Марат.

– Разумеется, нет. Что за глупости? – вздохнула она, провожая взглядом плывущие по воде льдинки. – Границы нормальности очень размыты. Психиатрия – сплошные условности, каждую из которых можно если не опровергнуть, то оспорить...

– Спасибо, утешила, – перебил он, заходя вперед и поворачиваясь к ней лицом. – Ну-ка, давай постоим. Значит, происходящее со мной выходит за эти ваши границы? Не бойся, говори.

– В общем, да... Но не стоит пугаться. Любой талант, любое проявление творческих способностей тоже выходит за общепринятые границы. Гениальность таит в себе своего рода... божественное безумие. Оставаясь в границах ума, можно создать только добротную подделку. Истинный шедевр рождается в иных сферах и оттуда приходит в наш мир. Именно поэтому гениальность столь притягательна.

– Ты серьезно?

– Это только мое мнение, – подчеркнула Закревская.

– Может, во мне просыпается гениальный писатель? – пошутил Марат. – Как же мне назвать свой шедевр? О! Придумал. «Семнадцать

мгновений весны»... Как тебе?

– Избито. И вообще, это плагиат.

– Зато популярно. Сразу привлечет внимание.

– На чужих колесах далеко не уедешь.

– Ну во-о-от... – с притворной обидой протянул Калитин. – Так я и знал. Не успел пикнуть, сразу обрушился поток критики. Куда же это годится? Конечно, художника каждый может высмеять...

Так, дурачась и хохоча, они подошли к машине Марата.

– Тебя подвезти?

– Нет, – решительно отказалась Ангелина Львовна. – Я лучше на метро. В прошлый раз мы попали в такую «пробку»...

– Это не моя вина, – оправдывался он. – Я старался. Виноваты урбанизация и гигантомания. Города превращаются в технических монстров, которые пожирают не только чистый воздух, воду и здоровье граждан, но и время. Здорово я придумал?

– Здорово, здорово. Растешь, Калитин. Ладно, я побежала. Пока...

По дороге к подземке она обернулась и помахала ему рукой в белой пуховой варежке.

У входа в офис Ангелину Львовну поджидал Самойленко. Он курил.

– Позвонила твоя пациентка, сказала, что не придет.

– Почему?

– Откуда я знаю? Говорит, заболела. В городе эпидемия гриппа, да будет тебе известно.

Закревская знала про эпидемию. В транспорте люди чихали, кашляли и в ужасе шарахались друг от друга. В магазинах пахло хлоркой, а продавцы стояли за прилавками в масках, которые народ метко прозвал «намордниками».

– Олег! Немедленно приобрети себе «намордник»! – хихикнула она, закрывая за собой дверь кабинета.

– Что?...

Самойленко так и застыл с открытым ртом, машинально бросив в пепельницу недокуренную сигарету.

Закревская включила кофеварку, уселась за стол и достала из сумочки сложенные вчетверо листы с литературными опытами Марата Калитина. Они заинтересовали ее не только с медицинской точки зрения...

XV век, империя ацтеков

...Я понял, что в Теночтитлане мне более делать нечего. Все, что я мог, я узнал. Бедная Шиктони! Кажется, она искренне полюбила меня. Хотя... у них все так пропитано притворством, что надеяться на чистоту чувств смешно. Она поплачет немного и успокоится. А мне следует изменить район моих поисков.

Я заранее предполагал, что всю тайну не может знать кто-то один. Прошло довольно много времени. Они должны были вести себя с величайшими предосторожностями. И они разделили тайну на фрагменты, которые трудно связать друг с другом. Так ее можно до – верить нескольким лицам и чувствовать себя в относительной безопасности. Полного спокойствия все равно не будет. Потому что пока существуют те, кто прячет, будут существовать те, кто ищет.

Сложность хранения их тайны заключается еще и в том, что она слишком важна. Если ею владеет только один, то как быть в случае его смерти? Вдруг хранителя настигнет непредвиденная кончина, и произойдет это в обстоятельствах, когда некому будет передать знание? Последствия могут оказаться катастрофическими. С другой стороны то, что знают двое, уже не является надежно защищенным. Ну, а о троих и говорить нечего. Именно поэтому они изобрели такую сложную систему сокрытия.

Итак, ацтеки владели фрагментом, который стал почти ясен для меня. Увы! Они слишком плохо летают, и золота у них меньше, чем следовало ожидать. Они – хранители косвенных данных. А меня интересуется главное.

Я понял, куда мне нужно теперь направиться. Осталось придумать более-менее достоверную причину, по которой я мог бы покинуть Теночтитлан. Мое исчезновение не должно вызвать никаких толков и поводов для объявления розыска. Следовательно...

План отъезда давно сложился у меня в голове. Всеми виной я объявлю нашу с Миктони интимную

связь. Она испугается, а всем остальным станет ясно, почему я скрылся не только из города, но и из страны. Еще бы! Возможная месть ее мужа, гордого правителя, привела меня в неопиcуемый ужас, и я бежал, не чуя под собой ног. Меня вполне устраивала такая версия.

Миктони, скорее всего, не пострадает. В мое отсутствие установить ее вину будет невозможно. На нее падут ничем не подтвержденные подозрения, а этого слишком мало, чтобы расправиться с женщиной столь знатного рода. В конце концов, почему меня должны волновать ее взаимоотношения с мужем и родственниками? Они сами породили свои обычаи. Не я их создавал.

На следующий день я взялся за осуществление своего замысла...

Все сошло гладко. Через одного из слуг Миктони я назначил встречу дворцовому управителю. Он был главным осведомителем ее мужа, человеком крайне подозрительным и жестоким. Мучимый любопытством, он явился на площадь перед храмом Уицилопочтли. Я ожидал его там, переодетый до неузнаваемости.

Люди толпились у храма в преддверии начала «солнечной мистерии». Огромный золотой диск на вершине святилища был накрыт прозрачной, развевающейся на ветру тканью. Вдоль лестницы выстроились пышно разодетые для церемонии жрецы. В углу площади жались друг к другу предназначенные в жертву пленники, бледные и дрожащие.

Я не торопился. Хотел удостовериться, что шпион, как и было у словлено, явился один. Управитель нервно оглядывался, надеясь рассмотреть меня в толпе. Напрасно. Я двинулся вместе с паломниками и жителями города, приносящими щедрые дары к подножию храма. Многие из них в экстазе вспарывали свою плоть острыми шипами растения магу эй, окропляя кровью ступени храма и свои подношения. Жрецы распевали ритуальные гимны, толпа быстро прибывала...

Подобравшись почти вплотную к управителю, я шепотом поведал ему о коварной измене Миктони, предложив выследить ее и любовника завтра вечером. Я также сказал ему, где можно будет застать нечестивцев, позорящих честь славного рода.

Управитель пытался повернуться, но толпа так плотно сжала его со всех сторон, что он едва шевелил головой. Я же, закончив свою речь, начал проталкиваться к ступеням храма, дабы возложить принесенные дары. Никто не заметил моего маневра, естественно вписавшегося в церемонию. Я исчез, растворился среди сотен таких же, как я, и по истечении некоторого времени покинул площадь...

Наступила очередь Миктони. Мне без труда удалось убедить ее, что мы раскрыты.

– Как же так? – рыдала она. – Что с нами будет?

Она была прекрасна в своем горе! Я почти сожалел о нашей разлуке. Но... близость к тай – не заставляла меня спешить.

– Кто-то следил за тобой, – сказал я. – Мне придется бежать из Теночтитлана.

– О боги! Нет... Может быть, это неправда? Ведь мы были очень осторожны...

– Я тоже не хотел верить. Завтра на месте наших встреч... нас будут поджидать.

– Кто?

Она ломала руки, слезы потоками бежали по ее лицу.

– Не знаю. Наверное, стража твоего супруга...

Назавтра, когда солнце почти опустилось, оставив на небе свой малиновый шлейф, я привел ее к месту наших свиданий. Только в этот раз мы наблюдали со стороны.

– Тише... – шепнул я Миктони. – Молчи, что бы ты ни увидела.

Дворцовый сад быстро погружался в темноту. В назначенный час несколько теней скользнули к потайной двери, которой мы пользовались.

– Это воины, – еле слышно сказал я. – Видишь? У

них в руках боевые топоры.

Она дрожала, не в силах говорить.

«Тени» спрятались у входа, явно кого-то подкарауливая. С ними была одна фигура, закутанная в светлый плащ. «Управитель! – подумал я. – Разумеется, он пожелал лично убедиться. Речь все-таки идет о знатной принцессе, а не о простой горожанке. Тут ошибка может стоить головы».

Миктони прижалась ко мне, вздрагивая всем телом. Она больше не плакала.

– Беги! – прошептала она мне в ухо. – Беги сегодня же, сейчас же!

В высокой траве звенели цикады. На темное небо взошла бледная, тревожная луна...

Глава 16

Памир

Группа Ильи Вересова спустилась к своему первому лагерю, устроенному на покрытой снегом скальной площадке. Здесь было гораздо просторнее. Землетрясение почти не задело этот участок; во всяком случае, оставленные палатки и продукты оказались на месте.

– Черт! Ну и снега навалило! – возмутился Потапенко.

Аксельрод находился в дурном расположении духа. Видимо, сказались пережитые потрясения – найденный и впоследствии исчезнувший труп, камнепад, сбитая камнем каска.

– Прекрати чертыхаться, – сердито сказал он Толику. – Мало тебе неприятностей? Нечего черта поминать. И так накликали...

Потапенко, добродушный увалень, не обиделся.

– Да брось ты, Санек, все уже позади, расслабься.

Илья, слушая их ленивую перепалку, размышлял. Тренировочный поход оказался неожиданно сложным, полным опасных и неприятных происшествий. Чего стоит хотя бы свалившийся в лагерь мертвый альпинист? Жуть... То-то молодые ребята приуныли. И куда только гонор девался?

Пока готовили на примусе горячий ужин, Гоша и Кострома угрюмо молчали.

– Ну, чего носы повесили, молодежь? – пошутил Вересов. – Жизнь скалолаза богата приключениями. Будет что девушкам рассказать.

– Да уж... – буркнул Гоша Марков, не поднимая глаз. – От таких рассказов ночью не уснешь.

– Зато интересно, – не сдавался Илья.

Он старался разрядить обстановку, внести в нее то дружеское веселье, которое после спуска с ледника испарилось. Аксельрод видел его усилия и пришел на помощь.

– Толик, а Толик? – со скрытым подвохом спросил он. – Ты свою коллекцию пополнять собираешься?

– Ну? – не понял Потапенко. – Ты мне хочешь что-то предложить?

– Ага. Тут у нас в группе новички есть. Ребята, вы хотите помочь Толику?

– А че надо? – сонно поинтересовался Кострома.
– Рога нужны!
– Чего?
– У вас девушки есть? – вместо ответа продолжал Аксельрод.
– Есть...
– А чем занимаются девушки, когда их парни отправляются в горы? – со смехом вмешался Илья. – Так что, ребята, проверьте-ка лбы.

Гоша машинально прикоснулся ко лбу, чем привел в восторг всю честную компанию.

– Ты правильно понял, Марков! – захохотал Аксельрод, видя, что его шутка удалась. – Проверь, проверь... рога еще не выросли?

– К-какие рога? – опешил Виталик и тоже потянулся ко лбу.

Теперь уже хохотали все, включая и самого Кострому.

– Саня предлагает, чтобы вы пожертвовали свои рога в коллекцию знаменитого горовосходителя Анатолия Потапенко! – торжественно изрек Вересов.

– Ладно вам, – смутился Потапенко. – Ребята, я действительно собираю рога...

Его слова потонули в новом взрыве хохота.

За чаем Аксельрод поведал, что в коллекции Толика имеются рога не только лосей и оленей, но и рога сайгаков, джейранов и даже горных козлов кийков.

– Чего смеетесь? – возмущался Потапенко. – Я свою коллекцию, между прочим, на выставке показывал...

За шутками и байками вечер прошел незаметно. Когда совсем стемнело, разошлись по палаткам, спать. Вересов не стал назначать на ночь дежурного по лагерю. Происшествие с консервными банками теперь казалось сущей безделицей, не стоящей внимания.

«Подежурю сам», – решил Илья. Он забрался в спальный мешок, но застегивать его не стал, на всякий случай. Рядом захрапел Аксельрод. Они были в палатке вдвоем. Потапенко лег в другой палатке, с Гошей и Костромой.

– Присмотри за ними, – шепнул ему Вересов.

Что-то не давало ему покоя. Может, сказывалось напряжение последних дней: тяжелый подъем на ледник, на стену, землетрясение...

Поначалу Вересов лежал с открытыми глазами, прислушивался. Снаружи гудел ветер, взметая снег и шурша им по стенкам палатки. Постепенно усталость взяла свое. Илья не заметил, как погрузился в сон. Ему казалось, он только что закрыл глаза, как раздался приглушенный

крик...

– Эй, Илюха! – Аксельрод тряс его за плечо. – Просыпайся, брат!

– Что? – вскинулся Вересов. – Кто кричал?

– Не знаю. Ты тоже слышал? Я думал, мне приснилось.

Не сговариваясь, они выскочили в ночную тьму. Около второй палатки, подсвечивая вокруг фонарем, стояли Потапенко и Кострома.

– Кто кричал? – громко спросил Илья. Толик развел руками.

– Гоша исчез...

Вересов, не говоря ни слова, бросился в их палатку и через минуту вышел с пустым спальником в руках. Его лицо выражало глубочайшее недоумение.

– Рюкзак Маркова на месте, – угрюмо сообщил Потапенко. – Мы смотрели.

Аксельрод сбегал за вторым фонарем.

– Куда же он мог деться?

– Гоша спал беспокойно, – сказал Кострома. – Ворочался, кряхтел. Потом вышел... Я подумал, ему в туалет захотелось. Ждал, ждал, пока он вернется... задремал. Сколько времени прошло, не помню. Вдруг закричал кто-то... Я разбудил Толика. Вот...

Потапенко направил свой фонарь под ноги.

– Хорошо, что снег лежит. Должны быть следы.

– Если ветром не замело, – озабоченно заметил Вересов. – Давайте искать. Далеко он уйти не мог.

– Вижу следы! – воскликнул Толик, светя вокруг палатки. – Ведут туда...

Он показал в сторону обрыва. Теперь уже все увидели почти занесенные снегом следы, цепочкой тянущиеся вправо.

Площадка, на которой стоял лагерь, была такая маленькая, что ее обошли с фонарями за десять минут. Маркова нигде не было. Не было его и там, куда вели следы. Они просто обрывались у самого края, и все.

– Кажется, снежный карниз обвалился, – предположил Вересов. – Если так, Марков упал вниз. Самому ему не выбраться.

– Зачем его сюда понесло? – удивился Аксельрод. – Я всех предупреждал, показывал даже этот карниз.

Илья понимал, что ночью спускаться вниз, за Марковым, нельзя. Придется ждать рассвета. Почему Гоша ушел так далеко от палатки? Странно...

– Толик, свяжись с базой, – распорядился Вересов. – Сообщи, что у нас чрезвычайное происшествие. Исчез Марков, предположительно,

провалился в трещину.

– Может, он здесь где-нибудь, – возразил Саня. – А мы зря панику поднимем. Давайте еще поищем.

– Где же он? – тоскливо спросил Кострома. – Куда идти искать?

Они обошли всю площадку второй раз, заглянули в палатки. Маркова не было. Потапенко отправился в палатку Вересова настраивать рацию.

– Идем и мы с ним, – сказал Илья. – Спать уже все равно не будем.

В палатке было тесновато, зато теплее, чем снаружи.

– Есть связь?

– Ничего не получается, – заявил Потапенко. – Наверное, блок питания сел.

– Как это сел? Как он мог сесть?! – занервничал Аксельрод. – Можно подумать, ты только то и делаешь, что болтаешь с базой. Мы рацию почти не включали.

– Не включали...

– Как же питание село?

– Откуда я знаю? – разозлился Толик. – Наверное, рация осталась включенной. Не представляю, как это произошло. Может, во время спуска от сотрясения включилась?

– Какая разница? – положил конец их спору Вересов. – У нас должен быть запасной блок. Где он?

Потапенко пожал плечами.

– У меня точно нету. Саня, вспомни, кому ты его давал? Помнишь, мы перед подъемом рюкзаки перегружали?

Аксельрод задумался, пытаясь вспомнить. Да, все верно, он сам положил запасной блок питания в чей-то рюкзак. В чей?

– Кажется, он у Маркова... Все переглянулись.

– Ну, чего вы на меня так смотрите? – вспыхнул Саня. – Забыл. С кем не бывает? А теперь вспомнил. Почему такой трагизм на лицах? Это ведь Гоша исчез, а не его рюкзак!

– Я принесу, – Кострома поднялся, не дожидаясь указаний Ильи. – Сейчас...

– Сходи с ним. – Вересов посмотрел на Аксельрода и кивнул в сторону Костромы. – Вместе сподручней будет.

– Вы мне не доверяете? – побледнел паренек.

– Нам лучше присматривать друг за другом, – спокойно ответил Илья. – Идите.

Потапенко сделал укоризненное лицо, когда Саня с Виталиком вышли.

– Зачем ты так?

– Прикажешь мне еще и Кострому потом искать? – взорвался Вересов. – В группе бог знает, что происходит! А отвечать мне. Я здесь старший.

Через пару минут ребята вернулись и принесли с собой рюкзак Маркова.

– Смотрите все сюда, – сказал Илья, развязывая рюкзак. – Будем искать вместе. У альпинистов нет традиции рыться в чужих вещах, но... в некоторых обстоятельствах допускается. Гоши нет, и мы не можем спросить у него разрешения.

– Ладно вам, Илья Григорьевич, – смутился Кострома. – Ищите. Мы вам доверяем.

Никто возражать не стал, и Вересов занялся поисками блока питания. Наконец, переложив кучу вещей, он добрался до искомого предмета.

– Ур-р-а-а-а! – завопили присутствующие. – Есть связь!

Потапенко занялся рацией, а Вересов складывал содержимое чужого рюкзака в обратном порядке. Взяв в руки пару теплых носков, он глазам своим не поверил. Из носка что-то вывалилось и блеснуло...

Илья поднял голову. Ребята сгрудились вокруг Потапенко и были увлечены рацией и предстоящим разговором с базой.

Вересов незаметно положил блестящий предмет к себе в карман, собрал рюкзак, завязал его и отставил в сторону.

– Есть связь! – радостно сообщил Толик. – База нас слышит!

Пока он передавал о случившемся, Вересов вышел из палатки, присел на корточки и, загораживая свет полый куртки, включил фонарик. На его ладони лежал блестящий предмет из рюкзака Маркова. Это был золотой самородок размером с перепелиное яйцо...

Москва

Зима не хотела уходить из Москвы. По ночам она сковывала город морозом, заметала злыми, непроглядными вьюгами. Однако март медленно и неумолимо вступал в свои права. По утрам светило яркое солнышко, с сосулек под крышами капало, а люди сменили тяжелые меха на более легкую одежду.

Ангелина Львовна, в коротком полушубке и сапожках, уже собиралась выйти из квартиры, как зазвонил телефон. «Наверное, Марат», – подумала она и сняла трубку.

– Алло, Геля! Это ты?

Звонила Машенька Ревина, взволнованная и недовольная.

– Я, – подавляя вздох, ответила Закревская.

– Так что, Данила отказался ходить на твои сеансы?

– Отказался.

– Как прикажешь это понимать?

– Маша, – серьезно начала Ангелина Львовна. – Психотерапия – дело добровольное. Я никого не принуждаю. Твой муж вправе сам решать, стоит ему посещать мои сеансы или не стоит.

– Ты же видела, в каком он состоянии! Разве он может что-то решать? Надо было не отпускать его!

– Как ты себе это представляешь? – усмехнулась Закревская. – Держать и не пущать? Или, может быть, нам с Самойленко следовало привязать твоего Данилу к стулу? Так он мужик здоровый, крепкий. Еще неизвестно, кто бы вышел победителем. Разгромили бы мне весь офис...

– Ты шутишь, – заплакала Машенька. – А мне не до веселья. Знаешь, какой он мне вчера скандал закатил? Как с цепи сорвался! Вы, говорит, с Холмогоровым заодно. Тот спит и видит заполучить мой бизнес, а ты, дура, ему помогаешь. Вопил, что я хочу его упечь в психушку.

– Разве это не так?

– Он ненормальный! Ему там самое подходящее место!

– Вот видишь? Стоит ли удивляться, что Ревин возмущается? Уверяю тебя, он вовсе не сумасшедший. Твой Данила просто хочет быть самим собой. Прекрати делать из него идиота. Это кого угодно взбесит!

– Хочет быть самим собо-о-ой? – нараспев повторила Машенька. – Кем же он тогда до сих пор был? А? Ответь мне на этот вопрос. Кем Ревин был до сих пор?

Ангелина Львовна задумалась.

– Не знаю... – наконец сказала она. – Человеческая суть загадочна. Откуда взяться пирамидам и всяким там идолам с острова Пасхи? Если бы наука плясала от человека, она давно бы попутно раскрыла все остальные земные тайны.

Машенька громко шмыгнула носом. Такие слова были ей непонятны.

– Извини, это я так... философствую, – усмехнулась Закревская.

– А-а... И что ты мне посоветуешь?

– Я тебе могу подсказать, как следует себя вести. Но боюсь, ты меня не слушаешь.

– Нет, ты все-таки скажи...

Машенька рассчитывала на совет профессионала. Она цеплялась за

подругу, как за последнюю соломинку.

– Оставь Ревина в покое, – заявила та. – Дай ему заниматься тем, чем он хочет. И делать то, что он считает нужным.

– Пусть так и сорит деньгами, да? Он же пустит бизнес по ветру!

– Это его деньги?

– Да-а...

– А бизнес?

– И бизнес его. Что ты хочешь этим сказать? – спохватилась Машенька.

– Только то, что Ревин имеет право распоряжаться своей собственностью.

– Данила болен. Я хочу ему помочь, а ты...

– Он тебя просил о помощи? – перебила Закревская. – Просил?

– Ну... нет. Он не понимает!

– Все он понимает. Это мы с тобой чего-то не понимаем. А Ревин знает, как ему следует поступать. Не надо ему мешать. Во-первых, это бесполезно, а во-вторых... опасно.

– Что ты... Ты меня пугаешь! – пискнула Машенька, снова заливаясь слезами. – Видишь, ты сама говоришь, что он опасен...

– Ничего такого я не говорю. Как профессионал, я тебе со всей ответственностью заявляю, что Данила – нормальный человек. Он немного странен... и только. Я бы назвала это индивидуальными особенностями личности. Люди не могут быть двойниками. Мы все разные. Понимаешь? Нет такого инкубатора, который производил бы души-близнецы...

Машенька бросила трубку. Она не могла смириться с тем, что ее последняя надежда тает, как мартовский снег.

Доктор Закревская тяжело вздохнула, посмотрела на себя в зеркало и вышла. Всю дорогу до офиса она думала о Ревине. И правда, кем он был до сих пор? Кто он теперь?...

Пожалуй, впервые она задалась вопросом: а кто же она сама? Ну... врач, психотерапевт, женщина... и все? Кто она в этом мире? Вокруг есть другие врачи, психотерапевты, женщины... Она – всего лишь одна из них? Люди, как оловянные солдатки, ничем больше не отличаются?...

Эти мысли застали ее врасплох. Она привыкла размышлять о проблемах пациентов. А применительно к себе...

До офиса добиралась на автопилоте. Опомнилась уже в холле.

– Лучше выпью чашку кофе, – пробормотала она, раздеваясь.

Кофеварки на месте не оказалось.

– Самойленко! Олег! – крикнула Ангелина Львовна, хватаясь за

привычное действие, как за спасательный круг.

– Вы меня звали, мадам, или я ослышался? – вежливо поинтересовался тот, просовывая в дверь бородатое лицо.

– Где кофеварка? Ты взял?

– Я замерз, тебя не было...

– Хватит оправдываться. Неси сюда кофе и шоколад. Бегом!

– Много шоколада вредно.

– Жить вообще вредно!

– Понял. Сей момент...

Самойленко исчез, и через минуту появился с кофеваркой в руках и коробкой шоколадных конфет под мышкой.

– Чего ты такая всклокоченная? – спросил он.

Ангелина Львовна прекрасно поняла, что Олег имеет в виду не прическу, а смятение чувств.

– Я бы рассказала, да уж больно скучно...

– Не сомневаюсь, – ухмыльнулся коллега. – Тебе яду налить?

– Кофе, что ли? Умеешь ты, Олег, привнести изюминку в заурядное действие.

– Это не я, это Вольтер сказал: «Вот уже восемьдесят лет, как я отравляюсь этим ядом».

– Прекрасно... в таком случае наливай. Негоже отставать от Вольтера.

Они пили кофе, ели шоколад. Самойленко не преминул рассказать о том, как зерна кофе применяются в гомеопатии.

– Ты и гомеопатией увлекался? – удивилась Ангелина Львовна. – Ну, Олежек, ты уникам!

– Знаю.

В скромности его уж точно нельзя было упрекнуть.

– А золото в гомеопатии применяется? – вдруг спросила она.

– Золото? – Самойленко в задумчивости поскреб свою бородку. – Пожалуй. Если я не путаю, золото наличествует в крови... в ничтожной малости, правда.

– Ты уверен?

– Ага. На меня в последнее время сыплются прозрения. Наверное, шар!

– Какой шар?

– Магический...

Самойленко, кажется, сам был поражен своим открытием. Ангелина Львовна, глядя на его довольное лицо, рассмеялась.

– Нет, ты не смейся! – дрожа от возбуждения, говорил он. – Вот спроси

меня о чем-нибудь...

– Я тебя уже спросила. Золото в гомеопатии применяется?

Доктор картинно закрыл глаза и сосредоточился. А потом начал «вещать»:

– Золото – король металлов! – с пафосом заявил он. – Золотом лечили восточных владык. Золото применял сам великий Парацельс.^[16] И наши врачи его применяют.

– Ты не шутишь?

– Что-о? – Самойленко одарил Ангелину таким негодующим взглядом, что ей стало неловко. – Аурум иодатум! – произнес он, как заморское заклинание. – Йодистое золото! Оно... приостанавливает старость. Вот. И вообще... Золото – первый из открытых человеком металлов. Это металл Солнца и проводник солнечных энергий. Оно отводит порчу и сглаз, усиливает энергетику солнечного сплетения – обрати внимание: *солнечного!* Золото влияет на репродуктивные возможности организма. А в даосской^[17] практике золото почитается как сильнейшее средство для укрепления духа и продления жизни. Сосуды из золота способны обеззаразить даже самую опасную воду и пищу. Думаешь, почему цари ели на золоте? Из-за красоты? Ха-ха! Какое примитивное предположение. Ацтеки были в этом отношении куда умнее...

– погоди, Олег, – перебила его пламенную речь Закревская. – Ты сказал... ацтеки?

– Ну да! Именно ацтеки первые стали использовать золото для лечения и возвращения молодости. Они обкладывали своих старейшин самородками для продления жизни. Они добавляли золотой песок в пищу, а на шею носили золотые амулеты. Знаешь, как ацтеки называли золото? Камень Солнца... Огненный Луч... Дар Богов... Глаз Бога! Золото использовалось в магических ритуалах, дабы привлечь избранных из Царства Света...

На последних словах Олег Иванович как бы споткнулся. Он посмотрел на Закревскую так, будто впервые ее увидел.

– Почему говорят «золотые руки», например? – уже без прежнего пыла продолжал бормотать он. – Или «золотой корень», «золотое сечение», «золотая середина»? А?

Она не сразу нашлась что ответить.

– Откуда ты все это знаешь? Самойленко долго молчал.

– Шар! – снова повторил он. – Я все время нахожусь рядом с ним. Похоже, он передает информацию. Мне в голову стали приходиться

удивительные вещи. Думаешь, я что-нибудь знал о золоте? Ну да, я изучал гомеопатию, но поверхностно, несерьезно... И вдруг, когда ты меня спросила, все явилось в моем сознании само собой. Словно я всегда это знал.

Он был растерян и говорил, не веря в свои же слова.

– Как шар может передавать информацию? – возразила Ангелина Львовна. – Он что, разговаривает с тобой?

– Нет, конечно... Мне кажется, это происходит телепатически...

– И когда тебе в голову стали приходить «удивительные вещи»?

Самойленко закусил губу, пытаясь вспомнить.

– Знаешь... это началось после того, как я давал шар тебе...

Глава 17

Памир. Община гуру Нангавана.

Когда-то давно Учитель сказал ему: «Поднявшись на первый выступ Священной Горы, ты все поймешь». Тогда эти слова удивили и далее немного обидели Чичагова. Неужели он еще чего-то не понимает? После стольких лет *постижения Истины!*

И только добравшись до Памира и взойдя на указанную вершину, далеко не самую высокую, доступную для подъема любому человеку, он догадался, о чем говорил Учитель.

Прозрачный горный воздух кружил голову. Ослепительно белые, сверкающие на солнце вершины застыли в торжественной немоте. Над ними простиралось бездонное, великое небо... Новоиспеченный гуру посмотрел вниз. Там, неизмеримо далеко, деревья казались былинками, бродили по склонам овцы, похожие на точки. Какими крошечными и ничтожными они выглядели с высоты, какими ненужными!

Перед внутренним взором Чичагова, который теперь величал себя Нангаваном, пронеслась вся его жизнь. Короткое детство, учеба в школе, комсомольская юность, институт, научная деятельность, ссоры с женой, зависть коллег... И таким жалким, бессмысленным показалось вдруг все то, с чем он боролся, из-за чего он переживал, неистовствовали едва не получил инфаркт! Таким пустым...

С высоты сия мышьяная возня представлялась мелкой, незначительной. «А ведь это только гора! – подумал тогда Нангаван. – Часть земной тверди. Как же вся наша суэта выглядит с высот небесных?»

И он стал читать Новый Завет, чтобы проникнуть во всю глубину намерений Бога. Оказывается, Иисус тоже поднимался на гору.

«В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу».

Нангаван часто размышлял об Иисусе. С одной стороны, он признавал его авторитетом, а с другой... сомневался. Прямо как Фома. Божественная ли сущность – Иисус?

Где найти ответ на мучивший его вопрос, Нангаван не знал.

Ему ужасно хотелось творить чудеса, подобно Иисусу. Но... как он ни старался, превратить воду в вино ему еще ни разу не удалось. С

мгновенным исцелением больных и страждущих как– то тоже не складывалось. Ходить по воде Нангаван не пробовал, но был уверен, что из этой затеи ничего не получится.

«Как же быть? – размышлял он долгими ночами без сна. – Сказано: просите, и дано вам будет. Значит, я могу попросить у Бога способности творить чудеса? А что? Вот соберусь с силами, поднимусь на Гору и попрошу!»

– погоди, – осадил его внутренний голос. – Ты уверен, что твою просьбу услышит Бог? А вдруг существо, которому ты возносишь молитвы на Священной Горе, вовсе не то, за которое себя выдает? Что тогда? Твоя душа, Нангаван, отправится напрямик к Дьяволу! Ты не боишься?

«Как же во всем разобраться? – мучился гуру. – Кого бы я ни спросил, никто не подскажет мне верного ответа. Мне придется решать самому».

Эта всепоглощающая ответственность, которую не на кого было переложить, пугала Нангавана. Принимать решения самостоятельно оказалось не так-то легко. Учитель умер, а в книгах не написано, как следует поступить. Каждый раз он поднимался на Гору, раздираемый противоречивыми мыслями, и не находил отдохновения в молитве. Да и как он мог его найти? Ведь он даже не знал, кому молится...

Нангаван постигал Истину, чтобы обрести спокойствие, душевное равновесие и гармонию с миром. А что получилось? Священная Гора внесла в его душу смятение, которому он не мог ничего противопоставить.

Сегодня утром ученики опять огорчили его. Один из них пересолит рис, и эта мелочь произвела неожиданный эффект среди членов общины. Новенький встал и заявил, что попробовал съесть пересоленный рис, и в результате его посетило озарение.

– Что же ты сумел осознать? – спросил, на свою беду, Нангаван.

– Жизнь – это маразм! – заявил молодой адепт. – Просто жить, как я жил раньше, – это все глубже погружаться в маразм и деградировать. Поэтому я решил уйти от жизни и поселиться в горах. Но что я вижу? То, от чего я пытался уйти, настигло меня здесь.

– Объясни подробнее...

– Что тут объяснять? – с пугающим равнодушием произнес новенький и высыпал испорченный рис на голову соседа. – Разве не маразм питаться такой гадостью? Да еще и делать вид, что испытываешь неизъяснимое блаженство. Я больше не желаю притворяться! Буду говорить то, что думаю, и делать то, что мне хочется!

По окончании своего монолога он встал из-за стола и вышел вон. Все остальные, за исключением обсыпанного рисом ученика, устали на

Нангавана, ожидая от него разрешения ситуации. Пострадавший же усиленно отряхивался, сопровождая сие действие возмущенным ворчанием.

Гуру опешил. Никакое смирение не поможет, если каждый будет позволять себе подобное безобразие. Однако как же быть? Он изо всех сил старался сохранить невозмутимое выражение лица. Поскольку ничего вразумительного в голову не приходило, Нангаван принялся петь мантры. Это произвело впечатление. Постепенно *шраваки*, один за другим, начали ему подтягивать. Так, в пении мантр, они провели время до обеда.

– Трапезы не будет до завтрашнего утра, – объявил гуру. – Нам следует очиститься. Накопилось слишком много негативной энергии.

Дабы усмирить свою собственную гордыню, он отправился пилить дрова. Уже вторую ночь над горами висели сизые тучи, шел снег. В доме стало холодно, так как из экономии топили только одну печь. Неплохо бы затопить обе.

Во дворе с угрюмым видом ходил вперед-назад, заложив руки за спину, виновник утреннего скандала.

– Пойдем со мной, Женя, – ласково сказал Нангаван.

– Зачем?

– Поможешь мне пилить дрова.

– Маразм! – в очередной раз с глубокой убежденностью произнес Женя, но поплелся за Учителем.

Дрова пилили молча, складывали в поленницу.

– У меня дома паровое отопление, – вдруг сказал новенький. – А я тут пилю дрова. Маразм!

– Хорошо, – кивнул головой Нангаван. – Что, по-твоему, не маразм?

– Все маразм! Абсолютно все...

– Хм... интересно...

– Да врете вы! – беззлобно произнес Женя. – Только вот зачем, не пойму? Ничего вам не интересно. Вам все надоело до чертиков! И мы, и холод, и дрянная еда, и отсутствие удобств, и эти горы... все! А вы делаете вид, будто получаете какое-то просветление. Что это вообще такое – *просветление*? А? Объясните мне.

Нангаван молча складывал напиленные дрова.

«Просветление – это когда знаешь, чего хочешь, – думал он. – Вот Иисус знал. Будда знал. А я не знаю, и этот мальчик не знает. И мои ученики не знают...»

– Молчите? – усмехнулся новенький. – Правильно делаете. Разве притворяться не маразм? Боже! Какая гнусность эта ваша жизнь!

Он обхватил голову руками и пошел прочь. Гуру же молча уселся на сложенные дрова и тяжело вздохнул.

«Пойду ночью на Гору, как делал Иисус, – решил он. – И попрошу просветления. Или хотя бы способности творить чудеса. Должен же я как-то убеждать этих мальчиков? Впрочем, зачем? Какое мне дело до них? В этом и заключается правда. Я забочусь о себе, собираюсь кормить свое эго собственной исключительностью. Быть лучше других! Вот и все мое стремление».

Нангаван сидел на поленнице, пока не замерз. Он занимался самообразованием и покаянием. Но так и не смог избавиться от желания пойти на Гору ночью. Он еще никогда не беседовал с Духом Гор под звездами.

«Как странно я назвал Его, – удивился гуру. – Дух Гор! Прямо язычество какое-то».

Вернувшись в дом, Нангаван застал своих учеников в разгаре очередного «духовного» спора.

– Как же я, по-твоему, должен растопить печь, не пользуясь умом? – возмутился один из *шраваков* – тоненький, лысый паренек по имени Криш.

Кришем его прозвали потому, что он примкнул к общине после долгого «преданного служения» Кришне. От кришнаитов их последователь вынес стойкое отвращение к мясной пище, потребность постоянно перечитывать «Бхагават-Гиту» и пользоваться к месту и не к месту цитатами из сей мудрой книги.

– Раз ты все еще не можешь избавиться от своего ума, значит, ты не достиг высшего понимания, – глубокомысленно заявил Хаким, в меру упитанный мужчина азиатского происхождения.

Он был суфием^[18] и весьма почитал восточную поэзию. Нангаван встретил Хакима в Москве, на представлении тибетских монахов. Там они познакомились и подружились. Оказалось, что у них много общего.

– А ты, значит, представитель высших сфер! – с сомнением произнес Криш, пытаясь развести огонь в отсыревшей печи, которой давно не пользовались. – Зачем же тебе постоянно таскать с собой стихи Омара Хайяма?

– Стихи – это плоды творчества. Они – песня души, а не ума!

– Да, но чтобы их читать, тебе приходится использовать ум, – не сдавался Криш. – Ведь складывать буквы в слова тебя научили в школе.

Хаким не нашелся что ответить и просто отвернулся, изображая снисходительную терпимость.

– Я пытался совершенно отключить ум, – вмешался ученик, которого новенький утром обсыпал рисом. – У меня ничего не получилось. Я варил

рис, пользуясь трансцендентным^[19] сознанием, и... пересолил его. В результате все остались голодными.

Остальные *шраваки* согласно закивали.

– Учитель, – скрывая улыбку, обратился к Нангавану новенький. – Рассудите нас. Если мы не отключаем ум, то пребываем в низших вибрациях. Тогда как если мы его отключаем, то у нас ничего не выходит. Рис оказывается негодным, печь не разжигается, дрова сырые, а в доме царят холод и беспорядок. Разве это правильно?

Нангаван обвел взглядом своих учеников. Все они уставились на него, ожидая ответа.

– «Когда мягкий дождь орошает мою душу, я вижу Будду, не видя. Когда лепесток цветка тихо опадает, я слышу голос Будды, не слыша», – негромко произнес он.

В доме воцарилась тишина. Ученики обдумывали сказанное. А Нангаван мысленно благодарил своего старого Учителя, который неоднократно напоминал ему: «Если тебе задали вопрос, а ты не знаешь ответа... скажи что-нибудь непонятное. Пусть ученики подумают. Пока они сообразят, что ты сказал, они успеют забыть, о чем они спрашивали».

Нангаван уже не раз применял этот чудесный прием, и он всегда срабатывал безотказно. Так вышло и сейчас. Спор прекратился, и каждый занялся своим делом.

Гуру отправился в другую комнату, возлег на деревянный топчан и предался медитации, которая плавно перешла в сон. В этом сне сияющий Дух Гор наделял Нангавана божественными способностями...

Записки Марата Калитина XV век, Южная Америка

Я без сожаления покинул Теночтитлан. Этот город изрядно утомил меня своими жестокими нравами и непрестанно льющимися реками крови. Миктони подарила мне на прощанье коробочку с золотым порошком, за что я был ей премного благодарен. Вдыхая порошок, я ощущал необыкновенный прилив сил, и моя миссия казалась мне легко достижимой.

Путь мой лежал в перуанские Анды, в империю «капаккуна», что означало «великие», «прославленные». Добирался я туда долго, со многими приключениями,

неоднократно рискуя жизнью. Мне приходилось противостоять не только стихии, но и дикой воинственности племен, населявших территории, через которые я следовал. Наконец я оказался почти у цели. Природа страны инков очень красива. Отроги Анд испещрены глубокими лесными долинами и бурными реками, а к югу и востоку простираются высокогорные плато – травянистые долины с жаркими солнечными днями и прохладными ночами.

Я направлялся в Куско – столицу империи, где обитала высшая знать, жрецы и, конечно же, сам Инка – император.

Миктони немного рассказала мне об инках.

– По желтому знаку в небе все узнали о при – бытии Единственного Инка – шепотом сообщила мне она. – С тех пор он правит империей. Инка имеет главного советника: Верховного Жреца Храма Орлов. В этом храме молодые Жрецы готовятся к посвящению в сан Орлов. Когда Единственный Инка отправляется в плавание, жрец с небольшим отрядом воинов и рабов ожидает его парусные суда на скальной площадке. На склоне отрога выбит знак в виде трезубца. Только имеющий сан Орла «Парящий высоко» удостоивается чести увидеть первым и оповестить всех инков о возвращении правителя.

– А куда плавает Единственный Инка? – спросил я.

Но Миктони не ответила. Она приложила палец к моим губам в знак молчания. Тогда я решил перевести разговор на другое.

– Почему вы так любите перья? – задал я невинный вопрос. – Все знатные ацтеки украшают перьями не только свою одежду, но и оружие, жилища, храмы...

Миктони, озадаченная моими словами, широко раскрыла свои удлинённые, вытянутые к вискам глаза и задумалась.

– Ты говоришь так, будто не являешься одним из нас, – наконец произнесла она. – Разве тебе самому не известен ответ на твой вопрос?

Тут я понял, что дал маху, и начал оправдываться.

Близкий отъезд так возбуждал мое воображение, что бдительность совсем притупилась. Нужно было срочно исправлять положение.

– Да, конечно... – пробормотал я, лихорадочно соображая, как выкрутиться. – Но... меня всегда больше привлекала война, ты же знаешь. Я подолгу находился в дальних походах, воевал с дикими племенами. Моя мать родила меня в военном шатре, я вырос в чужих краях. Мой отец преданно служил империи, усмиряя непокорных, захватывая новые плодородные земли, собирая дань и поставляя в Теночтитлан пленных и рабов для жертвоприношений. Мои родители не захотели отправить меня в школу, где Жрецы обучили бы меня истории, астрономии и управлению. Военными навыками я овладел благодаря моему отцу и старшим братьям. Они все погибли...

Я так искусно впал в глубочайшее горе, что Миктони сжалилась надо мной.

– Не продолжай, прошу тебя, – сочувственно поглаживая меня по плечу, сказала она. – Мне не следовало ворошить твое прошлое. Прости...

Я возблагодарил ацтекских богов, что мне удалось завладеть сердцем столь нелюбопытной женщины. Я, разумеется, никак не мог обучаться в школе для детей знати. Я постигал жизнь ацтеков, будучи абсолютно чужим для них. Моя цель привела меня к ним так же, как теперь она властно звала меня дальше, в империю инков.

– Твой брат, кажется, побывал в Куско? – ушел я от опасной темы, в то же время продолжая выведывать необходимые мне сведения.

Миктони не стала интересоваться, откуда я знаю о брате, считая мою осведомленность естественной.

– Да, – подтвердила она мои догадки. – И привез оттуда много интересных вещей. Среди них вот это перо.

Она ловко отстегнула от своего головного убора ничем не примечательное перышко и под – несла его к моим глазам.

– Это перо из Храма Орлов, – шепотом добавила она.

При этом ее лицо выражало глубочайшее почтение и восхищение.

Я не понимал ее благоговения.

– О, легкая косточка крыла рожденных для полета! – начала она молиться, глядя на перо. – Как ты совершенна! Ты чудо легчайшее, и тебя не сломаешь! Твой твердый стержень обеспечивает жесткость там, где требуется поддержка. Но ближе к кончику он становится упругим, как того требует полет...

– Дай мне перо, – перебил я поток ее красноречия, грозящего перейти в молитвенный экстаз. – Я хочу рассмотреть его как следует.

Миктони с величайшей торжественностью передала перо мне в руки. Оглядывая его со всех сторон, я заметил тонкое золотое кольцо, при – крепленное к стержню. На кольце был выбит незнакомый мне символ.

– Это Знак Храма Орлов, – объяснила Миктони, заметив мой пристальный интерес. – Возьми перо себе! Оно убережет тебя от многих бед и проложит тебе дорогу повсюду, куда ты пожелаешь направиться. Береги его. Это магический амулет и залог моей любви к тебе.

Потом она рассказала мне, как жрецы Храма сооружают «мотыльков» и «пеликанов» – примитивные летательные аппараты для жителей империи.

На маленьких вертких «мотыльках» можно прыгать в восходящих потоках воздуха. Они быстро набирают высоту для полета, и для них требуется только одна быstroногая лама.^[20] Я догадался, что ламу использовали для разгона.

«Пеликаны» же служили для перевозки грузов. Их большие широкие крылья обтягивались специальной тканью, пропитанной желчью животных.

– Врат говорил, что они гудят, как кожа барабанов, – хихикнула Миктони. – И ужасно дурно пахнут. Этот отвратительный запах долго не выветривается.

– Выходит, «мотыльки» лучше?

Она помолчала, вспоминая слова брата.

– Не знаю. «Мотыльки» сразу поднимаются в небо, а «пеликану» нужен длинный разгон по земле. Такой длинный, что иногда ему даже не хватает площадки, и лапы, тянущие его, срываются вниз с крутого склона и ломают ноги. Бедные животные...

Я в очередной раз подивился, как это может сочетаться в людях: жестокость к своим братьям и нежная любовь к животным. Равно – душно взирающая на окровавленные человеческие тела с вырванными из груди сердцами, которые скатываются вниз по ритуальным храмовым лестницам, Миктони едва не плачет от жалости к ламам.

– Зато в небе «пеликан» устойчив и парит ровно, – закончила она свою мысль.

Эта юная ацтекская принцесса, как и большинство ее соплеменников, не могла долго печалиться. Тучки, набежавшие было на ее милое личико, тут же рассеялись.

– Твой брат научился летать на «пеликанах» и «мотыльках»? – спросил я.

Миктони засмеялась.

– Разве это можно назвать полетом? Подобные неуклюжие твари годятся только для простолудинов. Мой брат не стал бы даже пробовать.

– Чему же его учили в Храме Орлов?

Она хотела ответить, но тут же опомнилась и зажала рот ладошкой.

– По-настоящему летать умеют только Жрецы... – поднявшись на цыпочки и приблизив губы вплотную к моему уху, прошептала Миктони. – Я слишком много болтаю. Боги не любят этого. Они накажут нас обоих, тебя и меня.

Что ж, она и так рассказала достаточно. Благодаря болтливости моей «возлюбленной», я получил неплохие ориентиры, и мои скитания носили не беспорядочный, а весьма определенный характер. Я мог бы еще долго блуждать по плоскогорьям и долинам, но

случай подсказал мне, что я достиг страны «капаккуна» быстрее, чем ожидал.

Ночами я старался забираться на деревья, устраивая себе ложе в густых кронах. Там меня труднее было обнаружить как людям, так и хищным зверям. Видимость с высоты открывалась прекрасная. Проснувшись одним теплым солнечным утром, я раздвинул ветки и осмотрелся. Внизу, недалеко от скрывающего меня дерева, из-за скалы выскочили и побежали два воина в легких плащах из светлой ткани, с короткими бронзовыми мечами на бедрах. Они направлялись к летательному аппарату, окрашенному в яркий желтый цвет. Я догадался, что это и есть «мотылек». Значит, воины – инки. Они-то мне и нужны!

Воины возились у валунов, отсоединяя ременные тяги. Из расположенной поблизости пещеры рабы вывели лохматую ламу в красивой сбруе, «запрягли» ее, и лама натянула ремень. Под крыльями «мотылька» я увидел прикрепленную корзину, сплетенную из прутьев. В корзину залез человек, и подстегнутая бичом лама рванулась вперед.

«Мотылек» сдвинулся с места, скользнул по камням и поймал крыльями упругую волну встречного ветра. Я невольно залюбовался его полетом...

Ангелина Львовна отложила исписанные Маратом листки и закрыла глаза. Перед ней словно ожила картина давно исчезнувшей жизни. Поразительно! Так описывать ее мог только тот, кто видел все своими глазами. Повествование идет от первого лица, значит...

Как это возможно?

Она набрала номер Марата, и только когда он ответил, сообразила, что уже час ночи.

– Ты спишь?

– Уже нет, – сказал Калитин.

По его голосу было понятно, что он улыбается. Рад ее звонку, несмотря на поздний час.

– Марат, постарайся вспомнить, о какой тайне идет речь в твоих записках?

– Если бы я знал...

– Это многое объяснит.

– К сожалению, ничем помочь не могу, – усмехнулся Марат. – Он мне не говорит.

– Кто?

– Тот, второй человек...

Закревская нервно кашлянула. Кого Марат называет «вторым человеком»?...

Глава 18

Памир

Лариса не хотела признаться себе, что ей нравится Изотов. Ничего в нем нет особенного. Он чем-то напоминал ей директора школы, в которой она преподавала биологию. Такой лее молодой, серьезный и галантный.

Более! Как давно это было – школа, уроки, классный журнал, звонки, шумные перемены, непослушные ученики. Ларисе казалось, прошлая жизнь никогда не вернется. Москва, Мельников, их съемная квартира, вечная погоня за деньгами, достатком... Куда все ушло? Она потеряла интерес к мужу и не могла себя заставить писать ему.

Горы встали непреодолимой стеной между нею и прошлым. Здесь началось что-то другое, новое...

Изотов и Лариса прогуливались недалеко от входа в туннель, разговаривали.

– Сколько вам лет, Валера? – спросила она.

– Тридцать шесть, – вздохнул инженер. – Это моя вторая крупная стройка.

– Вы женаты?

– Был... развелся два года назад. Какой из меня муж? Дома не бываю, все в разъездах да в разъездах. Какой женщине это понравится? Кочевая жизнь по-своему формирует характер, взаимоотношения. Случайные пристанища, случайные знакомства, случайные связи... Все случайное.

Лариса улыбнулась. Ей было приятно узнать, что инженер Изотов – свободный мужчина. Только бы он ее не спрашивал о семье!

– Вы мне обещали экскурсию, – увела она разговор в сторону. – Помните?

– Конечно, – кивнул Изотов. – Хоть сегодня. У вас есть свободное время?

Лариса захлопала в ладоши, как школьница.

– Ой, вот здорово!

– Эй, Панчук, – подозвал инженер низенького, коренастого проходчика. – Дай женщине каску.

– Сей момент.

Проходчик понимающе ухмыльнулся, проворно сбегал за каской и

подал Ларисе.

– Не бойтесь? – спросил Изотов. – Женщины у нас в туннеле еще не бывали. Вы первая.

– Там страшно?

Он задумался, зябко повел плечами.

– Как сказать? Мне поначалу было страшно. Я когда первый раз под землю спустился, думал, больше не смогу. Если наверх выберусь – все! Никто меня сюда силой не загонит! А потом ничего... привык. Но это давно было, еще в Москве, когда мы метро строили. Здесь не так опасно. Скалы, все-таки. А там... мама родная! Толща земли над тобой, темнота и шорохи. Ну, как все это завалится? Куда бежать? Пробрало меня, как положено. Мне тогда проходчики казались храбрецами, настоящими героями. Верите?

– Верю. – Лариса кое-как напялила каску поверх вязаной шапочки. – Мне идет?

– Очень.

Вход в туннель показался ей вратами в преисподнюю – сырой, мрачный, зияющий непроглядной чернотой. Она не сразу заметила, что внутри горят электрические лампочки.

– А это что? – Лариса показала на арочную конструкцию, напоминающую гигантский скелет. – Я чувствую себя, как в горле у динозавра.

– В горле у динозавра? – засмеялся Изотов. – Интересное сравнение. Можно и так сказать. Это тубинги, которыми укрепляется грунт или порода внутри туннеля. Их подгоняют один к другому с точностью до миллиметра. Там, где они установлены, вероятность обвала минимальна.

– Но все-таки возможна?

– Все возможно, – ответил инженер. – Несоблюдение технических требований проходки. Или землетрясение, например. Здесь сейсмически опасная зона. Постоянно встряхивает.

По мере того как они удалялись от входа, Ларисе становилось не по себе. Они с Изотовым шли по туннелю в полном одиночестве. Откуда-то издали доносились приглушенные звуки – стук, голоса, стрекот отбойных молотков.

– Нигде так не чувствуется оторванность от мира, как под землей, – сказал Изотов, уловив ее настроение.

Она промолчала. Подумалось, что если погаснет электричество, то фонарики на их касках будут единственными источниками света, пока не сядут батарейки.

– Представляете, какая махина над нами, какая громадная, необъятная толща? – сказала Лариса, задрав голову. – Просто жуть берет.

– Думайте о чем-то хорошем, – посоветовал инженер. – Есть вещи, которым не стоит придавать значение.

Неприятный рокочущий гул заставил ее вздрогнуть.

– Что это?

– Вентиляцию включили, для продувки пыли, – объяснил Изотов. – Да не бойтесь вы так, Лариса. Люди в туннеле годами работают, и ничего.

– Почему вокруг никого нет?

– Все там, – он махнул рукой в глубину туннеля. – У нас возникли непредвиденные осложнения со стыком. Вы, наверное, слышали. Вообще, с этим туннелем много странностей. Паршин все списывает на горы, а я сомневаюсь.

– В чем сомневаетесь?

– Ну... известно, например, что горы дают сильное уклонение отвесных линий за счет гравитации и плотности скального грунта. Но не до такой же степени? И еще. Я нигде не видел, чтобы проходчики, крепкие, здоровые мужики, вдруг без всякой причины теряли сознание. А здесь это сплошь и рядом. Особенно в одном месте. Я даже сигнальный колышек там поставил. Думал сначала, что газ какой-нибудь просачивается. Оказалось, ничего подобного. Решил сам проверить, но один идти не рискнул. Взял Панчука, говорю ему: «Постой тут, в отдалении. Если меня долго не будет, придешь на помощь». Он согласился. Только, говорит, ты особо не задерживайся, Михалыч. Место худое. Я всех ребят предупредил, чтобы без нужды туда не совались. Сам не пойму, что за штука. Чудно даже.

– Что там может быть? – спросила Лариса, ощущая, как ею овладевает лихорадочное возбуждение.

Изотов пожал плечами.

– Да вроде ничего... Подошел я туда, стою. Все обычное: крепления, порода... Тюбинги там еще не установили, не успели. Поднял голову, вижу, несколько лампочек не горят. Мне электрики жаловались, что в этом месте лампочки постоянно перегорают. Так и есть. Ну, думаю, чертовщина! Насторожился. Присматриваюсь, прислушиваюсь... Ничего. Может, все-таки, газ? Не похоже. И тут... чувствую, плывет все... Дурнота накатила. В глазах темно... сердце прыгает, как бешеный заяц. Не помню, как выполз оттуда. Панчук говорит, я на четвереньках выбирался. Смешно?

– Нет.

– Вот и он не смеялся. Говорит, что еще минут десять хлопал меня по щекам. А сам я ничего больше не помню. Очнулся – надо мной Панчук.

Чуть не плачет от радости. «Напугал ты меня, Михалыч! – говорит. – Я уж не чаял, что ты оклемаешься». Такие дела...

– Да, странно... – согласилась Лариса. – Как же через туннель автомобили будут ездить? Это не опасно? Вдруг какому-нибудь водителю плохо станет?

– Если в том месте надолго не задерживаться, то, наверное, ничего, – с сомнением произнес инженер. – Там ведь шли работы, как положено. Грунт выбирали, крепили, электрику тянули... Нормально.

– Вы своему начальству докладывали, что происходит?

– Кто нас станет слушать? – махнул рукой Изотов. – Знаете, какие средства вложены в это строительство? Да что говорить-то? Если уж разбираться как положено, то надо медиков вызывать, ученых, проводить эксперименты. Кто сейчас на это денег даст? И так все в обрез. Мы обыкновенной техникой безопасности вынуждены пренебрегать. Какие уж тут специальные исследования?

– Пожалуй, вы правы, – кивнула Лариса.

Некоторое время они шли молча. Под ногами похрустывали мелкие камешки, пахло пылью.

– Проходка в этих горах дается тяжело, – первым нарушил молчание Изотов. – Порода то твердая, то сыпучая. Не знаешь, как приспособиться. Зато интересно. Я тут целую коллекцию камней насобирал. У меня еще в институте появилось увлечение геологией. Памир – просто пещера Али – Бабы.

– Вы серьезно?

– Не уверен, везде ли такое изобилие кристаллов, но в горах вокруг туннеля полно всякой всячины. Можно порыться в отвалах породы. Хотите, возьму вас с собой на охоту за драгоценностями?

– Хочу! – повеселела Лариса.

Было видно, что Изотову доставляет удовольствие рассказывать о камнях.

– В пустотах и расщелинах попадается горный хрусталь, – с увлечением продолжал он. – Есть и более редкие минералы: аметист, лазурит, яшма. Вам нравится яшма?

Лариса немного смутилась. В ее сумбурной жизни не было места украшениям и даже мыслям о каких-либо драгоценностях.

– Я не знаю...

– Это мы легко поправим, – обрадовался Изотов. – Вы станете настоящим экспертом. Я недавно нашел здесь даже небесный камень, столь любимый владыками Востока.

– Небесный камень?

– Ну да. Бирюза. На востоке ею украшали все: уздечки, седла, оружие и мебель. – Он помолчал. – А вообще... моя заветная мечта найти благородную шпинель.

– Вы меня потрясаете, – улыбнулась Мельникова. – Никогда бы не подумала, что у вас такое увлечение.

– Считали меня тупым технарем? Ей стало неловко.

– Нет, но...

– Ладно, я не обижаюсь, – вздохнул Изотов. – Кем же еще вы могли меня считать? Все правильно.

Лариса решила направить разговор в прежнее русло.

– Какой камень вам по душе? – спросила она.

– Мне? Гранат... Здесь полно сланцев с россыпями гранатов. Знаете, необработанные камни имеют не тот вид, к которому привыкли любители ювелирных украшений. Поэтому человек, который ничего не понимает в кристаллах, запросто пройдет мимо. У меня полно горошинок граната, похожих на красноватые камешки.

– Покажете?

– С удовольствием, – обрадовался Изотов. – Знаете, поделки из благородной бадахшанской шпинели приводят в восторг знатоков драгоценных камней. Этот минерал известен с древних времен как лал. По преданию, именно лал украшал шапку Мономаха.

Лариса была увлечена разговором, но внутреннее напряжение не проходило. Она заметила, что освещение стало более тусклым.

– Напряжение падает, – успокоил ее инженер. – Обычное дело. Не пугайтесь.

И тут Мельникова вспомнила о задании Бахмета: она должна договориться с Изотовым, чтобы тот пустил в туннель съемочную группу. Она уже говорила об этом, но инженер пропустил ее намеки мимо ушей. Теперь ей предстояло напомнить о своей просьбе.

– Как здоровье Паршина? – как бы между прочим поинтересовалась она.

– Плохо. Еще неделю, как минимум, будет лежать.

– Вот беда, – притворно огорчилась Лариса. – Нам эпизод в туннеле снимать надо. Срочно. Сроки горят. Начальство грозитя неустойку взыскать.

– Придется помочь...

Она ухватила за его слова и добилась обещания через пару дней позволить группе производить съемки в туннеле. Глафира оказалась права:

Изотов не смог отказать Ларисе.

– Покажите мне то самое заколдованное место, – неожиданно попросила она. – Это далеко?

Инженер нехотя согласился. Он уже собирался поворачивать назад.

– Три минуты ходу отсюда, – ответил он.

Внезапно лампочки вверху последний раз мигнули и погасли. Изотова и Ларису обступила крошечная тьма. «Как же так? – удивилась она. – А фонари на касках?» Но и те отказали...

* * *

До рассвета в альпинистском лагере никто не сомкнул глаз. Особенно Вересов. Он решил пока никому не говорить о золотом самородке, найденном в рюкзаке пропавшего Гоши Маркова. Самородок поверг Илью в полнейшее замешательство. Во-первых, где Марков мог его взять? Во-вторых, если нашел, то почему промолчал?

Вересов не первый раз в горах Памира, но о золоте ни от кого слышать не приходилось. Может, он просто такой невезучий? Впрочем, другие ребята обязательно похвастались бы подобной находкой. Шуточное ли дело? Самородное золото!

Многие знали, что на Памире есть медь, свинец, олово, цинковая обманка, драгоценные камни. Но золото?!

Илья никак не мог успокоиться. Он прикидывал, размышлял, сопоставлял, – и не пришел к сколько-нибудь подходящему выводу. Самородок оставался загадкой.

– Ты чего нервничаешь? – спросил Аксель-род. – Я гляжу, ты сам не свой. Из-за Маркова, что ли? Да вытащим мы его! Провал неглубокий...

– Почему он молчит? – перебил Вересов. – Почему на помощь не зовет?

– Мало ли... упал, ушибся... испугался, наконец. Не бойсь, Илюха, достанем мы Гошу. Все будет в порядке.

– А вдруг его там нет?

Аксельрод уставился на Илью непонимающим взглядом.

– Как это нет? Где ж ему еще быть-то? Следы туда вели, там оборвались... И карниз обсыпался. Не мудри, Вересов, не заводи себя понапрасну. Вот развиднеется, сразу и приступим к спасательной операции.

– Что база говорит?

– Они пришлют спасателей. Просили утром передать обстановку дополнительно. Может, у нас что-то изменится.

– Ясно.

На самом деле в мыслях у Вересова никакой ясности не было. Сказать Сане о золоте или нет? Илья чувствовал: есть какая-то связь между самородком и ночным происшествием. Только вот какая?

– Саня... у меня новость, – с трудом выдавил он. – Я кое-что нашел в рюкзаке Маркова.

– Что?

Аксельрод сразу насторожился.

– Смотри...

Илья достал из кармана самородок и показал другу. В едва брезжившем свете золото выглядело как обыкновенный камешек. Аксельрод так низко наклонился, что едва не клюнул носом ладонь Вересова.

– Не разгляжу толком. Дай фонарик!

Илья понял, что мысль о золоте даже не пришла другу в голову. В свете фонаря самородок тускло и зловеще блеснул, как мутный желтый глаз. Аксельрод отпрянул.

– Это что... золото?...

Собственное предположение показалось ему невероятным. Он провел рукой по лицу и снова посветил фонариком. Золото все так же лежало на твердой, загрубевшей ладони Вересова.

– Ты че, Илюха, дуришь меня? – недоверчиво вымолвил Аксельрод. – Нашел время!

– Тихо... – Вересов оглянулся, хотя в палатке они были одни. – Никому ни слова. Только ты и я. Понял?

Тут до Аксельрода наконец дошло: Илья его не разыгрывает, а говорит совершенно серьезно. И самородок на его ладони – самый настоящий.

– Откуда у Гоши золото? – почесывая затылок, спросил он. – Где он его взял?

– Есть три варианта. Первый: золото Марков принес с собой. Почему? Зачем? А черт его знает! Второй: золото он нашел здесь, в горах.

– И промолчал? – не выдержал Аксельрод. – Никому ни слова?

– Саня, это не сланец и не горный хрусталь. Пойми сам. Гоша парень молодой, неопытный... Соблазнился, жадность выиграла. А может, испугался.

– Чего? Что мы его ограбим?

Илья опустил глаза. Ему не хотелось так думать о Маркове.

– Мы должны перебрать все варианты, – сказал он.
– Ладно. Какой третий?
– Самородок могли подсунуть Гоше в рюкзак. Этого Аксельрод уже не вынес.

– Ну, ты, Илюха, даешь! – возмущенно прошипел он. – Совсем того... загнул! Подсунуть! Это кто ж у нас такой прыткий? Мы с тобой отпадаем. Потапенко тоже. Остается Кострома. Главный злодей! Ты хоть сам в это веришь?

Вересов тяжело вздохнул.

– То-то и оно, что не верю. Если золото Маркову подсунули, то, кроме Потапенко и Саворского, сделать этого никто не мог.

– Ты Толика подозреваешь?

– Да никого я не подозреваю! – взорвался Вересов. – Но откуда-то появился самородок в рюкзаке Маркова? Что он, материализовался из пустоты?

Аксельрод молча качал головой. Он понимал правоту Ильи, но соглашаться с ней не хотел.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Пусть будет по-твоему, и золото Гоше подсунули. Допустим, Потапенко или Кострома. Тогда возникает вопрос. Зачем? С какой целью? Спрятать от чужих глаз? Не вижу смысла. А вдруг бы Марков обнаружил самородок и всем разболтал?

– Не знаю...

Илья вынужден был признать, что третья версия лишена логики.

Пока Аксельрод и Вересов пытались разобраться в происшедшем, в горах всходило солнце. По всей восточной стороне неба над сахарными вершинами Язгулемского хребта разлилось розовое сияние. Потапенко и Кострома, не имея представления о том, что они – подозреваемые в деле о появлении самородка, стояли у обсыпавшегося карниза и заглядывали вниз. Маркова видно не было.

– Надо спускаться, – сказал Илья.

– Гоша-а-а! – закричал во все горло Аксельрод. – Гоша-а-а! Марко-о-ов! Ты живой?

Становилось светлее. На бледном небе виднелись облака. Потапенко поднял голову вверх и скорчил недовольную гримасу.

– Надо бы поторопиться, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал он. – К полудню погода испортится.

Вересов уже был готов к спуску. Он стоял и смотрел вниз, в засыпанный снегом и камнями провал. Глубина действительно небольшая. Где же Марков? Почему его не видно?

– Подстрахуй меня, – обратился он к Аксельроду. – Все. Пошел...

Илья спустился быстро и сразу понял, почему они не видели Маркова. Тот упал вниз и съехал по льду за небольшой уступ. Лежал на боку, присыпанный твердыми глыбами снега. К счастью, Гоша был жив, моргал от радости глазами.

– Что ж ты нас так напугал, братец? – бормотал Вересов, умело и ловко готовя парня к подъему. – Почему молчал? Не слышал, как мы тебя звали?

– Я... – голос Маркова сильно охрип, – не мог... потерял сознание... нога... и дышать трудно...

Только теперь Илья заметил, как неестественно вывернута у Гоши нога. Перелом. Надо бы шину наложить... но уже там, наверху.

– Вересов! – раздался сверху крик Потапенко. – Нашел Маркова?

– Да! Все хорошо! Поднимайте... Только медленно, у него нога сломана.

Аксельрод и Потапенко прекрасно справились со своей задачей. Сначала из провала осторожно подняли Гошу, а потом Илью.

– Кострома, тащи что-нибудь твердое!

Потапенко лучше всех умел оказывать медицинскую помощь. Даже вполне профессионально. В юности он работал фельдшером на Алтае. Из подручных средств соорудили шину, зафиксировали ногу и отнесли Маркова в палатку.

– Будем ждать спасателей, – решил Вересов. – Сами мы его с поломанной ногой вниз не спустим. Что база говорит?

– Ребята вышли к нам на помощь, – ответил Толик. – Скоро будут. Погода бы не подвела!

Он с досадой взглянул на небо. Казалось, они все делали быстро, а прошло уже несколько часов. Выглянувшее было солнце скрылось за тучами, обещавшими снег. Похолодало.

– Пойду поговорю с Марковым, – шепнул Илья Аксельроду.

Тот понимающе кивнул.

Вересов забрался в палатку, где лежал пострадавший. Кострома поил его горячим чаем. Гоша кашлял, его глаза покраснели и слезились.

– Саворский, выйди на минутку, – Илья кивнул головой в сторону выхода. – Хочу задать Гоше пару вопросов.

Оставшись с Марковым наедине, он устроился поближе и молча наблюдал, как тот тяжело дышит.

– Гоша, зачем ты выходил ночью из палатки? – наконец спросил он, понизив голос.

– Н-не знаю...

Парень с трудом ворочал языком, его губы обветрились и распухли.

– А ты вспомни. Постарайся.

Марков закрыл глаза, судорожно вздохнул. Илья приложил руку к его горячему лбу, подумал: «У человека жар, лихорадка, а я его мучаю».

– Меня кто-то звал... – прошептал Гоша. – Я... проснулся... вышел...

– Кто? Кто тебя звал?

– Не знаю... испугался я... побежал... Потом... треск, удар... и все...

Вересов решил рискнуть. Он достал самородок и поднес его к лицу Маркова.

– Узнаешь?

Глаза парня блеснули и погасли, красные веки опустились. Он провалился в забытие.

– Гоша! Гоша! – напрасно звал его Илья. – Ты меня слышишь? Очнись...

Неровное, хриплое дыхание было ему ответом.

Через час пришли спасатели, забрали не приходящего в сознание Маркова. Разговаривать особо не пришлось, так как Потапенко определил у Гоши переломы ребер и велел как можно быстрее доставить парня в базовый лагерь...

Глава 19

Москва

Ангелина Львовна в очередной раз поймала себя на том, что думает о Ревине. Странно... Чем больше времени проходило с их последней встречи, тем чаще она задумывалась о муже ее школьной подружки.

Одним пасмурным утром психотерапевт Самойленко сидел в кабинете Закревской и пил кофе.

– Олег, – сказала она. – Ответь мне на щекотливый вопрос.

– Задавай, – с готовностью кивнул он.

– Вот скажи, почему ты о чем-нибудь думаешь? Не хочешь, а думаешь. Самойленко достал сигарету.

– Можно?

– Кури, черт с тобой, – махнула рукой Закревская.

Он закурил, с наслаждением выпуская из ноздрей дым.

– Ну... раз я о чем – то думаю, видимо, у меня есть к этому интерес. Или я разобраться в чем-то не могу. Ум так устроен: он обязательно должен решить задачу. Как иначе оправдать свое существование?

Ангелина Львовна склонила голову набок, прислушиваясь к своему внутреннему отклику. Совпадает это с ее представлениями или идет с ними вразрез?

– У меня пациент был... – медленно произнесла она. – Я часто о нем думаю. Чаще, чем следовало бы.

– Влюбилась! – с восторгом заключил Самойленко. – Наконец-то! А то я стал серьезно опасаться за тебя. Нельзя полностью отдаваться работе. Личная жизнь должна иметь место...

– Хватит чепуху нести, – отмахнулась Ангелина Львовна.

– Ты уверена, что не стрелы Амура причина твоих дум?

– Уверена.

Самойленко выпустил к потолку большую порцию дыма и закатил глаза.

– Тогда... могу предположить следующее. Пациент остался для тебя загадкой. Ты не проникла в его тайну. И теперь твой ум мается в поисках ответа.

Закревская промолчала. «А ведь он прав, – подумала она. – Ох, как

прав. Ревин ушел и унес с собой какое-то новое постижение бытия. Он все о себе понял. А я? Он оставил меня в неведении...»

Самойленко истолковал ее молчание по-своему.

– Слушай, Ангелина, почему бы тебе не выйти замуж?

– Зачем?

Закревская так искренне удивилась, что Олег Иванович опешил. Он считал ее возраст достаточно зрелым для такой вещи, как замужество.

– Затем! Чтобы иметь семью, детей. Избежать одиночества, в конце концов.

– Ты думаешь, брак – лекарство от одиночества? И за кого выходить-то? Женихов поблизости не видать, и годы мои уже не те.

– Выходи за меня, – приосанившись, предложил Самойленко. – Чем я плох?

Она так долго хохотала, что он обиделся.

– Ты восхитителен, Олежек, – вытирая выступившие слезы, выдавила Ангелина. – Спасибо за предложение. Я тебе признательна, честное слово...

– Так ты его принимаешь?

– Нет, конечно. Разве я похожа на даму, которая стремится замуж? Это не для меня.

– Ошибаешься, – горячо возразил Самойленко. – Мы с тобой идеально подходим друг другу. У нас много общего: профессия, характеры...

– ...офис, кофеварка, – дополнила за него Закревская. – Пожалуй, стоит подумать.

– Вот ты шутишь, а у меня, между прочим, серьезные намерения. Я, может быть, давно все обмозговал. Мне не нравятся обычные женщины. Они или неврастенички, или дуры. Ты – самая умная из всех, кого я знаю. Ты уравновешенная, спокойная... красивая. С тобой можно что-то обсуждать, о чем-то договариваться. В семейной жизни это очень важно.

– Олег, – остановила его Ангелина Львовна. – Я не собираюсь замуж. Просто не хочу! Мне по душе моя работа, наука, карьера, а главное – свобода. Я не хочу ни от кого зависеть, ни перед кем отчитываться.

– Я составил наш с тобой сексуальный гороскоп, – заявил Самойленко, не обращая внимания на ее возражения. – Мы – идеальная пара! Такой шанс упускать нельзя.

– А как же любовь?

– Ой, не смейся! – Он докурил сигарету и достал следующую. – Не хватало еще верить в подобные сказки. Мы с тобой взрослые люди, психотерапевты, и лучше других знаем цену так называемой любви.

Временный психоз, иногда в тяжелой форме – вот что это такое.

Закревская не стала спорить. Она и сама была приблизительно такого же мнения. Знакомство с Маратом ничего не изменило, потому что она считала их взаимоотношения чем угодно, кроме любви.

– Знаешь, Олег, я на досуге обдумываю твоё предложение, – усмехнулась она. – Раз ты уже затратил столько усилий, составил сексуальный гороскоп...

– Ты издеваешься! – возмущенно перебил Самойленко. – Ладно, я стерплю. Зато потом, на пороге одинокой старости, тебе придется пожалеть о бесцельно прожитых годах!

Хорошо, что у него было развито чувство юмора. Именно поэтому Ангелина так любила болтать со своим коллегой. О чем бы ни шел разговор, какие бы темы ни затрагивал, Олег Иванович умел перевести все в шутку.

– Как там магический шар? – спросила она. – Продолжает снабжать тебя информацией?

Самойленко сразу принял важный вид. Упоминание о шаре сделало свое дело.

– Инопланетяне вокруг нас... – наклонившись к уху Ангелины Львовны, прошептал он. – Они повсюду. Их интересует наша планета. Только я не знаю чем.

– Это последние сведения? – тем же шепотом спросила она, подыгрывая ему.

– Самые последние.

– И как они выглядят?

– Кто?

– Инопланетяне.

Самойленко с сожалением вздохнул. Этого он не знал.

– Понятия не имею, – пробормотал он. – Но они здесь. Совсем рядом... «Семя бесполезно и бессильно до тех пор, пока не попадет в подходящее лоно».

– Что ты хочешь этим сказать?

Самойленко обожал цитировать философов, излагать доктрины тайных обществ и вообще, блистать своим интеллектом. Поэтому Ангелину удивила не сама цитата, а ее видимое несоответствие предыдущим словам. Но коллега, кажется, не слышал вопроса.

– Почему священные руины связаны с Солнцем? – продолжал он. – Все эти пирамиды на Юкатане и в Египте, могильные холмы американских индейцев, зиккураты^[21] Вавилона и Халдеи, башни Ирландии, гигантские

кольца из камней в Британии и Нормандии?

– Языческое поклонение Солнцу, – попыталась изложить свое мнение Ангелина Львовна. – Древние люди не понимали устройства мира и обожествляли силы природы. По-моему, тут все ясно.

– Я заблуждался так же, как и ты... Но теперь я *знаю*. Солнце! С ним связано абсолютно все! Оно не просто карликовая звезда, вокруг которой вращается наша планета. Оно... – Самойленко едва не задохнулся от избытка чувств, – ... пронизывает все сущее. Вот, например, Геракл, – этот могучий охотник совершает свои двенадцать подвигов, подобно тому, как солнце в путешествии по двенадцати домам зодиакальной ленты совершает благодетельные для человеческой расы изменения. А знаменитый царь Соломон? Что означает его имя? Сол-Ом-Он – есть имя Высшего Света на трех языках.

Самойленко остановился, как будто источник, из которого он черпал вдохновение, иссяк.

– Что с тобой? – спросила Ангелина. – Ты побледнел.

На лице коллеги появилось выражение крайней усталости, изнеможения и бессилия.

– Мне нехорошо, – пробормотал он. – Выйду на воздух. Извини...

Оставшись одна, Закревская решила позвонить Марату. В ее мыслях все смешалось, – Ревин, индейцы, золото, Самойленко с его «откровениями», магический шар, Солнце, Марат и его «записки», – все перепуталось.

Пока в трубке раздавались длинные гудки, она вспомнила, как шар переливался изнутри золотистым сиянием. Или это ей показалось?

«А, ерунда, – без прежней уверенности подумала она. – При чем тут вообще шар? Как он может передавать информацию? Что за глупости? Я попадаю под влияние Самойленко с его дичайшими фантазиями!»

– Привет, – сказал Калитин, узнав ее голос. – Как дела?

– Вроде бы хорошо, но...

Она замолчала. Как ему объяснить?

– Люблю я это твое «но», – усмехнулся Марат.

В другой раз Ангелина Львовна нашла бы множество ответных колкостей. Сегодня ей было не до словесных перепалок.

– Калитин, вокруг меня что-то происходит. Я... перестаю понимать некоторые вещи. Это странно... и непривычно. Наверное, я боюсь.

Последняя фраза вырвалась так неожиданно, что Закревская не успела прикусить язык. А ведь ей правда немного страшно. Но в чем причина беспокойства, она не знает. Когда же оно возникло? Когда же? Пожалуй...

все началось с визита Машеньки Ревинной...

Марат что-то говорил, но она так увлеклась самокопанием, что ничего не услышала.

– ...смогу помочь, – прозвучало в трубке окончание пропущенной ею фразы.

Было неловко просить его повторить сказанное. Лучше прямо перейти к делу.

– Марат, – решительно начала она. – Ты еще не забыл свою прошлую деятельность? Сыскное агентство «Барс» и все такое прочее?

– Разумеется, нет.

– Сможешь оказать мне одну услугу?

– Да, – ответил он, не раздумывая.

– Только... это между нами.

Калитин улыбнулся. Конечно же. Разве бывает иначе? Услуги подобного рода огласке не подлежат.

– Я понял, – ответил он. – Что от меня требуется?

Агентство «Барс» перестало существовать, и Марат поставил точку на частном сыске. Кому-то другому он непременно отказал бы. Но не Лине. Для нее он готов постараться.

– Видишь ли... меня интересует господин Ревин, – призналась она.

– В каком смысле?

– Ну... чем занимается, куда деньги тратит. И вообще... что происходит в его жизни.

– Не так уж мало, – серьезно ответил Марат. – Ревин, Ревин... Фирма «Роскомсвязь»?

– Ага. Помнишь, мы о нем говорили?

– Как не помнить? Данила Ревин, бывший альпинист, скалолаз... Могу я спросить, чем он тебя заинтересовал?

– Не можешь.

– Вот так всегда, – притворно вздохнул Калитин. – Самое главное остается за семью замками.

– Ты сможешь?

– Я уже дал согласие. Придется разузнать побольше о жизни «звезд»!

– Ревин – не «звезда».

– Был когда-то, – возразил Марат. – По крайней мере для меня.

После этого разговора Ангелина Львовна долго думала, правильно ли она поступила. Как чрезмерное любопытство по поводу частной жизни пациентов согласуется с ее врачебной этикой?...

По дороге домой она решила прогуляться. Весенние сумерки навевали

на нее приятную грусть. На улице пахло талым снегом, лужи к вечеру подмерзали, и тонкий ледок хрустел под ногами.

Ангелина Львовна поленилась готовить ужин и рано улеглась спать. Разговор с Самойленко странным образом утомил ее. Во сне перед ней прошла череда солнечных богов – Брахма в Индии, Митра у персов, Амон Ра у египтян, Аполлон у греков...

Записки Марата Калитина XV век. Южная Америка, империя инков

«Мотылек» легко скользил в яркой синеве неба. Впереди него, расправив могучие крылья, парил огромный сизый орел.

Я понял, для чего жрецы Храма Орлов обучали своих птиц. Орлы находили и указывали восходящие потоки воздуха, благодаря которым осуществлялись полеты на «мотыльках» и «пеликанах».

– Смотри, – Амару указал рукой вниз. – Ты должен держать нос «мотылька» в направлении вон той белой линии.

Он толкнул немного от себя шест управления.

Я посмотрел в ту сторону. От склона со знаком трезубца уходила обозначенная на земле белая линия, ведущая к плоскогорью Наска. Даже отсюда был виден сложенный из светлых плит Храм Орла.

Я удивлялся, до чего примитивны их летательные аппараты. Но делал вид прилежного и благодарного ученика. Неуклюжий шест, который исполнял функцию руля, натер мне ладони. Он плохо слушался, и приходилось применять недюжинную силу, дабы изменять направление полета желтого «мотылька». Такая солнечная окраска свидетельствовала, что в плетеной корзине «мотылька» сидит не обычный пилот, а летающий инка высшего ранга.

– Нас видит сейчас все живое в горах, – важно заявил Амару.

Амару руководил сборкой «воздухоплавающих судов» и был приближенным верховного Жреца Храма. Я

познакомился с ним благодаря перу, подаренному Миктони. Увидев Знак на золотом кольце пера, он склонился передо мной в почтительном поклоне и не посмел ни о чем расспрашивать. Символам в этой империи придавалось огромное значение. Слова не гили с ними ни в какое сравнение.

Амару начал обучать меня языку инков. Он, так же, как и ацтекский, напоминал птичье чириканье, но был гораздо благозвучнее. Я же показал ему несколько усовершенствований, которые значительно улучшили летные качества «мотыльков» и «пеликанов». Амару благоговел передо мной. Он с величайшим вниманием ловил каждое мое слово.

Я неплохо изучил «указательные знаки», которыми было испещрено плоскогорье. Они представляли собой стилизованные фигуры вроде трезубцев и линий, а также изображения людей и птиц. Ими были отмечены удобные за – ходы на посадку, «роза ветров» и прочее. «Треугольники» предупреждали о возможном боковом ветре, а «квадраты» – о наилучшем месте приземления. Изображения птиц обозначали места стоянок, а танцующие человечки – опасное отсутствие восходящих потоков.

Заметить эти гигантские рисунки можно было только с высоты птичьего полета и никак иначе.

Мне было интересно учиться у Амару, но я ни на мгновение не забывал о своей главной цели. По ночам я обдумывал, как мне вести себя дальше. С одной стороны, меня влекло в Куско, где правил могущественный Тупак Инка Йупанки. Название его империи – Туантинсуйо – означало «Земля четырех частей». Соответственно, страна делилась на четыре провинции: Кунтинсуйо, Кольясуйо, Антисуйо и Чинчансуйо.

Амару рассказал мне о сказочной красоте «золотого города» Куско, в центре которого находилась Священная Терраса, – площадь Уакапата, – от которой отходили четыре дороги в четыре провинции страны. По его словам, в столице располагались сотни дворцов и

храмов, и самый главный храм – посвященный Богу Солнца Инти.

– Великий Инти ослепляет своим великолепием! – восклицал Амару. – Его лучезарность проникает повсюду! Он вездесущ!

По утрам Амару выходил встречать восход Солнца. Однажды я последовал за ним и подслушал, как он поет ритуальный гимн Богу Инти:

О, небесный шар, лучезарный источник!
Который есть дух сущего, золотое лоно!
Все купается в Твоем свете и поглощает Тебя,
Дабы проявляться!
Да будут благословенны Твои восход, полдень и закат,
Когда Ты, в красном огненном одеянии,
Исчезаешь во тьме ночи,
Чтобы на рассвете снова явиться!
Во всем сиянии своей блистательной славы
Возникнуть, покидая объятия тьмы!

Закончив свои песнопения, Амару долго сидел, уставившись в одну точку. Похоже, он входил в транс, от которого не мог быстро очнуться. Когда он встал и, пошатываясь, побрел к дому, я поспешно вернулся и лег, изображая спящего.

Как ни привлекал меня «золотой город», интуиция подсказывала, что не стоит торопиться. И я ждал. Чего? Провидения, судьбы или чуда.

Я помогал Амару, чем только мог, постепенно завоевывая его доверие, становясь необходимым ему. Я подсказывал, как устранять поломки «мотыльков» и сделать их более легкими в управлении, как улучшить грузовые свойства «пеликанов». Я научил его дрессировать лам и многому другому. По вечерам, когда наступали сумерки, и на потемневшем небосклоне лучезарного Инти сменяла Килья – богиня Луны, – Амару затихал на своем ложе. Он старался скрыть от меня страдания, но тщетно. Когда боль становилась

невыносимой, стоны непроизвольно вырывались из его бледных губ.

– Что с тобой? – однажды отважился спросить я. – Почему ты не спишь и стонешь?

Оказалось, с наступлением сумерек у Амару начинается сильная головная боль.

– Раньше я пил отвар растения Ву, но теперь он мне больше не помогает, – едва слышно прошептал он. – Боль все сильнее терзает меня.

– Закрой глаза и расслабься, – посоветовал я. – Попробую унять твою боль.

Потушив огонь, я устроился возле ложа Амару и нащупал зашитый в пояс плоский кристалл, с которым никогда не расставался. Я повернул кристалл самой большой гранью к Амару, мысленно представляя отсутствие боли в его голове. Очень скоро страдальческая гримаса на лице «летающего инка» разгладилась, стоны прекратились и он глубоко, крепко заснул.

Наутро Амару, свежий и сияющий, пригласил меня к своей трапезе. Рабы приготовили жирную, ароматную рыбу, принесли золотые блюда со спелыми фруктами.

– Угощайся, – радушно потчевал меня «летающий инка». – Это плоды земли «юнгас».

Так Амару называл жаркие влажные предгорья и их обитателей. «Юнгас» проживали на востоке, в джунглях по берегам огромной реки.

– Ты совершил невозможное, – сказал он, прожевав кусок рыбы. – Из моей головы исчезла тяжесть, которая мучила меня с самого рождения. Я впервые спал спокойно и сладко, как младенец. Ты – великий человек!

Амару не спрашивал меня, кто я, откуда и с какой целью прибыл в Туантинсуйо. Перо, отмеченное неизвестным Знаком, давало мне полную свободу и неприкосновенность. Хвала Шиктони! Сколько раз я вспоминал о ней с благодарностью и любовью. Я даже немного соскучился по ней, по ее крепкому, гладкому

телу, горячим губам...

Итак, я повторял свои действия с кристаллом каждую ночь, сделав тем самым Амару заложником своего целительского искусства. Раньше он смотрел на меня с благоговейным вниманием, а теперь – с искренним и беззаветным обожанием.

Все шло своим чередом. Воспитанники жрецов Храма под руководством «летающего инка» ремонтировали и собирали «мотыльки» и «пеликаны», я им помогал. В хорошую погоду мы с Амару летали над пустыней и плоскогорьем Наска, наслаждаясь чудесными видами, а по вечерам баловали себя вкусной едой, вели неторопливые беседы.

Я убеждал себя, что трачу время не напрасно. И мои старания наконец были вознаграждены.

По утрам, после того, как Амару принимался за свой ритуал поклонения богу Солнца, я удалялся в глубь плоскогорья, бродил там в одиночестве, поглощенный разгадкой тайны. Она уже опаляла меня своим горячим дыханием. К тому же мне приходилось делать вид, будто я совершаю ритуалы, посвященные моим богам. Уединение как нельзя более способствовало этому. Во-первых, Амару и все его окружение проникались почтением к отправляемому мной таинственному культу. Во-вторых, опасность разоблачения сводилась к минимуму.

– Твои боги очень могущественны, – однажды сказал мне «летающий инка».

Я не стал разубеждать его.

Как-то раз, вернувшись с одной из таких прогулок, я застал во дворе настоящий переполох. Рабы суетились, бегали туда-сюда, на огне готовилось множество кушаний, а сам Амару вместо обычных в это время занятий с молодыми учениками оказался дома.

– Мы ожидаем Избранного! – заявил он, как только меня увидел.

Я постарался скрыть свое ликование. То, чего я так долго ждал, наконец, свершается.

– Вам выпала такая честь? – спросил я, изображая великое удивление.

Амару скромно опустил глаза, но потом не выдержал и, замирая от восторга, поведал мне о Пророчестве Статуэтки.

– Она сохранила блеск! – прошептал он мне на ухо. – Она сияет, как полуденное Солнце!

Я уже видел подобный ритуал, которым пользовались эти существа, пытаясь привлечь избранных из Царства Света.

Это происходило в одном из подземных храмов Теночтитлана. Рискую быть убитым на месте в случае, если меня обнаружат, я проник в святилище. Внутри храм поражал обилием золота. Желтым металлом были отделаны пол, потолок и стены; множество золотых статуй сверкали в бликах огня. Золото кипело в огромных каменных чашах, куда жрецы опускали глиняную фигурку человека. Произносилось заклинание, и фигурку, покрытую жидким золотом, помещали в специальную нишу. Если со временем статуэтка сохраняла блеск, то это был хороший знак. Он предвещал появление Избранного. Если же фигурка темнела, то ацтеки готовились к худшему.

Инки, как я и предполагал, тоже имели развитую сеть подземных лабиринтов и храмов. Одно из святилищ располагалось где-то неподалеку, в пустыне Наска. Думаю, храмы и прочие культовые сооружения инков соединялись сложной паутиной подземных ходов. Нечего было и надеяться попасть в подземелья без проводника.

Весь вечер Амару рассказывал мне об Избранных.

– Они не рождаются среди нас, – шептал он. – Они приходят из ниоткуда, уже достигшие зрелости, и уходят в никуда, полные сил и энергии. Они не стареют, ибо они – Сыновья Солнца!..

Глава 20

Памир. Община гуру Нангавана.

Нангаван скучал. Вся его предыдущая жизнь казалась ему теперь бесполезными гонками, в которых не было ни страсти, ни смысла. Наверное, так чувствует себя белка, бегающая внутри колеса. Но белки, к счастью, не имеют привычки думать. А вот люди...

Шраваки, проживающие в общине, ожидали от Учителя откровений. Они надеялись с его помощью проникнуть в некий трансцендентный слой бытия, называемый то ли нирваной, то ли просветлением, то ли еще как-то. Они пришли сюда, на гору, чтобы постигнуть Истину, проникнуться ею и положиться на нее. Нангаван сам искренне желал того же. Но как только он, казалось, приближался к Истине, та ускользала. И он оказывался едва ли не дальше от нее, чем в самом начале Пути. О, тогда ему было все так ясно, так понятно! Что же теперь?

Нангаван не знал, кому молиться. Иисус, Будда, Кришна, пророки и философы перемешались в его сознании. Он споткнулся о некий порог, который оказался непреодолимым. Чем сильнее Нангаван жаждал перейти его, тем больше отдалялся от цели. Истина будто затеяла с ним игру в кошки-мышки. Она дразнила, заманивала его, приближалась... а потом пряталась в тень.

Медитация в пещере перестала приносить Нангавану прежнее удовлетворение. Он взялся перечитывать Новый Завет. И там обратил внимание на такие строки: «Ибо мы *отчасти* знаем и *отчасти* пророчествуем; когда же настанет совершенство, тогда то, что *отчасти*, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

– Что же выходит, я все еще младенец? – спросил себя Нангаван. – Значит, все эти годы ушли только на то, чтобы я осознал свою незрелость? Выходит, я только *отчасти* знаю и *отчасти* пророчствую? Ничего удивительного, что я до сих пор далек от совершенства. Я боюсь своих желаний. Я как витязь на распутье, который никак не может выбрать дорогу. Но когда же, когда наконец я стану не младенцем, но зрелым мужем? Когда же снизойдет на меня благодать?

У Нангавана пропал аппетит. По ночам он лежал с открытыми глазами и думал, думал... «Пойду на гору, – вернулся он к своему решению. – Завтра. После заката. Когда все ученики будут крепко спать. Священная Гора поможет мне найти мир в душе. Должна помочь! Иисус ходил на гору беседовать с Богом, и я пойду. Сказано же «просите и дано вам будет». Вот я и попрошу. Так и скажу, что желаю вершить чудеса. Хватит предаваться страху и сомнениям. Нет ничего позорного в том, что я растерян. На вершину простых путей нет!»

Последний аргумент оказался самым весомым. Придя к согласию с собой, Нангаван заснул. Утром его разбудили громкие крики.

– Ты рассыпал соль! – возмущался новенький. – Наверное, опять отключил ум? Если ты еще не научился действовать на более высоком уровне, то изволь пользоваться хотя бы умом. По крайней мере продукты будут в целостности и сохранности. Здесь магазинов нету! Это тебе не Москва, где на каждом углу супермаркет. Теперь прикажешь без соли обходиться?

Тот, на кого ругался Женя Голдин, – длинный, неуклюжий парень в очках, – наклонился и старательно собирал с полу остатки соли. К сожалению, почти вся соль просыпалась в широкие щели между досками.

Неуклюжего парня звали Витя, но все ученики, не сговариваясь, окрестили его Длинным.

– Надо было мешок соли брать, – оправдывался он. – Я говорил.

– Мы и так навьючились, как ишаки! – вмешался Хаким. – Сюда иначе как пехом не доберешься. Накрыться твоим мешком, что ли?

– Пусть Длинный спускается вниз, к строителям, – предложил Женя. – И попросит у них соли. В следующий раз будет аккуратнее.

Остальные сочли такое предложение вполне разумным.

Нангаван решил не вмешиваться. Пусть разбираются, как хотят. Он был поглощен своими мыслями. Представлял, как ночью отправится на гору, вызовет Духа и... Дальше его фантазии натыкались на невидимый предел. Ему становилось страшно. Неприятный холодок пробегал по телу, в голове возникала звенящая пустота.

– Ладно, – сдался неуклюжий Витя. – Схожу к строителям. Только завтра. Сегодня ветер сильный, холодно.

После скудного завтрака все разбрелись кто куда. Криш уткнулся в свою «Бхагават-Гиту», Голдин отправился собирать сучья на растопку, остальные уселись петь мантры.

Нангаван удалился в пещеру. Но сколько он там ни сидел, успокоение не наступало. Наоборот, им все больше и больше овладевало беспокойство.

К вечеру ветер стих. На небо вышла громадная белая луна. Низкие

звезды мерцали над вершинами отрога.

«Пора, – сказал себе Нангаван. – Священная Гора ждет».

Его ноги стали ватными, сердце колотилось. Однако надо было идти. Если он не решится, то выкажет тем самым свою слабость, и Дух не станет его слушать. Трус не достоин Божьей благодати.

Подгоняемый этими мыслями, Нангаван, стуча зубами от холода, пробирался к Горе. В темноте он то и дело оступался, натыкался на камни, осыпавшиеся во время недавнего землетрясения. Свет луны делал окружающее призрачным, зыбким.

Скальная площадка, которую Нангаван облюбовал для общения с Духом, блестела как серебро. Он остановился. Повсюду, куда хватало взгляда, над покрытыми снегом вершинами простиралось черное небо. Горы застыли в сверхъестественной неподвижности. Над мрачным безмолвием горело созвездие Ориона...

Нангаван колебался, произносить слова вслух или нет. Склонившись к первому, он принялся вполголоса звать к Духу. Сначала ничего не происходило. Потом Нангаван ощутил легкое головокружение и тяжесть во всем теле, его сознание помутилось, перед глазами пошли разноцветные круги. Вдруг из самого темного места между двух скал появилось нечто огромное и светящееся... Веки Нангавана налились свинцом, но он изо всех сил старался смотреть. Днем он никогда ничего подобного не видел.

– Господи! – непроизвольно вырвалось из его уст. – Господи! Спаси и помилуй!

Он несколько раз торопливо, дрожащей рукой, осенил себя крестным знаменем. Огромная, жуткая фигура продолжала расти, словно гигантский золотой гриб.

Нангаван не выдержал и зажмурился. Ему хотелось броситься прочь, но тело перестало слушаться. Ноги приросли к месту, руки повисли вдоль туловища, как плети. Теперь он не мог даже перекреститься. Сердце прыгнуло вниз, потом метнулось к самому горлу. Нангаван деревянными губами бормотал заранее заготовленные просьбы...

Откуда ни возьмись, пришло понимание: Дух удивлен, Он просит повторить.

– Дай просветления, о всемогущий! – пересохшим ртом забормотал Нангаван. – Дай чуда! Надели святым даром вершить невиданное!

Сияние стало нестерпимым. «Око Бога сожжет тебя, если ты усомнишься или испугаешься, – вспомнились слова старого Учителя. – Огонь Истины беспощаден».

Нангаван хотел закрыть лицо или отвернуться, но не смог пошевелить

и пальцем. Ледяной озноб сменился жаром, тусклая пелена покрыла сознание...

Впоследствии Нангавану так и не удалось восстановить в памяти, как он добрался до пещеры. Ему казалось, что, когда наступило беспамятство, он упал, – там же, где стоял, посреди скальной площадки. Очнулся на рассвете в пещере, с трудом приходя в себя. Все тело болело, ныла каждая косточка, каждый мускул. В голове стоял шум, перед глазами – беспорядочное мелькание.

«Неужели я здесь уснул? – удивился Нангаван. – Усталость и напряжение свалили меня, помешали исполнить задуманное. Я собирался пойти на Гору, а сам остался в пещере. Как же так?»

Он, кряхтя, поднялся, разминая замерзшие руки и ноги. Хорошо, что он тепло оделся. Сколько же прошло времени? Нангаван сделал несколько шагов. Тело плохо слушалось. Надо было идти в дом, согреться у печки, выпить горячего чаю.

В глазах понемногу прояснялось. Вход в пещеру позолотили яркие солнечные лучи. Под ногами что-то блеснуло. Нангаван, кряхтя, присел на корточки. Прищурился. Действительно сверкнуло, или ему показалось? Он протянул руку к привлекаемому внимание камешку. Что это? Золото?...

Нангаван поднес камешек к лицу. Пальцы его дрожали. Маленький золотой самородок, похожий на круглую ракушку, таинственно мерцал в утреннем свете.

У Нангавана перехватило горло. Неужто свершилось? И самородок – то самое чудо, которое он вымолил у Священной Горы? Не может быть!

Нангаван еще и еще раз подносил камешек к глазам и даже зачем-то попробовал его на зуб. Золото! Это было настоящее золото! Его ни с чем не спутаешь.

– Но ведь я не ходил на Гору! Я уснул в пещере... Мне все приснилось! Мой сон продолжается...

Он долго разговаривал сам с собой, пытаясь прийти к какому-нибудь выводу. Он вертел кусочек золота так и сяк, выносил его на свет, прятал в темноту, подбрасывал, гладил и нюхал. Золото оставалось золотом.

Нангаван почувствовал, как его душа возносится в рай. Он опьянел от восторга. Высшие Силы наделили его чудесным даром, который и не снился многим просветленным! Во всяком случае тем, кого он лично знал. Даже его Учитель не мог сотворить ничего подобного.

Мысли Нангавана метались, как дикие кони на весеннем лугу. Значит, он таки ходил на Гору, он не побоялся и получил заслуженную награду. Он обрел величие, о котором не смел и мечтать! Золото – небесный металл,

застывшая кровь Солнца – отныне в его власти! Он – властелин мира!

Бурный восторг Нангавана перешел в экстаз, и тут... внезапно сменился ледяным ужасом. Перемена наступила столь стремительно, что его тело свела судорога, липкий пот потек по спине. Страшная догадка молнией пронзила сознание. Это чудное, великолепное, потрясающе прекрасное золото могло быть даром... *дьявола?!*

Сразу же ум услужливо начал подсовывать одно доказательство за другим. Сколько горя принес людям «солнечный металл»! Из-за золота веками лились слезы и кровь. Друг предавал друга, брат поднимал руку на брата, дети – на родителей. Золото заставляло совершать коварные убийства и начинать войны. «Златой телец» искушал святых, сеял зависть, раздоры и вражду. Значит...

Нангаван внутренне похолодел. Он уже *принял дар*, отказываться поздно. Сделка состоялась, и ничего не изменишь. Получается, он продал свою бессмертную душу Сатане?... Что же теперь будет?

– Дьявол просто так не раздает свои подарки, он явится и потребует служить ему, а не то...

– Господи! – Нангаван упал на колени и зарыдал. – Я погиб! Я попался, как самый последний невежда! Я оказался слеп и глух! Я, как идиот, купился на обещание чуда!

Он бросил самородок, как будто тот жег ему руку, и выскочил из пещеры.

Солнце уже ярко светило, растапливая остатки льда и снега. По камням весело журчали ручейки, и только на душу Нангавана легла темная, холодная ночь. Он внутренне замер, и ни теплые солнечные лучи, ни чистота и прохлада воздуха, ни синее-синее небо не смогли растопить это оцепенение.

На негнущихся ногах Нангаван побрел к дому. По дороге он бормотал себе под нос не то молитвы, не то слова покаяния. Внезапно он остановился, оглянулся, как затравленный зверь, и бегом припустил обратно.

В пещере посветлело. На усыпанном мелкими камнями полу все так же лежал золотой самородок. Нангаван наклонился, поднял его и бережно положил в карман...

Москва

– Марат Анатольевич! Вам кофе или чай? Голос Ирочки вывел Калитина из задумчивости.

– Чай, пожалуйста, – рассеянно ответил он. – С лимоном и без сахара.

Ирочка разозлилась. Она встала ни свет ни заря, побежала в парикмахерскую, сделала прическу и маникюр, надела новую юбку, а он ничего этого не заметил. С мужчинами можно потерять всякое терпение!

Обиженно стуча каблучками, приемщица принесла шефу поднос с чашкой, чайником и блюдечком, на котором красиво разложила нарезанный лимон. Разумеется, никто не оценил ее стараний. Наливая чай, она наклонилась, чтобы Марат мог увидеть ее грудь в соблазнительном декольте блузки. Но он и бровью не повел.

Ирочка окончательно рассвирепела. Она даже позволила себе хлопнуть дверью, покидая кабинет начальника.

Калитину же было не до нее. Все его внимание занимали две вещи: видения некой «параллельной» жизни, последовательно разворачивающиеся перед ним, и просьба Ангелины Львовны проследить за Ревиным.

Первое сначала приводило его в ужас, а потом увлекло. Он втянулся в эту вторую жизнь, основательно вошел в роль и теперь уже не мог полностью разграничить реальное и воображаемое. Он считал свои литературные опусы прихотливой и необычной игрой воображения, с которой постепенно срастался.

Второе его несколько шокировало. То, что Закревская решила навести справки о своем пациенте, неприятно поразило Марата. Почему она обратилась именно к нему? С другой стороны, она знала об агентстве «Барс». К кому еще ей было обращаться? Частный детектив содрал бы с нее кругленькую сумму.

«Должно быть, я просто ревную, – заключил он. – Меня бесит, что она заинтересовалась Ревиным, вот и все...»

Марат пил крепкий горячий чай, не ощущая вкуса. Он не понимал, что его так взбудоражило. Ну, попросила Лина разузнать кое-что о Ревине. В конце концов, он всегда рад ей помочь и сам неоднократно предлагал свои услуги. Но...

Калитин запутался. Мысли его бродили, словно молодое вино. Что-то его во всем этом настораживало. Каким-то внутренним чутьем он улавливал связь между своими видениями, Ревиним, и еще чем-то глубоко скрытым. Это скрытое пугало.

«Я что, боюсь? – недоумевал он. – Кого? Чего?»

Он решительно поднялся, вышел из-за стола, накинул куртку и

отправился по делам.

Первый месяц весны подходил к концу. На тротуарах стояла вода. С крыш свисали плачущие сосульки. Кое-где из-под снега показалась прошлогодняя травка. Крашенные фасады домов нарядно смотрелись в лучах мартовского солнца.

Уладив несколько текущих проблем, Калитин занялся просьбой Ангелины Львовны.

Он заранее созвонился с бывшей осведомительницей, которая теперь работала менеджером в фирме Ревина. Оксана Тесленко обрадовалась предстоящей встрече. Она была слегка влюблена в Калитина.

Маленькое кафе, в котором Марат назначил ей свидание, было домашнему уютным. Здесь пекли пироги по старинным рецептам, готовили квас, сбитень, превосходную окрошку и настоящие русские пельмени.

Оксана, высокая, стройная черноглазая женщина, почти не изменилась.

– Сколько мы не виделись? – спросил Калитин.

– Года три...

Он удивился. Неужели столько времени пробежало?

– Ты стала еще красивее.

Она печально улыбнулась. Compliment явно запоздал. Когда-то она бы много отдала за то, чтобы Марат оказывал ей знаки внимания.

– Я вышла замуж, – просто сказала она.

– Поздравляю...

Оба испытали минутную неловкость, которая быстро рассеялась.

– Теперь у меня скучный пожилой муж и пасынок, – добавила она без всякой позы, доверительно, как близкому другу. – Зато все, как у людей: семья, квартира, дача в Подлипках... достаток.

Она умолчала о том, что пасынок – долговязый, нескладный подросток, буквально изводил ее своими злыми выходками. Приходилось терпеть. Брак по расчету имеет свои плюсы и минусы.

– Что тебе заказать? – спросил Марат. Она пожала плечами.

– Что хочешь.

– Тогда давай попробуем здешние пельмени и... сбитень. Помнится, он тут потрясающе хорош.

– Сбитень?

– Это горячий напиток из меда с травами.

– Ни разу не пробовала.

За едой они вяло переговаривались о том о сем. Незаметно Марат повернул разговор в нужное ему русло.

– Как тебе работа менеджера в «Госкомсвязи»?

Оксана оживилась. Она пришла на фирму два года назад, но была в курсе всех дел. Любопытство, переходящее границы дозволенного, – именно это качество когда-то привлекло к ней Марата.

– Платят хорошо, – сказала она. – Но и вкалывать приходится до седьмого пота. Раньше шеф все соки выжимал, а теперь Холмогоров из нас веревки вьет.

– Тебе кто из них больше нравится?

– Мне? – Она задумалась. – Никто. Ревин раньше на все праздники банкеты устраивал за счет фирмы, больничные исправно оплачивал, отпуска. Потом его как подменили...

– Характер испортился?

– Не знаю... Что – то у нас происходит непонятное. Сначала банкеты отменили, сокращение устроили. Холмогоров закручивает гайки. И это еще не все. Обычно нам за хорошую работу премиальные выплачивали, а сейчас вот уже месяц зарплату задерживают. Ревин в офисе почти не показывается, будто ему на все плевать. Зато Холмогоров зверствует: бегаёт, орёт на всех. Недавно у него сердечный приступ случился. Я думала, хоть после этого успокоится. Куда там! Еще злее стал.

– Нервничает? – сочувственно спросил Марат.

– Ага. Он же финансовый директор. У меня приятельница в бухгалтерии работает, так я ее спрашивала, почему зарплату не выдают. Оказывается, у фирмы серьезные проблемы с деньгами. Под угрозой контрольный пакет акций. Самое удивительное, что Ревину все по барабану! Как будто «Роскомсвязь» не его собственность.

– Он один владеет компанией?

– Есть еще соучредители, акционеры, – все богатые, влиятельные люди. Как же Холмогорову не нервничать? Если «Роскомсвязь» разорится, то может полететь его голова. Партнеры церемониться не будут, они за свои бабки горло перегрызут.

– Что же Ревин, не понимает этого?

– Вот и я удивляюсь! – Оксана разволновалась. – Закурить есть?

Марат достал сигареты, зажигалку. Она сделала несколько затяжек и тяжело вздохнула.

– Дела так плохи?

– Очень плохи, – она наклонилась вперед и понизила голос. – Ходят слухи, что у шефа «крыша поехала». Ну, будто бы он дошел до ручки и... в общем, сам транжирит деньги. А куда, на что, никто не знает. У него все компьютерные коды, пароли, и он что хочет, то и делает. Соучредители еще

ничего не подозревают. Один Холмогоров за голову хватается. Что будет? Надо новую работу искать.

– Могла бы и дома посидеть. У тебя же супруг состоятельный. Кстати, ты еще Тесленко или сменила фамилию?

– Сменила. Теперь я Минкина.

– Значит, домохозяйкой быть не желаешь?

– Не желаю.

Она замолчала. Напоминание о муже окончательно испортило ей настроение.

– Когда ты видела Ревина последний раз? – осведомился Марат.

– Фу... ты чего так спрашиваешь? Будто его убили... Он жив, я надеюсь?

– Да жив, жив... Просто ты сказала, что у него «крыша поехала». Это внешне как-то проявляется? Ну, там... поведение странное, неадекватная реакция.

Оксана курила, вспоминая.

– Вроде нет... Внешне никакие заметно. Чисто логически не вяжется: раньше человек болел за свой бизнес, старался. А теперь, когда фирма под угрозой, ему все равно. Разве это нормально?

– Почему ты решила, что Ревину все равно?

– Будь это не так, он бы предпринимал что-то, переживал. Совещания бы собирал экстренные, нервничал, как Холмогоров.

– Выходит, Ревин спокоен?

– Не то слово... Он просто сияет, как начищенный пятак! Ходит и улыбается во все свои золотые зубы. Как будто подарок получил от Деда Мороза.

Калитин проводил Оксану к машине, восхищаясь по дороге ее красотой и неувядающей молодостью.

– Да ладно, – сказала она на прощание. – Знаю ведь, что врешь. Но все же приятно. Зачем видеть-то хотел?

– Соскучился.

– Опять врешь. Наверное, тебя «Роскомсвязь» интересуется. Угадала?

– Почти, – улыбнулся Марат.

Из кафе он поехал на Тверскую, к бывшему товарищу Ревина по альпинизму. У самого дома зашел в гастроном, купил коньяк и закуску.

Бывший скалолаз выглядел богатырем. Калитина встретил радушно, без излишней подозрительности. То, что человек интересуется альпинизмом, казалось ему само собой разумеющимся. Поговорили о знаменитых горовосходителях, выпили по рюмочке, потом еще по одной.

Марат назвался журналистом, который пишет статью о скалолазах. Постепенно, не форсируя разговор, он мягко перевел его на Ревина. Дескать, альпинисты – настоящие мужики, и в горах, и в бизнесе могут себя показать. Нигде не оплошают.

Собеседник с сомнением кивнул. Кроме Ревина, ни один из его товарищей особо в делах не преуспел. Но постороннему человеку, тем более журналисту, говорить об этом не хотелось.

– Данилу помню, – подтвердил он. – Хороший парень. Рано ушел. Мог бы еще не одну вершину покорить.

– Почему он бросил альпинизм? – спросил Марат. – Разочаровался?

– Сам не пойму. Последний поход у нас был на Памир. Язгулемский хребет. Слыхал?

– Как не слышать?

– Может, и бывал? Я вижу, ты кое в чем разбираешься.

Калитин рассказал о своих самодеятельных походах.

– Я пробовал силы в Крыму, – признался он. – Даже Кавказ оказался не по зубам такому дилетанту, как я. Памиром только бредил. Бывать, к сожалению, не приходилось.

– Данила перестал ходить в горы после Памира. Я так и не смог добиться от него, почему...

Глава 21

Памир

После происшествия с Марковым группа Ильи Вересова зализывала раны. Далеко от лагеря никто уходить не решался. Тренировались подниматься на небольшую стену, но как-то вяло. Аксельрод то и дело проверял наличие крючьев, карабинов, репшнуров,^[22] перебирал продукты, – следил за порядком.

Потапенко возился с Саворским, постоянно что-то ему рассказывал, показывал, учил навешивать веревочные перила. Кострома даже начал называть его аксакалом – в шутку, конечно.

– Знаешь, что такое ледниковая мульда? – с важным видом спрашивал Потапенко.

– Не знаю, аксакал, – отвечал парень, щурясь от яркого солнца. – Расскажите.

– Это, дружок, такая вогнутая обледенелая чаша, которая может перекрывать ледниковую трещину. В ней опасно, но зато тихо, безветренно. В мульде иногда ставят палатку или две, и даже готовят на примусе горячую еду.

Кострома слушал, кивал головой.

– Как вы думаете, аксакал, почему Гоша в трещину свалился? – вдруг вырвалось у него.

Этот вопрос поставил Толика в тупик.

– Черт его знает! – махнул он рукой. – Может, у него с головой не все в порядке? Побежал зачем-то среди ночи к краю площадки... Чего его туда понесло?

– А с ногой у Гоши серьезно? Ходить он будет?

– Конечно, – засмеялся Потапенко. – Кости у такого молодца срastутся быстро, оглянуться не успеет. И нога будет как новенькая, и ребра. Вот только промерз он сильно. Как бы воспаления легких не подхватил. Это, брат, не шутки.

– Когда мы сможем его проведать?

– Я сегодня выйду на связь, спрошу, как там Марков. Насчет проведать... никаких гарантий. Если Илья пойдет, то и тебя с ним

отпустим. Одному ни-ни, и не думай! Еще не хватало, чтобы ты куда-нибудь свалился.

– Я не свалюсь, – обиделся Кострома. Обедали у костра, разведенного Вересовым.

– Мяса свеженького хочется, – мечтательно произнес Аксельрод. – Может, подстрелим козлика? А, Илюха?

– Потерпишь, – буркнул Вересов. Кострома первый поднялся, с хрустом потянулся, повернулся лицом к открытой панораме гор.

– Смотрите, красотища какая...

На глубокой синеве неба искрились белые вершины, пирамиды, скальные башни. Кристально чистый горный воздух приближал их так, что, казалось, дотянешься рукой. Весна принесла с собой таяние снегов, яркое солнце и теплый ветер. По скалам бежала талая вода. Все невольно залюбовались.

Одному Вересову было не до красот горного пейзажа. Его мучил вопрос о самородке. Как золото попало в рюкзак Маркова и что с ним теперь делать?

Они с Аксельродом прикидывали и так, и этак... однако ничего нового придумать не смогли.

– Никудышные из нас с тобой Пинкертоны, – вздыхал Аксельрод. – Никакой фантазии.

– Тут не фантазия нужна, а дедукция, – возражал Илья. – Логика у нас с тобой хромает. Факты налицо, а выводы мы сделать не можем.

Прояснить ситуацию как следует мог только сам Гоша.

После обеда Потапенко связался с базовым лагерем и узнал, что Марков идет на поправку. Скоро его отправят долечиваться в ближайшее селение, где есть больница.

– Надо идти, – решительно сказал Вересов. – На днях за ним прилетит вертолет, и тогда мы уже не сможем поговорить.

Аксельрод согласился, что идти надо.

– Возьми с собой Саворского, – сказал он. – Пусть проведает товарища.

Илья и Виталик вышли в путь через час. Солнце палило немилосердно, растапливая снег и лед, повсюду журчали ручейки. Спускались легко, без груза было даже непривычно. Почти у самого лагеря встретили долговязого парня. Тот был одет в замызганный спортивный костюм и куртку.

– Помогите мне, – промямлил он, еле ворочая языком от усталости. – Я заблудился. Никак не найду дорогу...

Вересов подозрительно уставился на него:

– Ты кто такой? Что здесь делаешь? Долговязый мялся, не хотел говорить.

– Будешь молчать, бросим тебя одного! – припугнул Илья. – Добирайся как знаешь.

– Скоро стемнеет, – вторил ему Кострома. – Снег пойдет. Замерзнешь! Долговязый весь задрожал.

– Не оставляйте меня, – заныл он. – Один я пропаду.

– Говори, кто такой, откуда?! – гаркнул Вересов.

Парень с перепугу попятился, наткнулся на скользкий валун и чуть не упал.

– Из общины я...

– Какая такая община? Говори толком.

– Т-там... – долговязый махнул рукой вверх. – В горах. Нашего Учителя зовут Нангаван. Он великий гуру! Самый великий.

– Самых великих не бывает, – отрезал Илья. – Сколько вас в общине?

– В-вместе с Учителем... семеро. Саворский и Вересов переглянулись.

– И чем вы занимаетесь?

– Как чем? – удивился парень. – Ищем просветления...

– Интересное занятие, – хмыкнул Илья.

Долговязый робко улыбнулся и поправил сползшую на затылок шапку.

– Нам нравится, – смущенно пробормотал он.

– Просветленные, значит, – язвительно произнес Кострома. – Это вроде блаженных, что ли? Ну, которые малость не в себе?

– Не понимаю, о чем вы... – насупился парень.

Вересов решил вмешаться. Его вдруг осенило, что это может быть та самая община, куда заманили Женю Голдина.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Витя...

– А скажи-ка мне, Витя, есть там у вас просветленный по имени Женя? Долговязый с готовностью кивнул.

– Есть. Только он не просветленный... пока. Он новенький.

Вересов обрадовался. Вот, нежданно-негаданно Голдин нашелся!

– Расскажешь, как найти вашу общину, – приказным тоном заявил он. – Понял?

Долговязый Витя уже был согласен на все. Он так устал, что едва не валился с ног. Пока шли, он рассказал и где находится община «Поднебесье», и чем занимаются ее обитатели, и про соль, и про то, что идет к строителям туннеля.

– На стройку-то тебе зачем? – удивился Саворский. – Новобранцев вербовать? Пополнять ряды просветленных? Правильно я говорю? А, Витя?

– Неправильно, – обиделся парень. – Мне соль нужна.

Спустя час они добрались до базового лагеря. Завхоз раздобрился и дал Вите четверть мешка соли.

– Донесешь, бедолага?

– Постараюсь...

– Обратно утром пойдешь.

Витю определили на ночлег к спасателям. А Илья и Саворский отправились к Маркову. Тот выглядел не лучшим образом, но приходу друзей обрадовался. Они немного поболтали втроем. Потом Вересов попросил Кострому оставить их с Гошей наедине.

– Мне тебя кое о чем спросить надо, – сказал он больному.

– Как я упал? – раздраженно спросил Марков. – Говорил ведь, не знаю! Не помню!

– Вспомни, Гоша, это очень важно.

– Не могу вспомнить. Я пытался! Посреди ночи мне показалось, будто кто-то зовет. Вышел... потом побежал. Наверное, испугался...

– Кого? Чего?

– Не помню я...

Илья помолчал, потом расстегнул молнию внутреннего кармана куртки, вытащил самородок и показал Маркову.

– Узнаешь?

– О Боже! Еще и это! – простонал Гоша. – Где вы его нашли?

– У тебя в рюкзаке. Похоже, Марков не удивился.

– Это золото? – спросил он, приподнимаясь. – Точно золото? Я сомневался...

– Это золото, Гоша, – жестко подтвердил Илья. – Где ты его взял?

Больной со стоном опустился на подушки.

– Вы мне не поверите... Я его нашел. На обратном пути в лагерь.

– Где именно?

– Не помню точно. Я отстал... в туалет прижало. Смотрю, блестит что-то среди камней. Поднял. Оказалось, золото. Спрятал в рюкзак. Все.

– Почему никому не сказал? Марков покраснел.

– Я точно не знал, самородок это или просто похожий камешек. Думал, вы смеяться будете. Решил сначала у Костромы спросить, он на геолога учится. А потом... забыл.

– Как это «забыл»? – возмутился Илья. – Ничего себе! О золотом

самородке забыл?

– Я же говорил, не поверите... Я сам себе не верю. Будто туман меня окутал. До лагеря брел как сонный. В голове гудит, перед глазами все крутится...

– Что ж ты не признался? Не хотел слабаком выглядеть?

– Вы меня не ругайте, Илья Григорьевич... Я думал, выплусь, отдохну, и все пройдет. А оно вон как повернулось. Ночью снова «нашло» на меня... вскочил, побежал... Ну, вот... остальное вы знаете.

Гоша чуть не плакал. Он был настолько растерян и подавлен, что мысль о золоте вылетела у него из головы. Его совершенно не волновала дальнейшая судьба самородка.

– Я вам больше скажу... – через силу вымолвил он. – Те банки... помните? Кажется, это я их выпотрошил.

– Ты? – не поверил Илья.

– Точно не помню, но... мне будто приказал кто-то: «Иди и вскрой банки с едой!» Я и пошел. Потом провал... Как я их открывал, куда подевал содержимое, не пойму. До меня только здесь дошло, что я сотворил. Наверное, после стресса ко мне память вернулась... частично.

– Ну ты загнул, брат! – не выдержал Вересов.

– Простите, Илья Григорьевич... Я сам не свой был. Не соображал ничего. Как зомби.

Вересов в изумлении покачивал головой. Может, у Маркова крыша съехала после падения?

– О нашем разговоре никому ни слова, – строго предупредил его Илья. – Особенно о золоте. Обещаешь?

– Понял, Илья Григорьевич. Могила. Можете быть спокойны.

Вересов тяжело вздохнул.

– В этом деле разобраться надо. Сколько брожу по Памиру, но золото никогда не попадалось. Ты уверен, что нашел его?

– Конечно, уверен, – обиделся Марков. – Вы меня за чокнутого принимаете? За дурачка, да? Думаете, я головой ударился, когда падал? Так нет же! Нога у меня сломана, не отрицаю. А с головой все в порядке...

Записки Марата Калитина XV век. Южная Америка, империя инков

Эту ночь, перед появлением Избранного, я провел без сна. Когда во дворе и в доме все стихло, я с

величайшими предосторожностями встал, выскользнул наружу, замер, прислушиваясь. Ничего, кроме обычных ночных звуков, не нарушало тишину.

Стараясь оставаться в тени, я прокрался к помещению, где хранились неисправные летательные аппараты и детали к ним. Это сооружение напоминало ангар. Наблюдение за Амару помогло мне узнать, как можно туда проникнуть.

Я должен был обеспечить себе надежный путь отхода и начал готовиться заранее. Не долго думая, я решил воспользоваться одним из «мотыльков», который, по мнению инков, не подлежал ремонту. Я часто не разделял мнения инков, в том числе и это. Тайком наведываясь в «ангар», я постепенно привел «мотылек» в приличное состояние. Теперь, в случае, если мне придется бежать, я мог им воспользоваться. Разумеется, с изрядной долей риска. Несколько деталей неисправного «мотылька» были сильно повреждены, а ремни истерлись. Но я надеялся, что мне удастся поднять его в воздух.

Этой ночью я вовсе не собирался покидать дом гостеприимного Амару и проник в «ангар» не за «мотыльком». Стены здания были сложены из огромных, грубо обтесанных каменных блоков с большими зазорами. В одном из этих рваных отверстий я спрятал свой второй кристалл. Он был достаточно крупным, и я не мог постоянно носить его при себе.

В «ангаре» стояла кромешная тьма. Но я прекрасно знал, как пройти к тайнику. Разбросав мусор, специально наваленный мной в заветном углу, я нащупал отверстие. Хвала провидению! Кристалл на месте. Не то чтобы я опасался, будто кто-то обнаружит мой тайник... просто путь к цели оказался невероятно, неожиданно долгим. Л я не мог позволить себе проиграть. «На этот раз у меня все получится! – твердил я себе, как заклинание. – Яне подведу. Я все сделаю так, как надо!»

Дрожая от возбуждения, я взял кристалл и вернулся в дом. Никто не заметил моего отсутствия. Сегодня

судьба играла на моей стороне. Облегченно вздыхая, я устроился на своем жестком ложе. Мне следовало спрятать кристалл в таком месте, чтобы, когда понадобится, без помех взять его, – в любой момент. Я просунул руку под шкуры, из которых состояла постель, и спрятал туда кристалл. Вряд ли кому-нибудь придет в голову рыться в моих вещах. Все-таки Неро из Храма Орлов – великая вещь! Особенно если на нем – золотое кольцо с изображением неизвестного символа.

С умилением вспоминая заплаканное личико Миктони, я забылся коротким, тревожным сном...

Разбудили меня гортанные приветственные крики. Я накинул на себя одежду и выглянул во двор. Я сразу узнал его – Избранного – Сына Солнца. Он выделялся среди присутствующих своим ростом, особой статью и редкостной красотой. Единственным изъяном на его лице являлся большой клювообразный нос. «Летающий инка» Амару и его ученики ликовали. Они обступили гостя со всех сторон и едва не облизывали его, млея от восхищения. Что ж, это был день их торжества: на плоскогорье Наска явился Избранный! На них снизошло благословение бога Инти. Теперь будет изобилие золота, а значит, и всего остального.

Я подошел к толпе, окружившей Сына Солнца, чтобы внимательно рассмотреть его. Мне необходимо хорошенько его запомнить, запечатлеть в своем сознании его лучезарный образ.

Избранный – рослый молодой мужчина с прекрасно развитой мускулатурой и необычным лицом – почувствовал мое приближение. Он обернулся и взглянул на меня. Готов поклясться, его сердце дрогнуло. Но он хорошо владел собой. Легкая тень на мгновение омрачила обличье Сына Солнца и тут же исчезла. Никто, кроме меня, не заметил этого молниеносного обмена взглядами. Он что-то уловил, что-то его задело. Вряд ли он отдавал себе отчет, что именно...

Я поспешил удалиться. Все были настолько поглощены визитом Избранного, что забыли о моем существовании. Воистину, если боги хотят кого-нибудь

наказать, они исполняют его молитвы.

Я предполагал, что после определенных ритуалов и обильной общей трапезы Сына Солнца должны с величайшими почестями препроводить в один из подземных храмов. Там он останется на некоторое время, известное только ему, в полном одиночестве, без пищи и воды. Потом Избранный покинет свое убежище. Он вернется к ожидающим его служителям Храма, но полученными знаниями поделится только с Верховным Жрецом.

Следить за Сыном Солнца считалось великим злодеянием и могло навлечь гнев Небесных Владык. Об этом в Тауантинсуйо знал каждый ребенок.

Когда Избранный поведает Жрецу, где искать золото, он покинет плоскогорье Наска и удалится туда, откуда пришел. То есть в никуда. Так думали инки. Они действительно верили в это.

Плоскогорье и пустыня Наска были изрезаны сложной системой подземелий. Здесь существовало множество ходов-туннелей, как ведущих к пирамидам, храмам и усыпальницам, так и служивших подземной ирригационной системой. Места входов в подземелья тщательно маскировались и охранялись. Вероятно, по этим лабиринтам можно уйти достаточно далеко. Как бы там ни было, спускаться на свой страх и риск в подземелье считалось безумием. И не без оснований.

Я думал – то, что мне нужно, находится именно там, в одной из таинственных пустот. Поэтому Сын Солнца спускался туда. Поэтому всего о подземельях не знал никто. Поэтому проникнуть туда по собственной воле, без проводника, означало навлечь на себя проклятие богов.

Я и не собирался этого делать. Я не самоубийца. Существует другой способ получить информацию. Его-то я и применю. Вместе с решением пришло спокойствие.

Пока инки «водили хороводы» вокруг Сына Солнца и набивали свои желудки, я отправился на свою обычную прогулку по пустынной местности. Тауантинсуйо –

сказочно красивая страна. Она купается в прозрачности и чистоте горного воздуха, в синеве небес и дыхании океана, нежится в лучах солнца. Здесь есть все – тропические леса, высокогорные луга, речные долины и покрытые снегами горные хребты. И даже плоскогорье Паска отличается дикой природной прелестью.

Нагулявшись вволю, я вернулся домой. Во дворе, под навесом вповалку отдыхали рабы. Амару с учениками все еще праздновали. Религиозные обряды как ацтеков, так и инков отличались невероятной жестокостью, какой-то одержимой кровавой свирепостью. «Наверное, режут людей на своих алтарях, – с неприязнью подумал я. – Такое радостное событие надо как следует полить кровью».

Империя Тауантинсуйо только внешне выглядела блестяще и грозно. Ее пышное величие, ее золотое сияние не ослепляли меня. Я видел, как притворство, жестокость и разврат разъедают ее изнутри. Она готова рухнуть от малейшего толчка. Ни эстетика, ни знания, ни религия, ни несметные богатства не способны спасти ее. Великая цивилизация инков стремится к своей гибели. Она прогнила изнутри, и ее роскошная, крепкая с виду оболочка больше не вводит меня в заблуждение.

На многое мне открыл глаза Амару. Он восхвалял свою страну, не понимая, что та катится к закату.

Самые красивые девушки либо томилась в гаремах Верховного Инки и его приближенных, либо становились жрицами – невестами Бога Солнца. Правящая династия называла себя детьми этого Бога и беспощадно преследовала кровосмешение. Браки заключались только внутри семьи. Нарушителей ждала неминуемая смерть. В то же время между представителями правящей династии то и дело разгоралась борьба за престол. Победитель безжалостно уничтожал своих «врагов». Бесстрашные воины, инки имели болезненное пристрастие к кровавым расправам.

Словом, нечестное начало подготовило сокрушительный бесславный конец.

Мне только оставалось исполнить свою миссию и с достоинством удалиться. Судьба империи была предрешена.

Я понимал всю горечь, все яростное отчаяние этих существ. Я понимал, чем они недовольны. Они ожидали совсем иного. Прекрасная, покрытая чудесной зеленью планета обманула их, захватила в плен. Сильное земное притяжение ограничивало возможности летать, делало каждое движение тяжелым и неуклюжим. Строительство грандиозных дворцов, храмов и подземелий из приятной забавы превратилось в трудную задачу. «Мотыльки» и «пеликаны» не гили ни в какое сравнение с легкими крыльями, к которым привыкли эти существа. И только несколько жрецов Храма Орла знали секрет настоящего полета.

Сила тяжести не позволила им создать мир, рожденный в мечтах. Столько лишений пришлось вынести напрасно! Все, все пошло не так.

Но самое главное – их тайна! – наполняла жизнь постоянным страхом. Они боялись быть постигнутыми, боялись других людей, боялись друг друга, а потом стали бояться самих себя. Шепот они превратили в мысль. Но и мысль была запретной. Шепот можно подслушать, каким бы тихим он ни был. Мысль тоже можно уловить. И тогда...

Они спрятали от себя свои мысли, отказались от своей памяти. Они надеялись, что их никогда не найдут. Несчастные...

Однако я слишком увлекся рассуждениями, тогда как мне пора действовать. Вечером Амару, изможденный торжествами, явился домой.

– Они... все остались там... провозжатъ Из – бранного в его... незримый, сокровенный путь, – сообщил он, еле ворочая языком.

Он был то ли опьянен наркотическими напитками, то ли пребывал в трансе по поводу счастья лицезреть Сына Солнца. Я понял, почему он покинул церемонию и

вернулся домой. Амару отвык от головной боли и опасался, что без меня у него снова начнется мучительный приступ. Тем лучше. Благодаря его приходу, я узнал – Избранный отправился в подземелье. Теперь и мне пора.

Я помог Амару уснуть и поспешно улегся на свое ложе. Кристалл лежал под шкурами там, где я его оставил. Я достал его, потрогал острые холодные грани, пронизывая его и позволяя ему пронизывать меня. Внутри кристалла зародилось теплое золотистое свечение... оно медленно разгоралось. Я положил кристалл рядом с собой и мысленно воссоздал образ Избранного. Сын Солнца возник передо мной, ослепительный и подобный богу. Он сидел один в полутьме подземелья, закрыв глаза. Окружающая обстановка ускользала от моего внимания, и только его сосредоточенное, остроносое лицо четко выделялось во мраке.

Я застыл в ожидании, боясь шевельнуться...

На этом «опусы» Марата обрывались. Эти записи производили на Ангелину Львовну странное и неприятное впечатление. Они погружали ее в мир, которого она не знала и не хотела знать. Описания неведомого кристалла заставили ее задуматься о магическом шаре. Ведь шар – тоже кристалл. И это золотое свечение внутри него...

Она почувствовала озноб. Ей вдруг стало жутко.

– Глупости, – пробормотала она. – Самойленко целые дни проводит рядом с шаром, и ничего.

И тут она вспомнила о его беспорядочной болтовне по поводу золота, Солнца...

Коллега будто прочитал ее мысли. Он ради приличия поскребся в дверь и, не ожидая приглашения, вошел.

– Ангелина! Да на тебе лица нет... Что случилось?

– Ничего...

– Только не ври! Тебе не идет.

– Ладно, – вяло согласилась она. – Не буду.

– Так в чем дело? Закревская собралась с духом.

– Дай мне твой шар! – выпалила она, боясь, что передумает. – Дней на десять.

- Хорошо, но...
- Никаких «но»!

Глава 22

Памир

Ларису обступила полная, крошечная тьма. Она слышала голос Изотова, который звал ее, но не могла ответить. От страха ее горло свела судорога. Не то что кричать, пошевелить языком было невозможно. Все тело обмякло, стало ватным и безвольным, перестало слушаться. «Мамочка!» – подумала Лариса. Это была ее последняя мысль. Потом она уже не думала. Оказывается, может быть и так...

Вместо мыслей пришли ощущения. Лариса почувствовала, как воздух вокруг нее уплотняется и вибрирует. Дикий первобытный ужас, который все живые существа испытывают в момент разгула стихии, сковал ее. Она вдруг явственно представила себе, как необъятная, громадная и жуткая тяжесть горы обрушивается на нее, сминая все и ломая железобетонные тубинги, как спички. По сравнению с напором земной толщи люди и крепезные приспособления, которые они пытаются противопоставить горе, кажутся муравьями, сооружающими свой муравейник из былинки и хвойных игл.

Лариса уже ощущала себя погребенной, раздавленной и мертвой. Ее тело онемело, замерло, как и душа. Но... она все еще дышала, и это сбивало ее с толку. Реальность сначала раздвоилась, а потом просто рассыпалась на несметное количество осколков, никак не связанных между собой...

Где-то слева от нее появился тусклый золотистый свет, и Лариса восприняла его как явление ангелов по ее душе. Ангелы становились все ярче, но так и не приняли крылатых обликов, знакомых ей по картинкам. Сначала они плавно кружились, а потом соединились в нестерпимо сияющую точку. Точка росла и становилась все ярче. Она поглотила туннель, гору, Ларису, ее сознание и стала всем. Ничего не осталось, кроме этой светящейся, горящей, ослепительной точки...

– Мельникова! Мельникова-а-а! Боже мой! Да что ж это такое! С ней опять обморок...

Резкий запах нашатыря ударил Ларисе в нос, и крики Глафиры стали более отчетливыми. Из густого тумана выплыло перепуганное лицо администраторши, склонившееся над ней.

– Слава тебе, Господи! – выдохнула та. – Я уж думала, ты не оклемаешься. Лежишь, белая, как полотно...

Вокруг Ларисы было светло. Она лежала на чем-то твердом, и перед ее глазами высоко стояло синее небо. По небу медленно плыли облака, похожие на сказочных драконов.

– Разве туннель... не обвалился? – одними губами спросила она.

– Да ты что, Мельникова? У тебя жар. Бредишь! Вон, голова горячая, как огонь, – Глафира приложила свою большую мягкую ладонь к ее лбу. Ладонь оказалась прохладной. – Чего ему обваливаться-то? Стоит, как стоял.

– А... может... землетрясение было?

– Тебе показалось со страху, – хихикнула администраторша. – Трусливая ты, Мельникова, прямо как заяц. Зачем тебя в туннель понесло? Раз боишься, нечего туда нос совать. Отхаживай потом тебя! Скажи спасибо Изотову, это он тебя в темноте нашел и вытащил. На руках вынес. А то бы точно померла!

К Ларисе подошел инженер Изотов, наклонился.

– Напугали вы меня, – сказал он. – Что с вами случилось?

К Ларисе медленно возвращалась память.

– Это... было... *то самое место?*

Изотов скорее угадал, чем услышал. Он неопределенно кивнул, оглянувшись на Глафиру. Та поспешно отошла. Ему совершенно не хотелось прослыть болтуном и паникером. Все, что он рассказал Ларисе в туннеле, походило скорее на байки проходчиков, чем на правду. И хотя сам Валерий верил в необычные явления, но старался особо это не афишировать. Мало ли, что людям показаться может? Гора есть гора. Здесь и порода, и поля магнитные, и еще много всякого.

– А почему... свет погас? – спросила Лариса. Изотов развел руками.

– Бывает. Я же вас предупреждал.

Его самого удивило, что погасли не только лампочки, но и фонари на касках. Хотя, уже выбравшись наружу, он проверил батарейки и убедился, что они сели. Так что все объясняется довольно просто. А Лариса очень испугалась с непривычки, потеряла сознание. Женщина! Первый раз в туннеле. Понять можно.

Сначала Изотов тоже растерялся. Потом ничего, – глаза привыкли к темноте, пошел вперед, наткнулся на лежащую Ларису, поднял, вынес. Нормально.

Единственное, чего он не смог объяснить, так это почему остановились его наручные часы. С другой стороны, часы тоже были на

батареях. Валерий забыл, когда он их менял. Совпадение. Но тогда почему остановившиеся часы показывали неправильное время?

Они с Ларисой отправились на прогулку в туннель около десяти утра. Он запомнил, потому что в двенадцать его ждал Паршин. Валерий не хотел опаздывать. Начальник строительства лежал с радикулитом, но порядок продолжал поддерживать железной рукой и требовал держать его в курсе всех событий. Поэтому Изотов решил, что в половине двенадцатого ему надо попрощаться с Ларисой, взять бумаги и идти к начальству с докладом.

Если верить остановившимся часам, Изотов пробыл в туннеле не больше двадцати минут. Но этого же быть не могло! Оставалось думать, что батарейки часов сели раньше, чем погас свет. Когда он вынес Ларису на воздух, время приближалось к обеду.

«Нечего ломать голову, – сказал себе Валерий. – С женщиной все в порядке, и это главное. А с электричеством в туннеле постоянно какие-то неполадки. Завтра на планерке поддам жару электрикам. Совсем разболтались!»

Изотов пошел к Паршину объясняться, а Ларису проводили в вагончик, где располагался медпункт.

– Полежишь до вечера, и хворь как рукой снимет, – уговаривала ее Глафира. – Вот увидишь. Я тебе сейчас корвалольчику накапаю...

Лариса незаметно провалилась в сон. Голос администраторши отдалялся и отдалялся, пока совсем не затих. Блаженные волны забытья сомкнулись над Ларисой, и она опустилась в их туманную, обволакивающую глубину.

Вечером, когда стемнело, в вагончик заглянула Глафира. Жаль было тревожить сон Мельниковой, но автобус со съемочной группой ждал только их. Пора ехать.

Сонная Лариса кое-как добрела до автобуса, села и снова уснула. Она не помнила, как очутилась в кишлаке, в доме, в своей постели...

Утром ее разбудили громкие голоса Глафиры и Бахмета.

– Мы будем сегодня снимать или нет? – вопил режиссер. – Сколько можно ерундой заниматься? Нам каждый день простоя влетает в копеечку! Бюджет фильма трещит по швам!

– Я тут при чем? – защищалась Глафира.

– Идите и спросите у этой своей... Мельниковой, пустит нас Изотов в туннель или не пустит? Если нет, придется ехать в Душанбе, решать вопрос на другом уровне.

– Надо было сразу решать, еще в Москве. У нас гор нету, что ли? Обязательно надо на Памир переться?!

Бахмет разразился потоком ругани. Потом его отвлекли Борис с пиротехником, и они начали ругаться уже втроем.

Рассерженная Глафира подошла к Ларисе.

– Ты уже проснулась?

– Вы своими криками и мертвого поднимете, – проворчала помощница. – Из-за чего скандал?

– Будто ты не знаешь! Договорилась с Изотовым насчет туннеля?

– В общем, да...

Глафира еще больше рассердилась.

– Ты не в общем говори, а конкретно. Пустит он нас в туннель снимать?

Лариса ощущала слабость во всем теле, головокружение и дурноту.

– Обещал...

– Ты ехать сможешь? – с сомнением глядя на нее, спросила администраторша.

– Куда?

– На съемки. Поговоришь с Изотовым. Скажешь, что он нас разоряет. Это ж понимать надо, каких все денег стоит!

Лариса попробовала встать. Получилось, но с трудом.

– Постараюсь, – сказала она.

– Давай, Мельникова, собирайся, – оживилась Глафира. – Давай, моя хорошая! Девонька ты моя дорогая! Поехали! Вся надежда на тебя...

– Мне бы чайку крепкого.

– Сейчас, сейчас. Ты одевайся, а я мигом.

Администраторша выскочила за дверь и едва не вприпрыжку понеслась за чаем. Лариса медленно одевалась. Каждое движение заставляло ее покрываться испариной. «Что со мной? – гадала она. – Может, и вправду заболела? Я каждую весну болею гриппом или простудой».

Преодолевая недомогание, она натягивала на себя одну вещь за другой. Ее бил озноб, как при высокой температуре. Она надела свитер, но этого показалось мало. На крючке висела теплая куртка, в которой она вчера ходила в туннель. Лариса закуталась в нее.

– А вот и чай, – ворковала Глафира, протискиваясь в дверь с чайником и бутылкой водки. – И водочка. Сейчас я тебя быстренько согрею. Садись, пей...

– Я водки не хочу, – отнекивалась Лариса.

Но справиться с администраторшей было не так-то просто.

– Давай-давай, – настаивала она. – По рюмочке. Я тебе компанию

составлю. А то гляди, какая бледная... упадешь еще.

Она заставила Ларису проглотить полную рюмку водки.

– Ну, вот и молодец. Теперь чайку с лимончиком... Я тебя живо в чувство приведу.

Чай она заварила крепкий, до черноты.

После водки и чая Ларисе полегчало. Голова еще кружилась, но в желудке стало горячо и по телу медленно разливалось тепло. Противная дрожь прекратилась. Снова захотелось спать.

– Я спать хочу, – пробормотала она. – Спать... Глафира спорить не стала. Пока автобус дотащится до стройки, Лариса успеет выспаться.

– Пожалуйста, спи себе, сколько влезет, – согласилась она. – Пошли в автобус. Держись за меня, голуба...

Она подхватила Ларису за талию и помогла выйти во двор. В холодном воздухе далеко разносились голоса Бахмета и каскадеров, которые о чем-то спорили.

Как только автобус тронулся, Мельникова уснула. И спала до самого туннеля. Глафира разбудила ее, когда они прибыли на место. Пока съемочная группа выгружала оборудование, она побежала искать Изотова.

Инженер стоял около склада стройматериалов и разговаривал с Панчуком.

– Вас Лариса зовет, – запыхавшись, выпалила администраторша. – Она там, в автобусе. Хочет поблагодарить за свое спасение.

– Какое там спасение? – улыбнулся Изотов. Кажется, ему действительно нравилась Мельникова. Он поспешил к автобусу.

О чем они с Ларисой разговаривали, Глафира не знала. Но инженер вышел из автобуса очень радостный, в прекрасном настроении.

– Глафира! – весело сказал он. – Где ваше начальство? Я разрешаю съемки. Можете начинать прямо сейчас. Где Панчук? Панчук! Выдай людям противогазы и каски, сколько есть, и проводи в туннель. Пусть работают там, где установлены тубинги.

Лариса смотрела в окно, вспоминая смущенную улыбку Изотова. Какой приятный мужчина. И почему жена с ним жить не стала? Дура, наверное.

Ей опять захотелось спать. Закутываясь в куртку, Лариса машинально сунула руку в карман. Там лежал какой-то камешек. «Наверное, закатился, когда я упала в обморок», – подумала она.

Камешек оказался неожиданно красивым – желтеньким и блестящим. Лариса поднесла его к свету. Он был похож на маленький золотой самородок...

Община гуру Нангавана

Все *шраваки* с нетерпением ждали возвращения Длинного.

– Куда это он запропастился? – недовольно ворчал Криш. – Его только за смертью посылать.

Учителя беспокоило настроение в общине. *Шраваки* были раздраженными, по любому поводу вспыхивали злые споры.

– Не говори так, – остановил он Криша. – Разве ты желаешь зла брату своему?

– Какой он мне брат? – вспыхнул тот. – Тамбовский волк ему брат! Сначала заставил всех нас без соли сидеть, теперь и вовсе сдымил!

– Как ты смеешь грубить Учителю? – возмутился Хаким. Будучи восточным человеком, он не мог смириться с неуважением к старшему. – Ты невежда и хам. Нам следовало бы выставить тебя вон отсюда.

– Заткнись, святоша! – забыв о смирении, гаркнул Криш.

Хаким насупился и отошел в сторону. Он уселся по-турецки на своем топчане и уткнулся в сборник восточной поэзии, всем своим видом демонстрируя нежелание связываться с таким неотесанным чурбаном, как Криш. Омар Хайям успокаивал Хакима лучше любой медитации. Признаться, медитация и пение мантр стали действовать ему на нервы. Он с трудом заставлял себя высиживать положенное время, чувствуя, как с каждым разом внутри него нарастает протест.

– Может быть, все гораздо проще? – саркастически произнес Женя Голдин. – Витек отключил свой ум, погрузился в трансцендентный слой мирового сознания и... вознесся? Мы его тут зря дождемся, парни. Он не вернется.

Воцарилась неприятная тишина. Первым ее нарушил бывший поклонник бога Кришны.

– То есть как это «вознесся»? – подпрыгнул он. – Как это «вознесся»? Ты что, думаешь, он действительно смылся? Удрал?! А мы тут сидим голодные и ждем, пока он принесет нам соли? Я больше не могу питаться пресными кашами! Я не лошадь, чтобы овес жрать!

Тщедушный Криш так распалился, что его обычно бледное лицо покрылось красными пятнами.

– «Вознесся» – это по-христиански значит преставился, – вмешался толстяк Белкин. – Умер. Понимаешь?

Он был самым невозмутимым из всех учеников Нангавана.

– Как это умер? – взвизгнул Криш. – Ты, Белыйч, сбрендил, что ли?

– Ну почему же? – степенно возразил толстяк, не переставая жевать. Он постоянно носил в кармане горсть орехов, до которых был великий охотник. – Если Витек отключил ум, то запросто мог в пропасть свалиться, например. Горы – не аллеи парка. Здесь на каждом шагу можно преставиться.

– Может, его голуб-яван задрал? – подал голос из своего угла Хаким. – Я слышал, они тут водятся.

Голдин, который совсем было скис, встрепенулся.

– Что еще за «яван» такой? – спросил он, оживляясь. – Зверь?

– Снежный человек, – равнодушно отозвался Белкин. – Он пострашнее зверя будет. Хищник, одним словом. С виду похож на неандертальца, только весь покрыт длиннющей шерстью. Знаешь, какие у него зубищи?

– Брешешь, – ухмыльнулся новенький. – Разводишь меня, да?

Нангаван наблюдал за перепалкой без особых эмоций. Гораздо сильнее его волновало другое. С кем он заключил сделку той злополучной ночью, когда решил отправиться на Гору? С Высшими Силами или с самим дьяволом? Золотой самородок, спрятанный в матрац, жег его, как уголек из преисподней.

Появление бестолкового Витька положило конец бессмысленной ссоре.

– Длинный! – ахнул Криш. – Где тебя черти носили?

Витек никак не мог отдышаться. Он еле ноги донес до общины. Со стуком бросив на пол мешок с солью, парень опустился рядом с ним на корточки и закрыл глаза.

– Мы думали, ты вознесся, – важно заявил толстяк, бросая в рот очередной орех. – Хотели панихиду служить.

Белкин целый год проучился в духовной семинарии. Он собирался стать священником, как его отец. Но строгая дисциплина, кропотливое изучение церковных книг, посты и соблюдение всех христианских канонов оказались ему не по силам. Он решил, что пойдет другим путем. В конце концов, важен не процесс, а результат.

Так Белкин познакомился сначала с йогами, потом попробовал себя в среде последователей Рериха и Блаватской. Это тоже пришлось не по нутру добродушному, жизнерадостному толстяку, который не любил углубляться в сложности и постигать хитросплетения философской мысли. Однако и мирская деятельность не подходила Белкину. Он привык бить баклуши.

И тут судьба свела его с Нангаваном. Учитель произвел неизгладимое впечатление на толстяка. Когда Нангаван предложил ему пожить в общине, в горах Памира, Белкин пришел в восторг. Он представил себя великим

Старцем, обретающим бессмертие в Гималаях. Действительность оказалась несколько иной. Но Белкин не расстраивался. Путь к бессмертию не должен быть легким! – считал он.

Длинный, которого заявление толстяка о панихиде повергло в шок, наконец пришел в себя.

– Ну, ты даешь, Белыйч! – завопил он, дико вращая глазами. – Отправили меня к черту на кулички, да еще насмеваются! Я чуть ноги себе не поломал в этих проклятых горах! Чуть шею не свернул! Я... чудом не замерз! На мое счастье, люди хорошие встретились, не дали пропасть. А вам... все равно. Сразу панихиду служить! Это только и умеете! Если хотите знать... я очки забыл. Вот... Бред, как слепой...

Он едва не заплакал, так ему стало жаль себя.

– Не надо было соль рассыпать, – невозмутимо парировал Белкин. – Не пришлось бы к строителям топтать. От дурной головы ногам покоя нет. И очки тебя никто не просил забывать.

– Вот-вот, – присоединился к толстяку новенький. – Ты, Витек, ум почаще включай, тогда будет меньше проблем. Не дорос ты, видать, до Мирового Сознания. Поэтому пользуйся пока обыкновенным, человеческим. Во избежание неприятностей.

Тут в разговор вступил Криш, помешав Длинному выпустить очередную возмущенную тираду.

– Ого! Сколько работяги соли отвалили! – сказал он, взвешивая в руках мешок. – Теперь нам на все лето хватит.

– Это не работяги, – недовольно пробурчал Витек. – Я до них так и не добрался. Это альпинисты. У них большой лагерь внизу. Между прочим, Женя, они о тебе расспрашивали.

– Обо мне? – удивился новенький. – Ты ничего не путаешь?

– Нет. Так и спросили, нет ли у нас в общине Голдина. Ну... я и сказал, что есть.

– Кто спрашивал-то? Откуда они меня знают? Длинный развел руками.

– Понятия не имею. Сам удивился не меньше твоего.

Новенький потерял интерес к разговору. Он отошел в сторону и задумался. Кто и зачем мог интересоваться его персоной? Уж не мать ли подала в розыск? С нее станется...

Остальные *шраваки* обступили Витька и наперебой задавали ему вопросы. Они сучали, а путешествие за солью было хоть маленьким, да приключением.

– Значит, ты до туннеля не дошел?

– Не-а... – мотнул головой Длинный. – Сбился с дороги.

– А сколько альпинистов в лагере?

– Много... У них весело. И еды полно. Они меня супом из тушенки кормили. Вкусный, пальчики оближешь. Говорят, что к строителям какие-то люди приехали, кино снимают.

– Настоящее кино?

– Ага. Про катастрофу в туннеле... Вот бы поглядеть!

– Что за катастрофа? – вмешался Нангаван, который до этого молча слушал.

– Взрыв! – с восторгом пустился в объяснения Витек. – Что – то там у них происходит... то ли диверсия, то ли... не знаю. В общем, туннель взрывается, рушится, горит. Дым коромыслом! Красота!

Учитель не разделил его радости.

– Ничего себе, красота! – возразил он. – Обвал, огонь, люди гибнут... Нехорошо.

– Зато интересно.

Нангаван промолчал. Он сам учил своих последователей иметь обо всем собственное мнение и теперь в полной мере пожинал плоды.

– Мне кажется, это добром не кончится, – важно заявил Белкин. – Мысли-то материальны. Если в туннеле устроят мнимую катастрофу, это может повлечь за собой настоящую. И тогда...

Тощий Криш аж покраснел от возбуждения.

– Что ты выдумываешь? – завопил он. – Что ты все время каркаешь? Если бы все так рассуждали, то и кино бы не было. Начнешь снимать о войне – тут тебе и война. И про «Титаник» бы не снимали, и про самолеты, которые падают!

– И про извержение вулканов, и про инопланетян, и про «конец света», – с сарказмом продолжил Длинный. – Ни про что снимать нельзя. Все беды из-за кино!

Но Белкин не сдавался.

– А вдруг это так и есть? – уперся он. – Откуда ты знаешь? Взять хотя бы террористов. Снимали, снимали про них разные фильмы ужасов. И что теперь? Этот ужас воплотился в жизни. Терроризм сошел с экранов и теперь бродит по планете. Только не в качестве призрака, а наяву.

– По-вашему, всему виной кинематограф! – заключил Длинный, фыркая со смеху. – Как будто раньше войн не было. Или стихийных бедствий. Про потоп вон еще в Библии написано. А тогда никакого кино и в помине не существовало.

Женя Голдин очнулся от своих невеселых дум, вскочил.

– Маразм! – зло сказал он. – Какой же все это маразм! Я думал, только

обычная жизнь – маразм, а она везде и всюду такая. Нигде не спрячешься. Ни в горах, ни под землей. Наверное, и на небе то же самое. Блин! Как же меня все достало!

Он с остервенением натянул на себя куртку и бросился вон из дома. Длинный опешил. Он явно не ожидал от новенького подобной вспышки бешенства.

– Эй, погоди... – хотел он остановить Голдина. – Ты куда? Вернись!

Нангаван испытывал чувство горького разочарования. Он так долго грезил о чуде, молил о нем, и вот... чудо будто бы свершилось. Как все странно получается. Он способен сотворить золото и не может утихомирить своих собственных учеников. Разве это то подлинное величие, о котором он мечтал?

Страх и сомнения вновь зашевелились в его сердце. Если бы на Священной Горе обитал Светлый Дух, разве он допустил бы такое? В общине должны царить гармония и любовь. А на самом деле...

– Оставь его, – печально сказал Нангаван Длинному. – Пусть идет. Каждый имеет право искать Истину там, где считает нужным.

В общине не могли уснуть до полуночи. Новенький так и не вернулся. Куда он отправился на ночь глядя, никто не знал.

– Не нравится мне все это, – ворчал Белкин. – Непокойно здесь. Тревожно. Будто наблюдают за нами.

– Кто наблюдает? – испугался Криш. – Опять каркаешь?

– Мне тоже не по себе, – подтвердил молчун Яков. – И паренек этот, Женья, не зря психанул. Темные Силы мутят воду, направляют на нас негативную энергию.

– Давайте петь мантры! – с воодушевлением предложил Длинный. – Как иначе мы можем защитить себя?

Упоминание о Темных Силах окончательно испортило всем настроение.

Нангаван мучительно пытался понять, с кем же он вступил в соглашение минувшей ночью. Последние события заставляли предполагать худшее...

Глава 23

Илья Вересов и Кострома собирались возвращаться к своим. Они поднялись с рассветом и начали укладывать рюкзаки.

– Раз уж мы здесь, захватим кое-какие продукты и лекарства, – сказал Илья. – Чтобы потом не спускаться за ними специально.

Саворский тяжело вздохнул.

– Тащить неохота...

– Все равно придется, – ответил Илья. – Так что пошли, заберем со склада свою тушенку, сахар и сухой спирт. Больше не донесем.

Завхоз базового лагеря, – здоровенный детина, с ног до головы обросший густыми черными волосами, – встретил их неприветливо.

– Вы бы еще в пять утра притазились, – ворчал он, зевая и натягивая ветровку. – Вторые сутки мечтаю выспаться, и ни черта.

– Ты чего не в духе? – добродушно поинтересовался Илья. – Дрыхнешь тут, как медведь в берлоге. А на дворе, между прочим, весна.

Погода и вправду стояла чудесная. Горные вершины, увенчанные коронами из снега и льда, сверкали на солнце. В неподвижной тишине утра они казались гигантскими спящими исполинами.

– Да, красота... – вяло согласился завхоз, шагая к складу.

Вересов и Кострома старались не отставать.

– Осторожнее, – предупредил завхоз, оборачиваясь к своим спутникам. – Я тут несколько капканов поставил... Смотрите, не попадитесь. Наши-то все знают, а вы вроде как новенькие.

– Капканы? – удивился Илья. – На кого это? Детина сердито махнул рукой:

– А! Черт его разберет! Повадился кто-то консервы жрать. Спасу нет! Неделю назад прихожу – замок сорван, вокруг склада банки открытые валяются. Ребят позвал, они только плечами пожимают. Мол, ничего не видели, не слышали.

– А следы?

– Какие следы? – разозлился завхоз. – Снег тает, грязища кругом... все затоптано. Я пытался что-то выяснить, расспрашивать. Никакого толку! Только переругались все. И на меня же обиделись. Ты, говорят, нас в воровстве подозреваешь. А что мне остается делать? Консервы-то пропали...

Кострома вспомнил, как у них произошло примерно то же, но

промолчал. Раз Вересов ничего не говорит, значит, так надо. Зачем лишний шум поднимать?

Илья же в это время подумал о Маркове. Уж не сам ли завхоз и раскучил консервы? Если провести параллель...

– У нас тут некоторые умники галдеж подняли, – между тем продолжал завхоз. – Мол, это голуб-яван решил нашими консервами полакомиться. Сразу засаду устроили, по горам бегали с биноклями, дежурили ночами. Смешно, ей-богу!

– Почему смешно?

– Да где этот голуб-яван? Кто его видел? Сказки одни... – Завхоз просто кипел от негодования. – Они снежного человека специально выдумали, чтобы все на него сваливать. Ладно. Я плюнул и решил забыть. А позавчера все повторилось. Ну, что тут скажешь? Я возле склада капканы и расставил. Не поленился в кишлак за ними съездить. Там один старый таджик их мастерит. Классный умелец. Если голуб-яван попадетсЯ, ему мало не покажется.

Подошли к складу. Завхоз возился с замками, не переставая ворчать.

– Раньше у нас ничего запирать не принято было. Теперь приходится. Из-за этих дурацких консервов всю ночь не спал.

– Сторожил, что ли? – засмеялся Вересов.

– Капканы ставил, – серьезно ответил завхоз. – На тропе, у подхода к лагерю. Чтобы надежно было.

Кострома присвистнул.

– Слава богу, мы раньше пришли, – сказал он. – А то бы попались вместо вашего голуб-явана.

– Ага! – согласился завхоз и оглушительно захохотал. – Повезло вам, ребята!

Илья с Виталиком загрузили рюкзак продуктами и отправились обратно. Завхоз немного повеселел. Он громко болтал, развлекая своих спутников местными анекдотами и альпинистскими историями.

Кострома слушал, изредка смеялся. Вересов же углубился в свои мысли. Он так и не выяснил, как самородок оказался в рюкзаке Маркова. Если верить Гоше, то золото было найдено по дороге к временному лагерю. Где? Парень не помнит. Или говорит, что не помнит. Все выглядит более чем странно. Правда, Марков не проявил никакого интереса к судьбе своей находки. Ему, похоже, все равно...

Душераздирающий крик вырвал Илью из напряженных размышлений. Все трое остановились.

– Что это? – растерянно спросил завхоз. – Где это?

Крик повторился. Горное эхо подхватило его и обрушило вниз, в каменные расщелины.

– Голуб-яван... – прошептал Кострома. – Бежим!

Завхоз так резво припустил в сторону, откуда раздались крики, что ребята еле поспевали за ним. Вересов на ходу сбросил рюкзак, чтобы легче было бежать.

Когда все трое выскочили на тропу, ведущую к лагерю, то увидели, что капкан дождался своей добычи. Это оказался не снежный человек, а самый обыкновенный, одетый в теплую куртку, шерстяную шапку и брюки. Он со стонами и криками пытался освободить свою зажатую капканом ногу.

– Батюшки мои! – всплеснул руками завхоз и бросился помогать. – Как же тебя угораздило? Откуда ты взялся, парень? С неба свалился?

– Вы что, с ума посходили? – вопил пострадавший. – Капканы на людей ставите? Маразматики чертовы! Идиоты! Придурки...

Что – то в его голосе и словах показалось Вересову смутно знакомым.

– Мы не на людей, – оправдывался завхоз, тщетно стараясь разжать железную пасть капкана. – Мы... голуб-явана поймать хотели. Он у нас продукты воровать повадился.

Пострадавший, стиснув зубы, стонал. Его молодое загорелое лицо исказила гримаса боли.

– Ивы туда же! – выдохнул он. – Опять голуб-яван. Везде одно и то же. Маразм!

– Жека! – радостно воскликнул Илья, хлопая парня по плечу. – Это ты? Какими судьбами? Я тебя искать собирался, а ты – вот он! Сам явился. Ха-ха! Есть еще чудеса на белом свете!

Затуманенные болью глаза пострадавшего прояснились.

– Илюха? – узнал он Вересова. – Рад тебя видеть, чертяка! Помоги ногу вытащить.

– Сейчас...

Совместными усилиями капкан удалось разжать настолько, что нога освободилась.

– Ну и капканы у вас... – покачал головой Кострома. – Крепкие. Медвежьи, что ли?

Завхоз виновато потупился.

– Еще чего, – буркнул он. – Был бы медвежий, кости бы перебил. Я ж не изверг...

Ногу Голдина спасли сапог и толстый шерстяной носок. Обошлось испугом и ушибом.

– Ты чего так орал? – спросил его Вересов. – Переполошил всех.

– Больно же... – с облегчением улыбался пострадавший. – Ну, еще испугался. Я всю ночь шел, устал, как проклятый... Еле ноги волок. И тут вдруг... такое. Сам понимаешь. У меня аж кости захрустели. Думал, все, хана!

– Обопрись на меня, – предложил Вересов, подставляя ему плечо. – Пошли в медпункт. Может, перевязку сделать надо.

Прихрамывая, Голдин кое-как поковылял к лагерю. Врач осмотрел ногу, наложил тугую повязку и сказал, что ничего страшного не случилось. Даже ходить не запретил.

– Убери ты свои капканы от греха подальше, – посоветовал Илья завхозу. – А то всех перекалечишь.

За чаем Женя рассказывал о жизни в общине.

– Я ведь как туда попал? Беда у меня случилась.

– Лилька бросила? – усмехнулся Вересов. – И ты решил покончить с собой?

Парень горько вздохнул.

– Примерно так. Если бы она меня просто бросила! А она... к негру сбежала. Представляешь? Тут меня и переклинило. Что ж это, думаю, творится? Хотел убить обоих. Потом себя...

– Почему не убил?

– Противно стало. Из-за бабы жизни лишиться? Она того не стоит.

– Это верно.

Илья вспомнил свою Варвару, ее дергающееся от злости лицо, глаза, полные ненависти...

– Пить начал, – продолжал Голдин. – На «колеса» чуть не подсел. Мамаша сутками рыдала, в церковь бегала, батюшку домой приводила. Святой водой меня обрызгивала. Опостылело мне все. На фига мне этот маразм? – думаю. – Повеситься, что ли, как Серега Есенин? Я ведь тоже стихи писал... Такая тоска навалилась, Илюха! Невмоготу мне стало. Если бы не Криш...

– Кто такой Криш?

– Дружок мой бывший. В армии вместе служили. Ну, а после дембеля разъехались, кто куда. Вдруг является. Он, оказывается, нигде не работал, перебивался случайными деньгами. То у одного перехватит, то у другого. Год прожил у кришнаитов, на дармовых харчах. Потом дальше подался. Нашел в Москве гуру, пристроился к нему в ученики.

– Какого гуру?

– Нангавана...

– Он что, японец?

Женя сокрушенно вздохнул.

– Какой японец? Русский... такой же, как мы с тобой. Имя он себе сам присвоил. Есть имена мирские, а есть духовные. Понимаешь?

Вересов кивнул. Чего только на белом свете не бывает?

– И как дружок тебе мозги запудрил? – удивился Илья.

– Сам не пойму. Хотя... мне тогда все равно было. Я бы куда угодно поехал, лишь бы тоску заглушить. Он предложил отправиться на Памир, в общину. Нангаван якобы настоящий просветленный, с Высшим Разумом общается. Ну, я сдуру и согласился. Все лучше, чем в петлю-то...

– Что ж ты меня не дождался? – спросил Вересов. – Я бы тебя с собой взял, в горы. Они любую тоску вылечат.

Голдин долго смотрел на мокрые от тающего снега скалы.

– Знаешь, Илья, когда не хочешь выздоравливать... никто тебе не поможет. Не могу я жизнь любить! Обманула она меня. Жизнь – такая же стерва, как моя Лилька! Ничего хорошего в ней нет. Один маразм.

– Ты решил уйти из общины?

Женя кивнул.

– Да. Возвращаюсь в Москву.

– Что делать будешь?

– Не знаю... Но в общине я едва не чокнулся. Чего мне больше всего хотелось в последние дни – так это передуть всех к чертовой матери! Достали! И вообще... жутко мне стало. Будто что-то нависло... темное, гнетущее... Вот я и убежал.

– А чем ваш гуру занимается? Сидит в позе лотоса и мантры поет?

Голдин задумался.

– Я пытался понять, да так и не смог. Он ходит на какую-то Священную Гору, куда больше никому доступа нет. Вроде бы с Высшими Силами разговаривает.

– И ты веришь? – усмехнулся Илья.

– Там во что угодно поверишь...

Записки Марата Калитина XV век. Южная Америка, империя инков

Сын Солнца неподвижно сидел в полумраке подземного храма. Разумеется, я не мог видеть его глазами. Я смотрел на него как бы внутренним зрением. Кристалл служил проводником между мною и

Избранным. Я знал об этом, а он продолжал оставаться в неведении. Сейчас все его внимание поглощено контактом. Он пытается воссоединиться с «Сердцем Бога». Сколько будет длиться процесс, никто не знает. Время замедляет свой бег и останавливается. Наступает мгновение Вечности. То, что называется умом, не может постичь этого...

Благодаря кристаллу, я воспринимаю то же, что и Сын Солнца. Его сознание завлакивает золотистая дымка, в которой возникают смутные образы. Постепенно они начинают приобретать отчетливость, краски, объем и движение...

Вымощенная золотом площадь, прекрасный дворец... Где-то я уже видел подобное. Ну, конечно! Над всем этим великолепием порхают люди-птицы. Крылья, желтые и легкие, без труда поднимают их в насыщенный энергией воздух, а потом бесшумно складываются и становятся почти незаметными. Их носы напоминают птичьи клювы, а язык, на котором они разговаривают между собой, – птичий щебет.

На красноватом небе их полет выглядит сказочно прекрасным. Устремленные ввысь остроконечные здания утопают в душистых садах, где голубая и розовая листва колышется от малейшего дуновения ветерка. Листья деревьев похожи на длинные ленточки, а цветы раскрываются и закрываются в такт покачиванию веток. Здесь все подчинено плавным, невесомым движениям, все летит, парит и стремится к небу... Знакомая картина.

Сын Солнца улыбается. Ему тоже приятно наблюдать ее. Вряд ли он видел ее воочию.

На золотой площади возвышается сияющая пирамида, увенчанная золотым диском потрясающих размеров. В недрах пирамиды зарождается нестерпимое сияние. Оплодотворенное Красным Солнцем, оно вырывается за пределы сооружения, рассыпая повсюду лучистые сгустки, которые тут же кристаллизуются и с мягким звоном опускаются на площадь, на ступени пирамиды, падают в протянутые

ладони людей...

Сын Солнца думает об ином мире, обманчиво прекрасном, где под голубым небом зеленеют деревья и текут полноводные реки. Здесь тоже есть Солнце и летают птицы. Но этот мир крепко держит своих детей в объятиях земного притяжения. Не так-то просто оторваться от тверди под ногами, взмыть в прозрачный воздух и парить, парить... Здесь все будто приклеено, все стремится вниз, все падает и рушится. Камни, вода, песок, цветы и деревья – все намертво примагничено к земной поверхности. Обманчивая красота...

А это что? О! Сын Солнца вспоминает Совет Жрецов Высшей Касты. Они что-то обсуждают...

– Мы обнаружены, – говорит один из них, облаченный в расшитое золотыми пластинами одеяние. – Я бы хотел ошибиться. К сожалению, реальность такова: о нас стало известно. Мы больше не можем чувствовать себя в безопасности.

По залу пронесся вздох ужаса.

– Но как нас смогли найти?

– Никому не ведомо, – ответил Верховный Жрец. – Мы сумели забрать с собой «Сердце Бога», мы бежали прочь, мы сумели скрыться незамеченными. Мы забрались далеко. Так далеко, что сами не знаем, где мы. Эта область не изучена, ее нет на наших звездных картах... И все же то, чего мы опасались больше всего, свершилось.

– Откуда такая уверенность? – спросил молодой Жрец Храма Орлов.

– Они скоро будут здесь.

Воцарилась мертвая тишина. Дыхание присутствующих замерло. Наконец один из посвященных решился. Его вопрос неожиданно громко прозвучал в гулком пространстве зала, многократно отразившись от стен и потолка.

– Кто они?

– Те, кто нас ищет...

Под высокими сводами вновь повисла тиши – на,

насыщенная напряжением, как воздух перед грозой.

– Мы должны немедленно... Запрещающий жест Верховного Жреца остановил говорившего на полуслове.

– Этого лучше не произносить вслух, – сказал он. – Мы и так понимаем, о чем идет речь.

– Необходимо выбрать место, – предложил Жрец Храма Инти.

– Уже сделано.

– Тогда... пусть жребий выберет тех, кто осуществит задуманное.

Верховный Жрец слегка склонил голову в знак согласия.

– Думаю, это должны быть «Истинно парящие высоко». Только им будет под силу добраться до места.

По залу пронесся гул одобрения...

По мере того как я воспринимал мысленные картины в сознании Сына Солнца, я все больше настораживался. То, что я видел и ощущал, мне совсем не нравилось. Разволновавшись, я отвлекся. Пришлось снова настраиваться на кристалл. Им нельзя пользоваться сколько угодно – только строго ограниченное время. Иначе мое тело может пострадать. Поэтому я берег эту возможность до появления Сына Солнца. И не прогадал.

Картина Совета сменилась другой картиной. Это был полет в синем земном небе. Не на хрупком «мотыльке» или неуклюжем «пеликане». Это был волшебный, захватывающий полет «Истинно парящих высоко». Представляю, сколько им понадобилось сил для осуществления цели. Но они оказались на высоте, и в прямом, и в переносном смысле.

Горная система, над которой они летели, показалась мне знакомой. Еще бы! Я потратил не один год, изучая все горные системы Земли. В решающий момент я не имел права ошибиться. А я не ошибся. Я внимательно наблюдал за ними. Я «впечатал» это видение в свою память. Я смог бы мысленно воссоздать это место в любое время дня и ночи.

Их тела, хотя они имели сан «Истинно парящих

высоко», не выдержали страшной нагрузки перелета. Они исполнили поручение Совета и погибли. Все трое. Что ж, такова их судьба. Такова плата.

Печально выглядели их распростертые среди скал тела, пока сошедшая снежная лавина не погребла их под собою...

Итак, теперь я знал все. Сын Солнца невольно выдал тайну. Так вот в чем дело! Мы были рядом с объектом поисков... и не знали об этом! Какая злая шутка.

Он еще долго сидел в подземелье храма, выполняя свое предназначение. Золото еще есть, оно рождается и будет рождаться. Но золота станет меньше. Он уже понял это.

«Пока они будут пользоваться старыми запасами, а потом мы что-нибудь придумаем» – так он решил.

По истечении одному ему известного срока Сын Солнца вышел к жрецам и сказал им все. Они растерялись, но быстро взяли себя в руки. Жизнь диктовала новые реалии, и с ними приходилось считаться.

Я убрал кристалл в непроницаемый футляр из кирриона,^[23] поднялся, выскользнул из дома и поспешил к ангару, где меня ждал мой «мотылек». Мне больше нечего было делать в империи инков. Они еще не знали, что рок уже поставил точку в развитии Тауантинсуйо. Для меня же это стало ясно как день.

Над плоскогорьем Наска восходило солнце. Утомленные праздником, обильной едой и жертвоприношениями, инки крепко спали. Я мысленно попрощался с ними. Глупые, капризные и жестокие дети! В сущности, мне было их безмерно жаль.

Я вывел из пещеры ламу, пристегнул ремень к «мотыльку», уселся в корзину и издал негромкий щелкающий звук. Я долго приучал ламу понимать этот звук. Она меня не подвела: вздрогнула, встрепенулась и резво побежала вперед. «Мотылек» взмыл в воздух, ремень соскользнул, и лама осталась внизу, в недоумении вода головой...

Я прекрасно ориентировался в восходящих потоках и обошелся без специально натренированного орла. Становилось все светлее. Я поймал хороший поток и летел над океаном. Вода казалась темно-зеленой, почти черной. Вскоре я увидел внизу судно с полосатым парусом, которое ожидало меня. По заключенному между нами условию, судно должно было появляться здесь через день. Команде хорошо платили, и она добросовестно выполняла свою работу. Я спланировал как можно ниже, выпрыгнул из корзины и поплыл к судну...

Ангелина Львовна отложила исписанные Маратом листки. Она читала их уже третий раз, пытаясь найти ответ на интересующий ее вопрос. О чем все-таки идет речь?

Это был последний «опус» господина Калитина. Видения пропали так же внезапно, как и появились.

«Я больше не могу выдавить из себя ни строчки, – сокрушался Марат. – Как отрезало!»

Закревская утешала его.

«Это же хорошо, – говорила она. – Видения перестали тебя беспокоить. Ты ведь этого хотел?»

«Да, но...»

Она засмеялась.

«Видишь, ты тоже употребляешь этот "психологический прием"».

«С кем поведешься, от того и наберешься!»

Марат шутил, хотя на самом деле ему было грустно.

«Я уже возомнил себя великим писателем...»

«У тебя еще все впереди. Дерзай».

«Ты не понимаешь, – сердился он. – То было нечто особенное... И потом, мне хочется узнать, каково продолжение истории. Это очень важно для меня. Я чувствую!»

«Ну вот! – смеялась она. – Люди приходят лечиться, а когда выздоравливают, начинают проявлять недовольство. Им не хватает их болезни. Не странно ли?»

«Жизнь вообще странная штука, – сказал Марат. – Ты не находишь?»

«Наверное, ты прав...»

Она все чаще стала задумываться о жизни. Совсем не так, как раньше. В молодости ее интересовали две вещи – медицина и карьера. Теперь все

переменилось. Жизнь раскрывалась перед ней с неожиданной, совершенно незнакомой стороны. Из зачитанной книги она превращалась в интересный роман.

Ангелина Львовна начала чувствовать и даже дышать по-другому. Она перестала смотреть на Марата как на приятеля. Их отношения волновали ее, вызывая удивительные, необъяснимые ощущения.

Она перестала посмеиваться над Самойленко. То, что он говорил, уже не казалось ей полнейшей чушью. Его магический шар занял почетное место на ее столе. Он стоял там уже третий день. Но пока ничего из ряда вон выходящего не происходило...

Глава 24

Памир

Изотов молча смотрел, как у входа в туннель сустились киношники. Ему не нравились ни сама суета, ни то, что он дал разрешение на съемки. Прав был Паршин, когда отмахивался от Бахмета. Пусть бы снимали окружающую природу, горы, портал туннеля, строителей, технику. Но внутрь их пускать не следовало.

Не попроси его об этом Лариса Мельникова, он бы отказал. Но ей он отказать не мог. Теперь оставалось только молить бога, чтобы все обошлось. Изотов чувствовал себя не в своей тарелке. Почему? Он и сам не знал.

Каскадеры под управлением Бориса выносили из автобуса и складывали на камни оборудование, пиротехники возились со своими приспособлениями, актеры примеряли каски и противогазы. Операторы о чем-то спорили между собой, а Глафира носилась от одних к другим, кричала, хваталась за голову и закатывала глаза.

Только два человека оставались с виду спокойными – Мельникова и Бахмет. Но и их спокойствие было обманчивым.

Режиссер обдумывал, как бы ему ухитриться и отснять эпизод со взрывом в туннеле быстро и качественно. Изотов хоть и дал разрешение, но строго предупредил:

– Только на один день, Дмитрий Лаврентьевич.

– А если мы не успеем?

– Извините, больше ничем помочь не могу. Вы уж как-нибудь постарайтесь уложиться. Сами понимаете, строительство такого объекта требует строгой дисциплины и повышенного внимания. Нахождение посторонних в туннеле крайне нежелательно. Да и техника безопасности не предусматривает ничего подобного. Так что будьте любезны к вечеру все закончить. Один день в вашем распоряжении, и не больше.

Бахмет попытался возразить, но Изотов был непреклонен. Оставалось согласиться с его условиями.

Лариса после своего обморока в туннеле ходила сама не своя. В-первых, она плохо себя чувствовала. Кружилась голова, подташнивало, дрожали руки. Во-вторых, ее беспокоил найденный в кармане куртки

желтый камешек. Она уже несколько раз, тайком от всех, тщательно рассматривала его. Камешек пугал ее. Он был очень похож на самородное золото. Лариса ничего не смыслила в геологии и металлах, но она все-таки имела педагогическое образование и кое-что соображала.

Она боролась с желанием показать камешек Глафире. Ее останавливала боязнь показаться глупой или, что еще хуже, ненормальной. Если это обычный камень, то Глафира долго будет над ней смеяться. Если же это действительно золото, то возникнет вопрос, как оно попало к Ларисе. Кто поверит, что она нашла самородок в кармане собственной куртки? Она бы сама сочла такого человека обманщиком. Как же быть?

– Что вы здесь делаете, Мельникова?

Лариса вздрогнула от неожиданности. Перед ней стоял режиссер Бахмет. Он был явно рассержен.

– Я? – растерянно спросила она, боясь поднять глаза.

– Вы! Кто же еще? – раздраженно бросил Бахмет. – Вам известно, что нас пустили в туннель только до вечера? Мы должны все успеть. Абсолютно все!

Его взгляд так неприятно впился в ее лицо, что Лариса ощутила это физически и попятилась.

– Х-хорошо... – проямлила она. – Я уже иду...

– Глафира с ног сбилась, а вы тут прохлаждаетесь. Здесь вам не парк культуры и отдыха. Работать надо!

Бахмет метал молнии. Лариса поспешила прочь, подальше от его пронизывающего взгляда.

«А вдруг он знает о золоте?» – подумала она. И тут же отмела эту мысль. Откуда Бахмету знать?

– Где ты бродишь? – набросилась на нее Глафира. – Я тебя зову, зову... Оглохла, что ли?

– Я не слышала.

Лариса не лгала. Она действительно ничего не слышала. Наверное, после обморока у нее притупился слух.

Остаток времени перед съемками прошел для нее в беготне и суете. Они с Глафирой что-то искали, подносили, уносили, подавали... В этой несусветной суматохе Лариса не замечала своего страха перед туннелем. Она видела, что каждый занят своим делом, все сосредоточены, собраны, и это ее успокаивало.

Изотов пожелал присутствовать при съемках лично и все контролировать. Он старался находиться рядом с Ларисой. Им даже удалось переброситься парой фраз.

Наконец все было готово. Операторы приспособились к подземным условиям, каскадеры приготовились к трюкам, пиротехники дали добро, и машина кино пришла в действие. Главный эпизод сняли более-менее благополучно. Бахмет ужасно беспокоился, но «взрыв» превзошел ожидания. Было много огня, дыма и грохота. Каскадеры тоже не оплошали. Словом, все шло как по маслу.

– Снято! – торжественно заявил Бахмет. Он был доволен.

Голос режиссера, возвестивший о завершении съемок, был воспринят с восторгом. Теперь можно расслабиться.

Изотов вздохнул с облегчением. Кажется, все обошлось. Он повернулся, отыскивая взглядом Ларису. Ее нигде не было.

После съемок, которые прошли на одном дыхании, четко и слаженно, снова возникла суматоха. Все бегали, что-то искали, складывали, упаковывали, смеялись. В туннеле стоял запах дыма и пороха, хотя Изотов велел включить вентиляцию.

Пиротехник с благодарностью пожимал ему руку.

– Вы нас так выручили, – говорил он. – Спасибо.

Тем временем Лариса и Глафира уединились, спрятавшись за одним из ящиков.

– Ну, чего тебе? – нетерпеливо прошептала администраторша. – Давай, говори. А то Бахмет орать начнет. Все собираются, а нас нет.

Мельникова, измучившись, решила признаться Глафире в своих сомнениях по поводу камешка.

– Я вам одну вещь показать хочу...

– Так срочно? В автобусе покажешь. Или дома.

Лариса схватила администраторшу за руку и упрямо покачала головой.

– Нет. Мне сейчас надо.

– Какая ты упрямая, Мельникова! – прошипела Глафира. – Ладно. Показывай, только побыстрее.

Лариса оглянулась. Их никто не видел. Все были заняты своими делами.

– Ну, давай! – подгоняла Глафира.

Карман брюк, в котором лежал злополучный камешек, закрывался на молнию. Лариса начала нервничать, и молнию заело. Администраторша потеряла терпение.

– Чего ты возишься? – разозлилась она. – Быстрее! Нас небось ищут уже.

Ларисе с трудом удалось залезть в карман и до – стать нужный предмет.

– Вот, смотрите, – обрадовалась она. – Что это, по-вашему?

Глафира судорожно вздохнула и впилась глазами в камешек. Она не сразу смогла раскрыть рот, чтобы задать вопрос.

– Где ты его взяла?

– Потом объясню, – зашептала Лариса. – Вы сначала скажите, что это такое?

– Ты что, совсем дурочка или притворяешься? Это же золото! Где взяла, спрашиваю?!

Мельникова уставилась на камешек, как будто в первый раз его увидела.

– 3-золото? Настоящее?

Глафира, возбужденная увиденным, дышала, как паровоз на полном ходу.

– Дай сюда! – Она схватила камешек и поднесла к самому носу, как будто золото имело запах. – Черт тебя побери, Мельникова! Это золотой самородок! Понимаешь?

– Ага...

– Третий раз спрашиваю, где ты его взяла?

– В кармане нашла...

Глафира приготовилась излить на бестолковую Мельникову свое возмущение, но ей что – то помешало.

– Кто здесь? – испуганно спросила она, оглядываясь.

Лариса поспешно спрятала золото обратно в карман. Ей показалось, что за ящиком мелькнула чья-то фигура. И в этот момент... раздался странный треск, полетели искры, и свет погас.

– Господи, спаси и помилуй! – пробормотала администраторша, крепко хватая Ларису за руку. – Эй! Помогите... У кого есть фонарь?

В туннеле было полно людей, которые воспользовались фонарями на касках. Изотов подбежал к женщинам.

– Все в порядке? Сейчас я вызову электриков. Они все наладят. Не волнуйтесь.

– Выведите ее на воздух, – попросила Глафира, передавая ему Ларису с рук на руки. – А то опять в обморок грохнется...

Свет так и не дали. Пришлось использовать фонари и аккумуляторные лампы. Съёмочная группа выбралась из туннеля, когда совсем стемнело. Всех сморила усталость. Оборудование грузили в полном молчании.

Изотов усадил Ларису в автобус и вернулся в туннель. Электрики разводили руками.

– Повреждение кабеля, – говорили они. – Надо устранять. Придет

ночная смена, пусть они и работают.

– Ладно, – согласился Изотов. Он тоже устал. – Пойду спать.

Выйдя наружу, он увидел, что автобусы съемочной группы все еще стоят. К инженеру подбежал Борис.

– Бахмет пропал! – выпалил он. – Наш режиссер. Ищем, зовем... Нет нигде.

– Как пропал? Куда? Каскадер нервно кашлянул.

– Понятия не имею...

– Когда вы его видели последний раз? Зовите всех сюда!

Уставшие, взволнованные люди не внесли никакой ясности в исчезновение Бахмета. Все его видели во время съемок и потом, когда закончили и собирались домой. Наступившая темнота внесла дополнительную сумятицу. Но и в темноте, прорезанной лучами фонарей и аккумуляторных ламп, некоторые слышали голос режиссера.

– Бахмет выходил из туннеля?

На этот вопрос никто не смог ответить. Кому-то показалось, что он видел режиссера, а другие утверждали, что Бахмет не выходил. Изотов почувствовал, как голова идет кругом.

– Может, он отошел куда-то? В туалет, например...

– Мы еще поищем, – сказал Борис. – Ваши люди помогут?

Изотов снова вернулся в туннель. Режиссера искали повсюду, но так и не нашли. Автобус с киношниками уехал. До кишлака по скользкой от талого снега дороге добирались долго. Несмотря на усталость, многие не сомкнули глаз до утра.

– Куда мог деться Бахмет? – спрашивала Лариса.

Администраторша пожимала плечами.

– Утром придется ехать на стройку, искать. Может, он куда отошел да оступился в темноте. Упал, ушибся... Горы все-таки.

– А мог он в пропасть свалиться? Глафира с сомнением покачала головой.

– Где там пропасти? Поблизости вроде нет. Так... неглубокие расщелины. Может, и упал в какую. Все бывает.

– Ужас...

– Ты про золото никому не говорила? – неожиданно спросила администраторша.

– Нет, – прошептала Лариса. – Только вам.

– И не говори! Держи язык за зубами. Поняла?...

Москва

За окнами стоял бледный рассвет. На оттаявшие тротуары сыпалась мелкая снежная крошка. Похолодало.

Марат пришел в студию раньше всех, отпустил охранника. Открыл свой кабинет и сразу взялся за телефон. Через пару минут хлопнула входная дверь.

– Здравствуйте, Марат Анатольевич, – мелодично пропела Ирочка, стуча каблуками модных сапожек.

Она специально прошла мимо его открытой двери – стройная, тонкая в талии, в обтягивающем костюме из буклированной ткани. Песочный цвет костюма очень шел ей.

– Привет, – пробормотал Калитин, не отрываясь от телефона. – Чайку сделаешь?

Ирочка обиженно хмыкнула и загремела посудой.

«Наверное, опять звонит этой своей докторше, – ревниво подумала она. – И что он в ней нашел? Толстая, круглая и скучная бабенка».

Ангелина Львовна приходила в «Профиль» пару раз вместе с шефом и очень не понравилась Ирочке. То, как он смотрел на свою гостью, зажгло в сердце приемщицы настоящий пожар.

«Какие мужчины дураки! – думала Ирочка, провожая докторшу ненавидящим взглядом. – Красивых женщин рядом не замечают. Приклеятся к какой-нибудь клуше, а потом не знают, как от нее отделаться».

Между тем госпожа Закревская вовсе не была клушей. Ее фигура отличалась полнотой, но сохранила легкость и изящество. Прическа оказалась самая простая, а лицо – милое и естественное, без косметических излишеств. Именно то, что докторша выглядела довольно привлекательно, и взбесило Ирочку.

Пока она с этими мыслями заваривала чай, резала лимон и готовила бутерброды, Калитин, по странному совпадению, тоже думал об Ангелине Львовне. Видения, доставлявшие ему столько хлопот, прекратились не без ее помощи. Сначала он обрадовался, а потом... ему стало чего-то не хватать. Единственной ниточкой, связывающей его с той давней загадочной жизнью, начала которой он не знал, а конца так и не смог вспомнить, – была она, Лина. Она читала его записи, и только с ней он мог говорить об этом.

Они стали чаще встречаться. По инициативе Марата. Он не мог

определить, чего ему больше не хватало, «опусов» или общения с Ангелиной Львовной. Наверное, и того, и другого.

– Алло! – наконец ответили на том конце связи.

– Ты что, Цезарь, спишь до сих пор? – возмутился Калитин. – Полчаса дозвониться не могу.

– Я в Интернете сидел, – лениво ответил абонент.

Цезарь Акимов был давним знакомым Марата. Классный специалист по компьютерам, он мог взломать любой код, любую защиту и проникнуть в любую базу данных.

– Сделал то, что я просил?

– Обязательно сделал. А как же? – обиделся Цезарь. – Включайте свою машину, я сейчас пришлю сообщение.

В открытую дверь кабинета заглянула Ирочка с подносом, уставленным едой.

– Давай все сюда, – махнул рукой Калитин. – Я голодный как волк.

Она молча поставила поднос и удалилась.

Обжигаясь горячим чаем, Марат включил компьютер и начал читать сообщение. По мере чтения он даже перестал жевать. Интересная вырисовывалась картина.

Он снова набрал номер Цезаря.

– Спасибо, Акимов. Ты просто гений! Это все, что удалось выяснить?

– В общих чертах, да. Думаю, там основные данные.

– Ладно, пока. С меня причитается.

Марат принялся читать сообщение второй раз, более внимательно.

Выполняя поручение Ангелины, он тщательно изучал частную жизнь Данилы Ревина. Получается, около двух лет назад владелец «Роскомсвязи» начал снимать сначала со своего личного счета, а потом и со счетов фирмы одну сумму за другой. Поначалу это были небольшие деньги, но постепенно аппетиты господина Ревина росли. Причем о своих тратах он не ставил в известность ни финансового директора, ни главного бухгалтера, ни собственную жену. Они оказывались перед свершившимся фактом, и только. Каких-либо объяснений Ревин никому не давал.

Постоянные финансовые кровопускания поставили «Роскомсвязь» на грань банкротства. Но Ревину, казалось, было все равно. Он вел себя, как человек либо отчаявшийся, которому нечего терять, либо как сумасшедший. Оставался еще один вариант: Ревин безумно влюбился. Такое бывает. Мужчина напрочь теряет голову, швыряет деньги налево и направо, покупает своей даме сердца виллу на Канарах, бриллианты и шубы, возит ее по Европе, оплачивает шопинг, кутит и безумствует в

казино и ночных клубах.

Марат проверил и это. Бывшие сотрудники агентства «Барс» охотно откликнулись на его просьбу провести расследование. Никакой любовницы у Ревина не оказалось. Более того, он не ездил ни на Канары, ни в Европу, и даже не посещал московские казино. Никаких мало-мальски крупных покупок он в последнее время тоже не делал.

Тогда Калитин предположил другое: возможно, Ревина кто-то шантажирует. Бизнесмен вынужден платить вымогателю огромные деньги, сохраняя все в тайне.

Наблюдение за Ревиным если не полностью опровергло эту версию, то посеяло серьезные сомнения. Во-первых, тот совершенно не походил на удрученного, подавленного обстоятельствами человека. Напротив, Даниил Петрович был спокоен, уверен в себе и даже весел. Сотрудники и знакомые отмечали, что у него был период беспокойства и депрессии, но быстро прошел. Это подтверждала и Закревская, к которой Ревин ходил на сеансы психотерапии.

Во-вторых, Даниил Петрович являлся весьма состоятельным человеком и, став объектом шантажа, наверняка попытался бы решить проблему силовыми методами. У него была охрана, служба безопасности, связи в определенных кругах. Так что покорно и безропотно платить он бы не стал.

Жена Ревина пребывала в полнейшем ужасе от поведения своего супруга. Она пыталась его лечить, уговаривала, устраивала истерики, плакала, пугала разводом, но ничего не добилась. Тогда она принялась бегать по гадалкам, колдунам и экстрасенсам. Но те только разводили руками.

Итак, никто ничего не мог понять. Кроме самого Ревина. Он, очевидно, знал, что делает. И действовал целенаправленно.

Марат решил выяснить, куда идут финансовые потоки, исчезающие со счетов «Роскомсвязи». Это оказалось не так-то просто. Помог Цезарь Акимов, мастер компьютерных программ и талантливый «взломщик». Его информация была неоценима.

Судя по присланному им сообщению, Ревин являлся тайным соучредителем некой строительной фирмы, специализирующейся по проходческим работам. Мало того, Ревин еще частично финансировал сначала проект, а затем и строительство туннеля в Таджикистане. Делалось это через подставных лиц, в строжайшем секрете. Туннель для автомобильного движения прокладывался через Язгулемский хребет в горах Памира.

– Черт знает что! – воскликнул Марат, еще и еще раз перечитывая сообщение хакера.

Судя по словам партнеров и сотрудников, Ревин никогда не интересовался строительством. Ладно бы еще жилищным, это хоть сулило прибыли. А туннель в Таджикистане? С какой стати он ввязался в этот проект? Выгода? Более чем сомнительная. Благотворительность? Ревин был рационалистом и прагматиком. Он не занимался благотворительными акциями, тем более такого масштаба, как строительство туннеля в горах. Это просто смешно!

Марат думал. Он рассуждал и так, и этак. Как ни крути, в поступках Ревина отсутствовала логика. Допустим, тот захотел поучаствовать в строительстве туннеля. Но зачем? С какой стати? «Роскомсвязь» не имела никакого отношения к строительству. Никакого!

Впрочем, у каждого свои странности. Вот взбрело Ревину в голову заняться строительством. И он занялся. Но почему тайно? Партнеры бы не одобрили? Так ведь они все равно рано или поздно узнают. И скандала не миновать. Зачем осложнять себе жизнь? Может, и правда Даниил Петрович немного не в себе? Психика – штука хрупкая: даст трещину, и пиши пропало. А главное, сразу-то не всегда заметишь. Вроде бы человек как человек. Так же ходит, дышит, разговаривает. Только внутри у него начались уже невидимые глазу изменения, которые постепенно нарастают. Что ж, если так, то... все объяснимо.

«Слишком просто, – сказал себе Марат. – Я выбрал самый легкий путь. Его жена придерживается того же мнения: Ревин сошел с ума. Стало быть, гадать больше не о чем. Все его поступки – плод больного мозга».

Калитин чувствовал: за странностями Ревина что-то кроется. По неизвестным пока причинам бизнесмен задумал и осуществляет нечто очень для него важное. Настолько важное, что вся его текущая жизнь отошла на второй план. Фирма, репутация, благополучие, обеспеченное будущее, взаимоотношения с женой – все отступило перед новой целью. Но что это за цель?

Если проанализировать поведение Ревина за последние два года, то можно сделать вывод: человек ведет себя так, будто у него нет будущего. Все, ради чего он жил, осуществилось. Или осуществится в самом скором времени.

Ну не может быть смыслом жизни – строительство туннеля! Все существо Марата противилось этому. А факты говорили обратное.

– Я чего-то не понимаю. Не улавливаю, – пробормотал он. – Самое главное от меня ускользает.

– Можно забирать посуду? – поинтересовалась Ирочка, просовывая в дверь аккуратно причесанную головку.

Она заметила, что шеф говорит сам с собой. Допрыгался! Холостяцкая жизнь до добра не доводит.

– Чего тебе? – растерялся Калитин.

Ирочка вздохнула, всем своим видом выражая сочувствие.

– Посуду, спрашиваю, забрать можно?

– А-а, посуду... да-да, конечно... забирай...

Она покачала головой, складывая на поднос чашку и тарелку от бутербродов.

– Вам жениться надо, Марат Анатольевич. А то вы уже... сами с собой разговариваете. Куда это годится?

– Никто не хочет выходить за меня, – пошутил Марат. – Ненадежный я. Ветренный. Не внушаю женщинам доверия.

Ирочка только хмыкнула, шествуя с подносом к двери. Шеф невыносим! Просто бревно с глазами! Когда же он заметит ее любовь?!

Едва она вышла, Марата осенило. Он не успел выяснить, почему Ревин бросил альпинизм. Молодой, подающий надежды скалолаз вдруг перестает ходить в горы. Внезапно. Без всяких причин. Но так не бывает! Куда Данила поднимался в последний раз? На Памир? Кажется, его товарищ что-то говорил о Язгулемском хребте... И туннель строится там же. Как раз через Язгулемский хребет...

Глава 25

Проводив очередного пациента, Ангелина Львовна ощутила усталость. Обычно она начинала утомляться после обеда, под вечер, когда за окнами сгущалась тьма. Ей хотелось домой, чтобы после ужина забраться на диван и почитать интересную книгу или просто подумать. Но сегодня с самого утра у нее появились тяжесть в голове и желание прилечь.

«Хоть бы никто больше не пришел», – подумала она.

В кабинете тихо гудела газовая печь. По голубым изразцам перемещались солнечные зайчики. Сонный туман медленно заволакивал ее сознание...

Она знала, что бывает такое пограничное состояние, когда человек еще не спит, но уже и не бодрствует. Он пребывает в мире то ли своих, то ли чужих фантазий, бродя по ним, как по незнакомому городу в сумерках. Эти фантазии перемешиваются в его воображении и затягивают все глубже и глубже, уводя в темные переулки и проходные дворы...

Она не заметила, как оказалась в мрачном подвале, где сводчатый потолок смыкался высоко вверху, а стены были покрыты копотью и сажей. Маленький светильник мерцал в узкой нише. Седой мужчина в бархатной одежде что-то объяснял молодому, стройному и порывистому юноше.

– Смотри, – говорил он. – Это кристаллический солнечный свет. Ты прочитал трактат?

– Да... – нерешительно ответил юноша. – Но почти ничего не понял.

Старик разозлился. В его голосе зазвучал неприкрытый сарказм.

– Еще бы! – прокаркал он. – У тебя в голове – непристойные утехы, глупый отрок! Ты думаешь о дамских юбках, тогда как твое дело – изучать философию сокровенного мира. Недостойный! Ты не заслуживаешь...

– Вы гоните меня, учитель? – юноша радостно вскочил с каменной скамьи. В руках он мял малиновый берет с пером, готовясь водрузить его на голову.

– Сядь, нечестивец! – гаркнул старик и закашлялся. Его легкие, пропитанные дымом и парами ртутью,

слабели с каждым днем. Юноша покорно опустился на скамью, пережидая приступ кашля у старика.

– Я сам буду рассказывать тебе... – прохрипел тот. – Небесный шар есть источник и дух золота. Само же золото – символ Духа...

Чтобы отдышаться, старику понадобилась пауза. Юноша воспользовался этим.

– А... почему вас называют «копателями»? – робко поинтересовался он. – Я смотрел картинки в трактате. Там алхимики изображены с кирками и лопатами, роющими землю. – Глупый отрок... ты смотрел картинки! Не удивительно, что ты ничего не понял. – Старик судорожно вздохнул и продолжал: – Мы ищем редкие зерна тайного послания, которые затеряны в невежестве. Представь себе жемчужину, заключенную внутри моллюска, скрытого на морском дне. Искатель Истины – словно охотник за жемчугом. Он опускается в море материальных иллюзий в поисках понимания. Это и есть драгоценная жемчужина.

– Я думал, вы ищите золото...

Новый приступ кашля сотряс тщедушное тело старика. Но его глаза горели исступленным огнем. Он задыхался от отчаяния. Его земной путь близится к концу... а передать накопленные крупницы знания некому. Этот юноша, бестолковый и нетерпеливый, ничего не усвоит.

– Золото не надо искать. Его семена содержатся в каждой одушевленной и неодушевленной вещи во вселенной, – назидательно произнес старик. – Каждый гран песка освящен духовной природой. Золото есть дух всех вещей! Цель алхимии не в том, чтобы создать что-то из ничего. Мы пытаемся оплодотворить семя, которое уже присутствует. Алхимия выращивает вездесущие семена золота, а не создает их...

Юноша ничего не понимал, но боялся признаться в этом.

– Смотри! – старик снова ткнул пальцем в картину, на которой были изображены ангелы, архангелы и другие небесные создания. – Они излучают

сияющую энергию. С ее помощью небесные существа совершают переходы через тонкие сверхфизические миры. Они не имеют человеческого обличья, как изобразил этот художник, но могут принимать его.

– Зачем?

– Чтобы ты, полный тупости и невежества, смог увидеть их и узнать! – рассвирепел старик. – Понял?

Юноша торопливо кивнул, опасаясь гнева учителя. От страха он перестал что-либо соображать и только кивал головой и хлопал глазами, как заводная кукла. То, что он слышал, повергало его в сонное состояние.

Старику же ничего не оставалось, как продолжать.

– Я был членом самых секретных орденов, – хрипел старый алхимик. – Я собрал по капле всю их скрытую мудрость. По их представлениям, солнце населено созданиями, излучающими духовный эфир, похожий на состав пылающего светила. Я думаю, солнце питается этой энергией. Сии создания – бело-золотистого цвета, и от них идет эманация^[24] четырех потоков. Духи Света...

На этих словах старик запнулся. В груди его что-то заклокотало. Он вздрогнул всем телом, глаза его померкли, дыхание прекратилось. Алхимик медленно осел на пол и замер.

Юноша не сразу опомнился. Он все еще как бы продолжал слушать старика, который словно оцепенел.

– Учитель... – Он наклонился и посмотрел в остекленевшие глаза алхимика. – Что с вами?

Старик молчал, уставившись в одну точку.

Юноша приложил ухо к его впалой груди и прислушался. Ни звука. Он отпрянул в испуге.

– Учитель... вы умерли?...

Единственная свеча, дававшая немного света, вспыхнула, рассыпавшись бледными искрами, и погасла...

Ангелина Львовна открыла глаза. Что это было? Какое странное состояние дремы, в котором происходят удивительные вещи. Мрачное

подземелье алхимика, его слова, испуганный ученик... как будто она видела все своими глазами, участвовала в трагической сцене...

Доктор Закревская тряхнула головой, сбрасывая наваждение, встала и прошла по кабинету. В окно стучал ветками голый тополь. Его огромные блестящие почки кое-где лопнули, выпустили наружу клейкую зелень. Что ж, пора. Уже апрель на пороге. Весна...

Она смотрела в окно и не узнавала привычной повседневной картины – мокрые тротуары, вылинявшие за зиму фасады домов, люди, выходящие из магазина напротив, припаркованные автомобили... Москва вдруг показалась ей чужим, незнакомым городом. В голове шумело и бродило что-то наподобие хмеля.

– Что со мной? Где я? – пробормотала она, потирая виски.

Ангелина Львовна села и прислушалась к себе. Никакого объяснения происходящему не нашлось. Ее взгляд обратился на «магический» шар, принесенный Самойленко. Шар как шар... холодный, прозрачный. В нем не было даже того неуловимого золотистого свечения, которое она не раз замечала при Ревине.

Она пристально уставилась на шар в попытке усилием воли проникнуть в его тайну, в его скрытую природу, но... тщетно. Шар казался непроницаемым, а та, возникшая в глубине ее сознания картина, бледнела и таяла.

– Что я делаю? – спросила она себя. – Я поддаюсь на все эти глупости, выдуманные Самойленко. Мое воображение играет со мной, а я соглашаюсь на его обман. Боже мой! Как же это просто – уйти от реальности в мир собственных фантазий! Неужели жизнь настолько скучна, что люди вынуждены хвататься за малейшую возможность развлечь себя? Чем угодно! Пусть даже вымыслом. Лишь бы пережить не то, что им приходится видеть изо дня в день...

– К вам можно?

Явившаяся на сеанс пациентка отвлекла Ангелину Львовну от размышления над следующим во – просом. Если увиденная ею картина – вымысел, то чей? Уж она-то ничего похожего выдумать не могла. Алхимика, золото и светоносные существа были совершенно вне сферы ее интересов.

– Входите, – сказала она, стараясь сосредоточиться на предстоящем сеансе.

Молодая женщина, нервно поеживаясь и не зная, куда деть руки, рассказывала тривиальную историю.

Муж ей изменяет. Сначала она ничего не знала, но потом... его

поздние возвращения, частые командировки, возникшая холодность заставили предполагать присутствие другой женщины. Трагедия под старым, как мир, названием – «Другая», – стремительно набирала обороты.

– Мы с ребенком стали ему неинтересны, – рыдала пациентка, всхлипывая и сморкаясь в белоснежный платочек. – Он стал чужим, грубым и... нетерпимым. Я даже не могу ни о чем его спросить! Это какой-то кошмар...

– Вы пытались поговорить с мужем? – спросила Закревская.

Женщина подняла на нее заплаканные глаза и отрицательно покачала головой.

– Я... боюсь...

– Чего?

– Вдруг он совсем уйдет? Ведь муж думает, что я ничего не знаю. Он скрывает от меня свою измену. А если... Нет! Пока окончательный разрыв не произошел, у меня есть шанс. Помогите мне!

Ангелина Львовна вздохнула.

– Какой помощи вы ждете? – спросила она. – Вы хотите наладить отношения с мужем? Или смягчить последствия разрыва?

В глазах пациентки мелькнула слабая надежда.

– Я... не знаю... Можно ли что-то исправить?

– Исправить... Что значит исправить, как вы думаете?

Женщина снова заплакала. Она не хотела ничего исправлять. Она хотела, чтобы пришел кто-то великий, правильный и своим «высочайшим повелением» вернул все на круги своя. Чтобы в ее семейной жизни наступила прежняя благодать, чтобы муж любил только ее и навсегда утратил интерес ко всем посторонним женщинам.

– Исправить – значит внести необходимые изменения, – объяснила Ангелина Львовна, понимая, что говорит в пустоту. – Сделать лучше. Вы готовы менять свои правила и принципы?

– Почему он разлюбил меня? – сквозь слезы твердила женщина. – Все было так хорошо! Мы провели медовый месяц в Египте... Его родители подарили нам двухкомнатную квартиру! Он носил меня на руках...

«О чем она говорит?» – подумала Закревская и посмотрела на шар. Нейтральный, далекий от всего, что происходило вокруг, он казался вырезанным из льда. Только лед этот не таял.

Пациентка бурно возмущалась, вздыхала и сморкалась. Ей не нужны были ничьи советы, потому что она не собиралась их исполнять. Ей нужно было выплеснуть свою обиду, свои обвинения и свое горе.

Ангелина Львовна слушала ее и думала: «Я не замужем. Какое

счастье!..»

Памир

Наутро после съемок строители обнаружили Бахмета. Замерзший, дрожащий, в изодранной грязной одежде, он выглядел ужасно.

– Валерий Михайлович! – подбежали к Изотову два проходчика. – Пропавший нашелся! Ну, режиссер этот.

– Живой?

– Слава богу, жив. Но замерз сильно. И вообще... чумной какой-то. Не разговаривает. Мы его в медпункт отвели.

У Изотова отлегло от сердца. Главное, не случилось самого страшного, и теперь ему не придется отвечать. Паршин все еще болеет, и ответственность за людей и ход строительства лежит на его заместителе.

– Где он был? – спросил инженер. Проходчики переглянулись и развели руками.

Они не знали.

– Мы поутру, еще в сумерках, идем на работу... глядим – кто-то бредет, еле-еле. Шатается, как пьяный. Думали, это Степаныч, электрик, «заложил» как следует после ночной смены. Ну... окликнули. Он не отвечает. Подошли ближе... видим, чужой. Вроде на режиссера похож. Стали расспрашивать, а он молчит, только глазами моргает. Поняли, что не в себе мужик. Принюхались, вроде трезвый. Взяли его под руки – и в медпункт. Все...

– Вы уверены, что это режиссер? Рабочие снова переглянулись.

– Кому еще быть-то? Раз не наш, значит... он. Вчерась потерялся, говорят. А кто ж это тогда?

– Ладно, идите, – махнул рукой Изотов. – Я сам разберусь.

Он быстро зашагал в медпункт. Возле больного сидел врач, измерял давление.

– Привет, Костя, – поздоровался Изотов. – Что тут у тебя?

– Да вот, заблудший явился, – обернулся врач. – Где его всю ночь носило?

Инженер сразу узнал Бахмета. Это действительно был он, бледный, с ввалившимися щеками.

– Что с ним?

– Спит. Я ему укол сделал.

Изотов подошел и сел на свободный край скамейки. Бахмет хрипло дышал, его веки нервно подрагивали.

– Рассказал, что случилось? – спросил инженер.

– Нет. По-моему, он в состоянии шока, – вздохнул врач. – Даже не понимает, чего от него хотят. Плюс переохлаждение организма. А так... вроде все стальное в порядке. Голова цела, руки-ноги тоже. Никаких сильных ушибов на теле нет. Думаю, через пару дней оклемается.

– Когда с ним можно будет поговорить? Врач немного подумал.

– После обеда. Он выспится, отдохнет... Может, начнет общаться. Но я ничего не обещаю.

– Хорошо. После обеда я загляну, – сказал Изотов. Какая-то смутная мысль не давала ему покоя. – Знаешь что, Костя, не оставляй его одного. Побудь рядом.

– Я и сам собирался...

– Не отходи от него ни на шаг! – строго приказал инженер. – Ты понял?

Доктор растерянно кивнул.

Изотов вышел из медпункта в прескверном расположении духа. Что-то в исчезновении Бахмета настораживало его. Где режиссер пробыл всю ночь? Почему не откликнулся, когда его звали?

К десяти утра приехали каскадеры во главе с Борисом, продолжать поиски. Обрадовались, узнав, что Бахмет найден, живой и невредимый.

– Мы его заберем, – предложил Борис. – У вас и так забот хватает.

Но врач оказался категорически против.

– В крайнем случае завтра, – сказал он. – Вашему режиссеру нужна медицинская помощь.

– У нас тоже есть доктор.

– Нет, – решительно возразил Костя, помня об указании Изотова. – Пока я за него отвечаю и хочу быть спокоен. Увижу, что он в порядке, тогда забирайте.

Время до обеда тянулось долго. Несмотря на начало апреля, дул холодный ветер, разгоняя облака. Ночью подморозило, и теперь, на солнце, все таяло, капало и журчало. Между камней пробивались веточки арчи, зеленела первая травка.

Изотов еле дождался трех часов, когда Бахмет должен был проснуться.

– Ну, можно с ним поговорить? – шепотом спросил он у Кости, который стоял и курил у двери в вагончик-медпункт.

– Попробуйте, – с сомнением ответил врач. – По-моему, он еще не очухался.

Инженер вошел и уселся возле пострадавшего. Тот выглядел измученным; тяжелые красные веки еле поднялись, когда он взглянул на Изотова.

– Дмитрий Лаврентьевич, вы можете говорить? – спросил тот, сдерживая внутреннюю дрожь, которая началась сразу, как только он опустился на скамью.

Бахмет чуть шевельнул головой.

– Что с вами случилось? Вы заблудились в туннеле?

Режиссер молча смотрел на Изотова. Постепенно его лицо прояснялось.

– Да... – прошептал он, с трудом шевеля губами. – То есть нет... не помню. Я... вышел...

– Куда? Куда вы вышли? – наклонился к нему посетитель.

Бахмет силился вспомнить и не мог.

– Когда погас свет, вы находились в туннеле? Режиссер кивнул.

– Кажется, да... Мне стало... нехорошо... Закружилась голова. Потом... я захотел выйти на воздух и... пошел...

Изотову приходилось с трудом вытягивать из него каждое слово.

Выяснилось, что Бахмет все-таки вышел из туннеля, потом побрел куда глаза глядят, потом... заблудился между камней. Ночь он провел под открытым небом, не понимая, где он и куда идти. Холод окончательно отшиб у него всякое соображение. Утром какие-то люди помогли ему добраться до медпункта.

Так ничего толком и не выяснив, инженер решил еще раз поговорить с врачом.

– Что ты об этом думаешь, Костя? – спросил он.

– Ко мне несколько раз обращались проходчики, жаловались на дурноту и головокружение. Это состояние возникало у них именно в туннеле. Наверное, с режиссером произошло нечто похожее. Он почувствовал себя плохо, вышел наружу, потерял ориентацию и заблудился. Что у вас там творится? Может, газ просачивается? Когда концентрация маленькая, все хорошо, а если количество газа в воздухе возрастает, то...

– Но ведь мы все там были! – перебил его Изотов. – И я, и женщины, и остальные киношники. Никому ничего.

– Тогда не знаю, – вздохнул врач. – Может, у него сердце слабое или астма. Мало ли что? Я пытался расспрашивать, но у него такой стресс... Лучше оставить человека в покое на некоторое время. Вернется к себе в Москву, пусть там и лечится. Я вообще по специализации хирург-ортопед,

вы же в курсе.

Инженер попросил у Кости сигарету и закурил.

– Да, скверная история, – пробормотал он. – Ребята из съемочной группы хотят забрать Бахмета с собой в кишлак. Когда это будет возможно?

– Не раньше завтрашнего утра.

Изотов раскашлялся, бросил недокуренную сигарету и пошел к себе. Хотел прилечь на полчаса. Он уже вторую ночь не спал. Но сон не шел. Странное волнение все больше овладевало им.

Пришлось встать и идти в туннель. На первый взгляд, там все было спокойно. Электрики устранили повреждение кабеля, дневная смена подгоняла тубинги. Вдали, в темной глубине горы, стучали отбойные молотки. Изотов без всякой причины занервничал.

– Валерий Михайлович! – окликнул его бригадир электриков. – Тут вот какое дело... По поводу вчерашней аварии. Кто-то кабель перерубил. Я даже удивился. Может, это во время съемок случилось? Они там взрыв устраивали, осколок какой-нибудь отлетел. А?

– Это же все бутафория была! – разозлился инженер. – Фейерверк! Дым, огонь – все не настоящее. Понимаешь? Какой осколок? Не боевые же гранаты взрывали?

– Ну, я не знаю... – смутился бригадир. – Вам виднее. Только кабель был перерублен. Я доложил, а вы уж меры принимайте.

Настроение Изотова окончательно испортилось. Он слонялся по туннелю туда, сюда, беседовал с рабочими, о чем-то думал. Тревога не проходила. Наоборот, нарастала.

«Кто и зачем повредил кабель? – спрашивал он себя. – Паршин не пускал киношников в туннель и правильно делал. А я поддался на уговоры Ларисы, и вот нате! Сюрприз!»

Ничего страшного, в сущности, не случилось. Всего лишь погас свет, да режиссер заблудился... И то обошлось! Аварию устранили, пропавший человек нашелся. Все, казалось бы, в порядке. Работа идет как обычно.

Однако предчувствие беды не оставляло Изотова.

Он находился в туннеле по позднего вечера. Пока у Панчука не лопнуло терпение.

– Идите отдыхать, Валерий Михайлович, – сердито сказал он. – Вы посмотрите на себя! Бродите тут, как с креста снятый. Куда это годится? Сляжете, как Паршин, тогда стройка вовсе без присмотра останется. Идите, ради бога! Вам выспаться надо.

Инженер посмотрел на часы. Было начало первого ночи. Он развернулся и пошел к выходу. Когда добрался до своего вагончика, ощутил

смертельную усталость. Не успев раздеться, свалился на койку и захрапел.

В эту ночь все спали очень крепко. Глухой звук и прокатившийся по скалам толчок особо никого не испугали. Обычное землетрясение, каких случается здесь по два-три в сутки. Просыпаться начали от криков.

– Валерий Михайлович! Вставайте! Скорее... Изотов вскочил. Кто-то громко стучал в окно.

Он, полусонный, не понимая, что происходит, выглянул. За окном бледное, перекошенное лицо Панчука было страшно. Проходчик махал ему руками.

– Беда! В туннеле...

Инженер не дослушал. На ватных ногах выскочил наружу. К туннелю бежали люди, на ходу что-то кричали друг другу.

– Что? – гаркнул он, хватая Панчука за плечо.

– Взрыв! Там... – рабочий указал в сторону туннеля. – Бежим!

У портала туннеля медленно оседала пыль. Пахло каменной крошкой и дымом. Света внутри не было.

– Люди живы? – заорал Изотов, подбегая к растерянному бригадиру электриков. – Кто-нибудь выходил? Ночная смена... Фонари давай!

Ему казалось, что он все еще спит и видит страшный сон. Сейчас он проснется...

Глава 26

Москва

Ирочка любовалась своим маникюром. Ради него она час провела в салоне красоты. И вообще, сегодня она была особенно привлекательна. Мини-юбка обтягивала стройные тугие бедра, блузка соблазнительно просвечивалась, а большие яркие губы Ирочки призывно улыбались. Посетители осыпали ее комплиментами. И только господин Калитин равнодушно прошел мимо.

– Привет, – небрежно бросил он, едва подняв на нее глаза.

Проклятие! Ирочка стиснула зубы, чтобы не расплакаться при всех.

Фотостудия процветала. От клиентов отбоя не было, и рабочий день приемщицы проходил напряженно. Ирочка негодовала. Она сюда не вкалывать пришла! Ее цель – женить на себе Марата Анатольевича. А получалось обратное. С Калитиным она почти не встречалась, зато трудиться приходилось, не поднимая головы.

Хозяин «Профиля» не замечал страданий Ирочки. Или делал вид, что не замечает. Ему то и дело звонили какие-то женщины, с которыми он весьма игриво разговаривал и даже назначал им свидания. Он не собирался скрывать этого от Ирочки. Правда, в последнее время он все больше внимания уделял толстухе-докторше.

«И почему я не пошла после школы в мединститут? – сокрушалась Ирочка за ужином, когда они с мамой обсуждали текущие дела. – Никогда не угадаешь, чего этим мужикам надо!»

«Ничего, – утешала ее мама. – Ты от своего не отступай. Мужчин надо брать измором. Они нынче квелые какие-то стали. Экономическая ситуация их подкосила. И днем, и ночью нам приходится инициативу брать на себя».

Ирочка обиженно вздыхала.

«Чем я не хороша? Почему он едва меня замечает? Только когда проголодается? Сделай кофе... подай... принеси... и вся недолга. Хорошо, хоть спасибо не забывает говорить...»

Она не отчаивалась, но держать себя в руках ей становилось все труднее и труднее. Вот и сегодня ее старания не увенчались успехом. А явись эта круглолицая мадам Закревская, все было бы по-другому. Марат Анатольевич смотрел бы на нее ласковым взглядом, угощал шампанским, а

потом отвез бы на своей машине домой. И что он в ней нашел?

Этот вопрос возникал у Ирочки не в первый раз. Она сделала вывод, что поведение мужчин не поддается никакой логике...

Калитин сидел в своем кабинете, погружившись в раздумья. Чем больше он вникал в жизнь Данилы Ревина, тем менее понятным становилось поведение бизнесмена. Оказывается, партнеры «Роскомсвязи» уже кое-что пронюхали и устроили Ревину серьезные разборки. Но тот и не подумал ничего менять. Он наотрез отказался давать какие-либо пояснения, то есть попросту послал господ соучредителей к черту. Это было не только неразумно, а смертельно опасно. Словом, Ревин вел себя как самоубийца.

– Что бы сие могло значить? – пробормотал Марат. – Похоже, Данила окончательно рехнулся. Если он немедленно не примет меры к стабилизации финансового положения фирмы, ему конец.

Мысли только начали складываться в более-менее стройную картину, как кто-то позвонил. Марат нехотя снял трубку.

– Алло?

– Это вы, господин Калитин?

Голос звонившего был смутно знакомым.

– Я...

– Вы меня, наверное, не помните... – прозвучало в трубке. – Я Мельников. Владимир Мельников. Мы у вас в офисе ремонт делали года три назад.

– Извините...

– Конечно, не помните, – расстроился говоривший. – Я так и знал. Вы мне тогда еще телефон свой дали, велели звонить, если что.

Марат вспомнил. Мельников! Бригадир ремонтников, которые работали у него в агентстве «Барс». Неужели прошло уже целых три года?

– А! Теперь понятно. Как вы меня нашли?

– Я ходил к вам в агентство... но там мне сказали, что вы переехали, и дали новый телефон. Помогите мне, Марат Анатольевич! У меня... жена пропала.

Калитину стало смешно. Когда мужья разыскивают пропавших жен, это в большинстве случаев гнуснейшая вещь: дама сбежала или с любовником, или к любовнику. И никого не предупредила. Зачем лишние хлопоты, выяснения?

– Видите ли, я больше не занимаюсь частным сыском, – объяснил Марат. – Так что...

– Не отказывайте мне, – взмолился Мельников. – Милиция не станет

разыскивать Ларису. У них такие дела тянутся годами. У нас ребенок...

– У вашей жены был другой мужчина?

– Нет... полагаю, нет. Я бы догадался...

– Вряд ли. Обманутый муж обычно последним узнает о счастливом сопернике, – не щадя его чувств, парировал Калитин.

– Лариса не такая... Она не могла уехать, не сказав ни слова.

Мельников закашлялся. Он явно нервничал.

– У Ларисы никого не было, – добавил он. – И вообще, дело не в этом. Она устроилась на новую работу, где приходится ездить в командировки.

– Что за работа?

Калитин не собирался разыскивать пропавшую жену, он не хотел вмешиваться в жизнь чужой семьи. Но почему-то продолжал задавать вопросы. Интуиция подсказывала ему, что этот звонок не случаен.

– Она учительница. Преподавала биологию, – начал объяснять Мельников. – В школе мало платят, а у нас долги. С квартиры чуть не выселили. Я, как назло, руку сломал... Вот ей и пришлось устроиться на киностудию.

– Куда? – удивился Марат.

– На киностудию «Дебют». Может, слышали? Марат понял, что не ошибся. Мельников ему не зря позвонил. «Дебют»... кажется, это название уже где-то мелькало. Не в связи ли с Ревиным?

– Подождите минуточку, – сказал он, лихорадочно перелистывая блокнот, куда внес данные, заслуживающие внимания.

Так... проходческая фирма, проект туннеля в Таджикистане... Есть! Киностудия «Дебют» – еще один получатель денег от «Роскомсвязи».

Калитин почувствовал, как у него пересохло в горле. Он упустил киностудию, решив, что это некий побочный адресат финансовых вложений господина Ревина. Уж больно не вязалось – строительство туннеля и кино.

– Все не случайно в этом мире... – пробормотал Марат.

– Что?

– Нет-нет, это я так... по ходу дела. Вы говорили о командировках?

– Да, – обрадовался Мельников. Он понял, что ему помогут. – Лариса уехала в командировку, и до сих пор от нее ни слуху ни духу. Не пишет, не звонит... Я начал беспокоиться. Позвонил в офис киностудии, но со мной там не захотели разговаривать. Пришлось идти. Это рядом с метро «Авиамоторная». Оттуда меня выгнали, просто в шею вытолкали! Как мне узнать, где Лариса? Когда она вернется?

– Это ее первая командировка?

– Нет. Она уже ездила, но быстро возвращалась.
– А куда? Жена вам говорила? Мельников помолчал, вспоминая.
– В Геленджик... и еще куда-то, – ответил он. – Я забыл. Я не считал это важным.

– Когда Лариса уехала последний раз?
– Не так давно... в феврале.
– Сейчас только начало апреля, – сказал Марат. – Может, вы зря панику подняли? От нее были какие-нибудь известия?

Мельников ощутил неловкость. Его доводы выглядели неубедительно.
– Были... – признался он. – Письма по электронной почте.
– Откуда?
– Ой... такое трудное название. Ка... Калаихум, кажется. Да, вроде так.

– Где это?
– Разве я не сказал? – удивился Мельников. – Вся их группа уехала на Памир, снимать кино.

Калитин мысленно похвалил себя за терпение. Если бы он сразу отказал Мельникову, то ничего не узнал бы про «Дебют». Оказывается, киностудия тоже связана с Памиром. Чудеса...

– Вы мне можете помочь?
В голосе Мельникова звучала надежда. Если Марат Анатольевич возьмется, он не подведет.

– Сделаю, что смогу, – уклончиво ответил Калитин. – Во всяком случае, постараюсь. Наведу справки.

– Спасибо. Только... мне нечем вам заплатить... Но я отдам! Заработаю и отдам. Вы мне верите?

Марат подумал, что Мельникова ему бог послал. О каких деньгах идет речь?

– Не надо денег, – сказал он. – Люди должны иногда выручать друг друга. Просто так, по дружбе.

– Если вы ремонт задумаете, звоните мне! Я поправлюсь и все сделаю. Потолки, обои, плитку...

– Хорошо, – согласился Калитин. – Но сначала разыщем вашу жену. Вы можете со мной встретиться?

Он назвал маленькое кафе поблизости. Мельников заверил, что через час будет.

Марат выбрал столик в углу, заказал пиво и закуску. Мельников за три года почти не изменился. Калитин сразу его узнал. Они долго разговаривали, проясняя разные мелочи, касающиеся местонахождения

Ларисы, и расстались добрыми друзьями.

В «Профиль» Калитин возвращаться не стал. Поехал домой, чтобы в тишине все обдумать. Он не успел раздеться, как раздался сигнал мобильного. На экране высветилось сообщение.

Марат поспешил к компьютеру. Через пять минут на мониторе появился текст. Он прочитал сообщение два раза. Он всегда так делал. Итак, ему предстоит работа.

Расшифрованный текст гласил, что в Таджикистане, в районе Язгулемского хребта произошел взрыв туннеля и что Марату следует немедленно вылететь на место происшествия под видом члена комиссии по расследованию. Соответствующие документы готовы.

– О, черт! – только и сказал он. – Все сходится! Это уже серьезно...

Марат Калитин являлся законспирированным агентом одной из спецслужб. Его биография, так же, как сыскное агентство и фотостудия, были всего-навсего прикрытием.

«Мне еще необходимо выяснить все, что возможно, о Дебюте"», – подумал он. – Причем успеть сделать это до отъезда».

Он прошелся по квартире, собирая вещи, потом набрал номер Ангелины Львовны.

– Лина? Нам нужно срочно поговорить...

– Ты знаешь, который час? – удивилась она.

– Разумеется, знаю. Вызови такси и приезжай ко мне...

notes

Примечания

1

Намерения и поступки человека, совершающего попытки самоубийства.

2

Сверхъестественных.

3

Якобинец – буржуазный революционер-демократ.

4

Архар – горный баран.

5

Хангул – благородный олень.

6

Гидрологи – люди, занимающиеся наблюдением и исследованием водных объектов и ресурсов.

7

Монтесума – вождь ацтеков, возглавлял союз племен с центром в городе Теночтитлан (современный г. Мехико).

8

Кортес, Эрнан (1485–1547) – испанский завоеватель, возглавивший поход в Мексику, который привел к установлению там испанского господства.

9

Теночтитлан – столица государства ацтеков (на месте современного Мехико).

10

Большой нож для рубки сахарного тростника.

11

Завоеватели, испанские авантюристы, отправляющиеся в Америку после ее открытия для покорения новых земель.

12

Обсидиан – вулканическая горная порода.

13

Геодезия – наука об определении формы и размеров Земли и об измерениях на земной поверхности.

14

Мантра – магическая формула призывания и заклинания богов в древнеиндийской традиции.

15

Чакра – колесообразный вихрь на поверхности эфирного тела человека.

16

Парацельс (1493–1541) – врач и естествоиспытатель.

Дао – основное понятие древнекитайского трактата Лао Цзы: путь, учение, абсолют.

Суфизм – мистическое течение в исламе.

Трансцендентный – находящийся за границами познания и сознания.

Ламы – род парнокопытных животных семейства верблюдовых.

Зиккурат – культовая башня в архитектуре древней Месопотамии.

Репшнур – синтетическая веревка, выполненная в оплетке с сердцевинной.

Киррион – фантастическое название материала, частично нейтрализующего излучения кристалла.

Эманация – вытекание, излучение.

Table of Contents

[Наталья Солнцева В Храме Солнца деревья золотые](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)